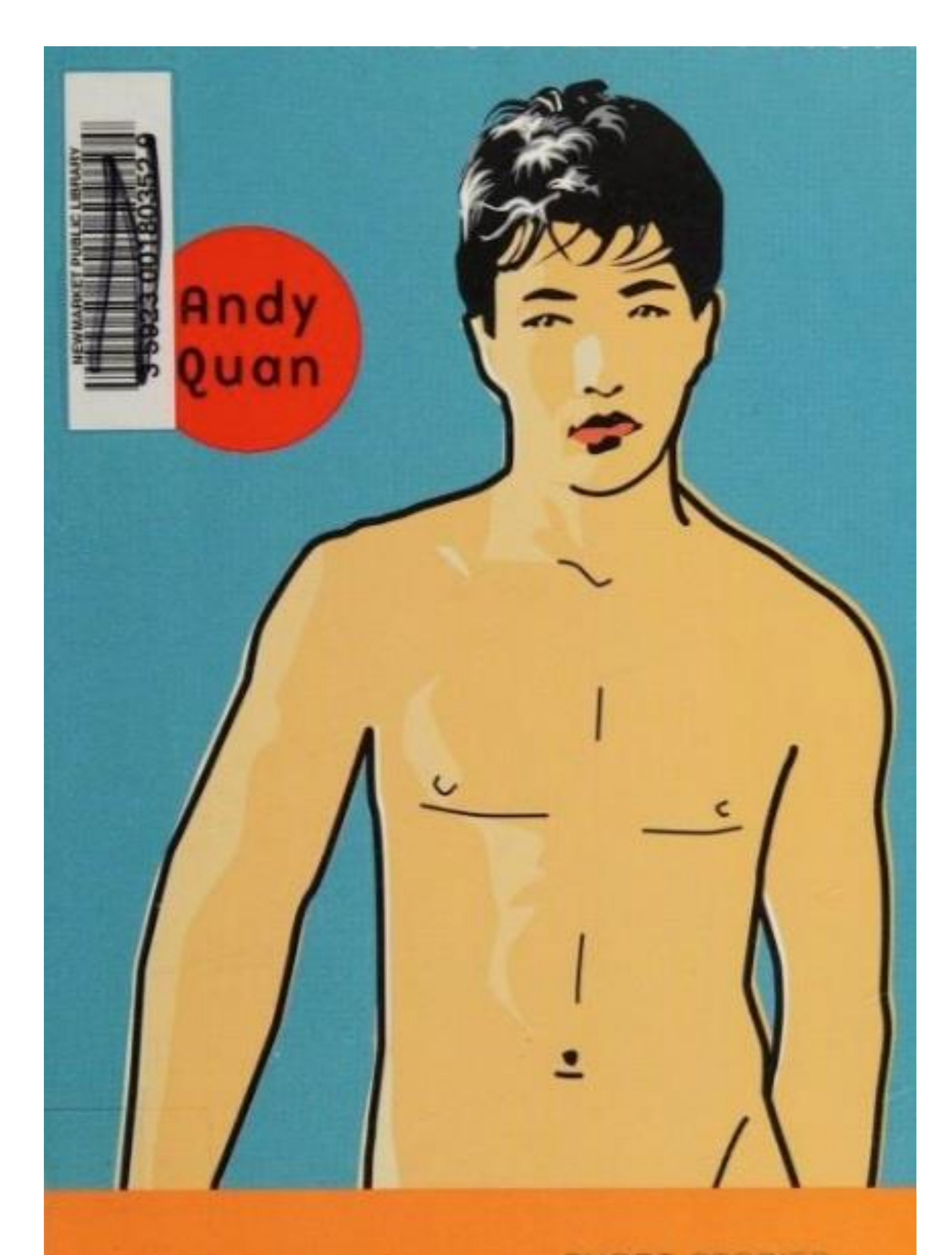

Andy Quan
SHORT STORIES
CALENDAR BOY

Calendar Boy

Andy Quan

Мальчик из календаря

Энди Куан

2001

перевод
Иван Иванов

2025

Благодарности:

Что касается меня, писательство — настоящее сообщество. И вопрос не только того, как я и другие живем в этом мире, но также поддержки, советов, которые я получаю от семьи, друзей и даже незнакомых людей относительно моего творчества и, собственно, писательства.
Много разных людей стали источником вдохновения для историй в данной книге, прошедшей через бесчисленное количество правок в ответ на полезные советы редакторов, друзей, коллег и наставников. Если вы когда-то читали хотя бы одну из этих историй до того, как она была опубликована, вы, определенно, приняли участие тоже. Спасибо вам всем за помощь. Редакторы, как те, кто принял, так и те, кто отклонил эти рассказы, - все они помогли придать моей прозе более законченные формы.
***Calendar Boy/Мальчик из календаря* заслуживает особой благодарности за прекрасную редактуру и внимательную корректуру Рольфу Мауреру, Виоле Фанк и Софи Эмброуз.**
Также выражаю признательность издательству New Star Books[1] за сотрудничество, издательству Arsenal Pulp Press[2] за развитие и поддержку гей-литературы в Канаде, Penguin Australia[3] за согласие сопровождать *Calendar Boy* в Волшебную страну, и Asian-Canadian Writer's Workshop[4] за поддержку моих трудов.

[1] независимая канадская издательская компания, расположенная в Ванкувере, Канада. Под своим именем появилась в 1974г., в 1998г. расширила деятельность с исключительно политической литературы на художественную и поэзию.
[2] канадское издательство, базирующееся в Ванкувере. Основано в 1971г.
[3] австралийское подразделение британской **Penguin Books Ltd**, основанной в 1935г. В настоящее время носит название **Penguin Random House** (с 2013г.)
[4] **Asian Canadian Writers' Workshop Society (ACWW)** — некоммерческая организация, содействующая и предоставляющая иную помощь в области продвижения культурных мероприятий на английском языке: фестивали, презентации, демонстрации, выставки, семинары и практикумы, посвященные литературному искусству, темам и интересам азиатско-канадских стран Тихого океана. Основана в 1970-х., формально в 1995г.

Хочу отметить и друзей из Pearson[1], Университета Трента[2], CWY[3], Труа-Пистоля[4], Университета Йорка[5], IPC-Denmatk[6], по Всемирной выставке Expo'92[7], Бельгии, Лондона, Сиднея, Торонто и Ванкувера, — особое уважение Дину Пери, Марсело Вела, Дереку Холлу, Ким Андерсон и Томасу Кевину Долану.

Рассказ *How to Cook Chinese Rice/Как готовить китайский рис* впервые появился в *Queeries: An Antology of Gay Male Prose/Квиры: Антология мужской гей-прозы*(Arsenal Pulp Press, Ванкувер, 1993)[8].

[1] **Pearson plc** — многонациональная корпорация со штаб-квартирой в Великобритании, специализирующаяся на издательской деятельности и предоставлении образовательных услуг. Основана в 1844г.

[2]

Trent University - государственный университет свободных искусств в Питерборо, Онтарио. Филиал в Ошаве. Основан в 1964 году.

[3] **Canada World Youth/Канадская Международная организация Молодежи** - интернациональная некоммерческая структура, целью которой было предоставление молодежи возможности добровольно узнать о других сообществах, культурах и людях, одновременно развивая лидерские и коммуникативные навыки. Основана в 1971г. Распущена в 2022г.

[4] **École D'immersion Française De Trois-Pistoles** - школа интенсивного изучения французского языка в г. Труа-Пистоль, Канада. Закрыта в 2024г.

[5]

York University - канадское государственное высшее учебное заведение. Расположен в городе Торонто провинции Онтарио. Третий по величине университет Канады. Основан в 1959г.

[6] **Международный общественный колледж -** средняя школа в Хельсингёре в северной части Зеландии, Дания, недалеко от Копенгагена . Прогрессивная международная школа с проживанием, которая акцентирует разные формы сотрудничества и учит глобальной осведомленности, толерантности. Основана в 1921г.

[7] **Expo 1992** — проходила с 20 апреля по 12 октября 1992 года в Севилье, Испания. Тема «Эпоха открытий», посвященная 500-летию открытия Христофором Колумбом Америки. Было представлено более 100 стран.

[8] Редактор Дэннис Денисофф

Впоследствии опубликован в журнале *Geist*[1] и Азиатско-американском писательском журнале[2]. Отрывок из *Hair/Волосы* под названием *Bald/Лысый* появился в *Queer View Mirror/Панорамное квир-зеркало* (Arsenal Pulp Press, Ванкувер, 1995)[3]. Сокращенная версия рассказа *Immigrant Song/Иммигрантская песня* появилась в *Contra-Diction/Против, но внятно*(Arsenal Pulp Pres, Ванкувер, 1998)[4]. *Hair/Волосы* был опубликован в сборнике *Circa 2000: gay fiction at the millennium/Рядом с двухтысячными: Художественная гей-проза на пороге Миллениума*(Alyson Publcations Los Angeles/New York, 2000)[5]. *Calendar Boy/Мальчик из календаря* и *What I Really Hate/Что я действительно ненавижу* появились в *Take Out: Queer Writing from Asian Pacific America/Избранное: Азиатско-тихоокеанская американская гей-проза*(Asian American Writers Workshop и Temple University Press, 2001)[6].

[1] *Разум* - канадский литературный журнал. Выходит ежеквартально с 1990 года.
[2] **Asian-American Writer's Journal** в оригинале, но скорее всего - это *The Asian Pacific American Journal*, издававшийся **Asian American Writers' Workshop Society/Азиатско-американским писательским семинар-сообществом**. Журнал был основан в 1992г. и выходил ежегодно до 2007г., потом был объединен с журналом *Hyphen Magazine*. С 2012г. выходит самостоятельный онлайн-журнал *The Margins/Грани* того же издателя.
[3] полное название **Queer View Mirror: Lesbian and Gay Short, Short Fiction/ Панорамное квир-зеркало: Лесби - и немного гей - художественные рассказы** под редакцией Джеймса С. Джонстона и Карен Х. Тульчински. Рецензия: Клэр Уилкшир
[4] полное название **Contra/diction : new queer male fiction/Против, но внятно: новая художественная мужская квир-проза** под редакцией Бретта Джозефа Грубисича.
[5] Редакторы Роберт Дрейк и Терри Вольвертон
[6] Редакторы: Куанг Бао, Ханья Янагихара, Тимоти Лю

Содержание

Как готовить китайский рис

Не обязательно иметь рисоварку или казанок, чтобы готовить белый рис идеально и вкусно постоянно. Это делается так:

1. Выбор

Если вы хотите, чтобы ваш рис получился таким же, как и в китайских ресторанах, нужно взять китайский же рис. Он - длиннозернистый; короткий, жирный, клейкий — японский. Не покупайте обработанный рис от Uncle Ben's или рис с лицами белых людей на пакетах.

Происхождение: Я родился через семь лет после своего первого брата и через пять после второго, Дракон последовал за Тигром, и затем за Петухом. Когда я родился, на горизонте был Уран, планета перемен; кроме того, мой астрологический Дом Любви не соответствовал каким-то другим планетам. И Армстронг высадился на Луне. Общий стресс конца шестидесятых вызвал нарушения у моей матери, когда я еще был внутри. А мой гипоталамус был больше моего пениса;

изменчивые гены причудливо курсировали по генеалогическому древу от двоюродного дедушки, прибывшего некогда в Нью-Йорк и о котором больше ничего не было слышно. Я родился частично в рубашке, красная шелковая ткань которой обернула мою талию, и на этом, своего рода кушаке, явственно были различимы силуэты бамбука и журавлей. И я прибыл в мир с довольно густой шевелюрой.

2. Расчет

Сколько человек вы собираетесь накормить? Рис, конечно, вкуснее свежий, но вы всегда можете разогреть его на сковороде, если вдруг он остался, да и микроволновку рис выдерживает вполне сносно. В любом случае, возьмите половину китайской миски для риса (или около половины чашки) из расчета на одного человека.

Я расслышал очень тихо, будто кто-то вроде бы пробормотал:
- Убирайся, тебе не место среди нас.
Нас в комнате всего шесть или семь человек.
Девушка рассказывает о жизни на улицах Ванкувера.
Она говорит:
- Помню, как однажды мы, трое девочек, были в парке развлечений с Рики, нашим сутенером, и колесо обозрения возносило нас в небо, а солнечный свет рассыпался по металлу конструкций блестящими стразами.

Мы, закутанные в очень теплые шубки, смотрим на других девочек, смеёмся вместе с их друзьями. Больше всего на свете желая тогда быть такими, как они.
И еще: никто на улице не хочет спать с чернокожим мужчиной. Это плохо, но - правда. Девушки боятся. Но вы знаете, что лучше? Восточные мужчины. Они всегда вежливы, очень чистоплотны, и знаете? Они быстро кончают. Это тот тип клиентов, который тебе нужен.

3. Положите рис в кастрюлю

Теперь положите рис в кастрюлю с плотно прилегающей крышкой.

Кто-то на танцполе. Но в целом, пусто. Вечер обычного дня. Рубашка узковата. Моя рука на влажном бокале с ледяным пивом. Я облокотился на перила парапета, окружающего танцпол. Силуэт белого тела. Приближается. Флуоресцирует. Полоска открытой кожи выше пояса, как кожица припущенного* цыпленка в духовке. Глаза блестят. Ухмылка на его бородатом лице:
- Эй. Мы с другом думаем, что ты довольно симпатичный. Может, присоединишься к нам?
Нет. Огоньки перемигиваются. Я жду. Колонки трясутся, подобно включенному на всю мощь пылесосу. Друга. Словно в доме заняты уборкой. Типа, как пыль в комнате,

* like steamed chicken в оригинале. Дословно, кура на пару. В русской и европейской кулинарной традиции - так готовят "припущенную" птицу.

собирающаяся в одном месте.
Но нет. Видно ее только в солнечном свете, льющемся через окно. Может быть, позже.
Чувствую себя виноватым, что не отозвался на приглашение. Укоризненные глаза матери.
Он уходит.
Позже он снова рядом. Тяжелый, долбящий диско-ритм. Он задевает меня:
- Эй. У меня был бойфренд вьетнамец.
Потные тела. Изгибаются и дергаются в ритме танцпола.
Он снова что-то говорит. Нет. Толстяк, - глаза его как вытянутая рука. Нет. Я качнул головой. Быстро, как взмах палочек для еды. Словно отсечка курка.

4. Важная часть

Теперь промойте рис холодной водой, пока весь крахмал не отделится и вода не станет относительно прозрачной. Если этого не сделать, рис будет крахмалистым. Он слипнется во влажные комки. Именно так готовят обычно рис белые.

Когда мне было десять, я естественным образом тянулся к другим китайским мальчикам в нашем классе, в частности к двум, Рональду и Джеймсу. Мы разговаривали о компьютерах, хоккейных карточках, детективах. Не о девочках, как крутые парни, не о пикантных тайных подробностях всяких секретов, как компания греческих мальчиков с именами древних философов и императоров.

Я отдалился от них в четырнадцать, примерно в то же время, когда Кристина Гринштерн пришла ко мне с откровением, что "все китайцы умны, носят очки и хорошо разбираются в математике. Это, должно быть, что-то генетическое."
И правда, мы все работали смотрителями в библиотеке, участвовали в большом математическом конкурсе, а двое из нас еще брали уроки игры на пианино.
Оценки у всех были хорошие. Я так подумал, что пришло время заняться поиском.
В восемнадцать я уже поднимался по лестнице на свою первую встречу университетской гей-группы. Заглянул за угол и проник в темную комнату: тонкие струйки дыма, извивались вверх, словно джинны, исчезающие, не исполнив ни единого желания. Примерно дюжина парней расположились на трех ушатанных диванах, все - блондины или таковые на вид. Расслабленные запястья беспорядочно свешиваются с подлокотников тут и там. Не многих из них хватило на какое-то приветствие.

5. Закройте кастрюлю крышкой

Залейте рис водой выше примерно на дюйм или на 2,5 сантиметра, или на длину фаланги указательного пальца обычного размера.

Мне тринадцать. Я прячу линейку в ящике комода спальни. Дома никого нет, шторы задернуты.

Какой длины он должен быть? Откуда его измерять? Вырастет ли он, когда и я вырасту?
Через шесть лет Филипп Раштон, профессор Университета Западного Онтарио, заключил, что у меня, как у азиата, относительно небольшой пенис.
Но два года спустя я целуюсь со своим любовником Яном на диване в его гостиной. Другой его любовник, Брайан, заходит в дом с цоколя, поднимается по лестнице, и садится рядом.
- Я так обкурился. Ух! - протяжно произносит он, вставая и намереваясь уходить.
- Продолжайте. Я просто пойду в спальню. Останавливается посреди комнаты, приглашая нас идти с ним.
- У тебя длинный член, — замечает он, когда мы уже втроем на огромной кровати.
Я смотрю на него:
- Правда? Я всегда думал наоборот.
Он протягивает руку:
- Да, правда.

6. Уверенность

Храните уверенность в себе. Приготовление пищи, как и все другие содержательные занятия, требует такого состояния ума, когда вы верите в себя. Повторяйте: «Я умею готовить рис».

Мне двадцать один год, и я до сих пор ничему особо не научился.

Но сейчас лето и Гей-Олимпиада* в Ванкувере, - мое сердце бахает, как попкорн, от вида однополых пар, осматривающих достопримечательности, рука за руку, столь же естественных, как морские звезды на прибрежных камнях, как горы на фоне яркой гавани.
Я вызвался волонтером на соревнованиях по бодибилдингу.
Сгорая от нетерпения, я в конце концов получаю назначение в душный тренажерный зал в задней части стадиона: невысокие, широкоплечие женщины и мужчины натираются здесь маслом и качают веса. Делать же особо нечего, потому что слишком много волонтеров на совсем незначительную работу. Я, таким образом, предоставлен сам себе.
Разгуливаю по коридорам, энергично приветствуя людей, как на вечеринке, с широко раскрытыми глазами. И говорю себе, что у меня никогда не было возможности побыть бестолковым подростком, накачанным гормонами. Моя сексуальность скрывается под асексуальностью.
- Эй, - говорю себе, - а это шанс, и у меня даже есть фотоаппарат!
Позже, в тот же день, прохожу мимо комнаты, где одна парочка собирается на обеденный перерыв после утренней жеребьёвки. Поначалу я вступаю в диалог с женщиной, - так безопаснее.

* **Gay Games** (Gay Olympics) - основаны в 1982г.,открыты для всех желающих, независимо от сексуальной ориентации, и нет никаких квалификационных стандартов. Стартуют после зажжения Огня Игр.

Потом уже с парнем: пронзительные голубые глаза, идеально коротко стриженные платиновые светлые волосы.
- Привет, откуда ты? - он улыбается мне.
Колени подгибаются.
- Сан-Франциско.
- Ого, вы, парни из Калифорнии, такие горячие.
Вытираю воображаемый пот со лба.
Джереми — бухгалтер, но все свободное время проводит, тренируясь в расчете на соревнования. Он разъясняет мне на различия между теми, кто принимает стероиды, и теми, кто их не принимает. Внезапно я замечаю, что, хотя его тело идеально сложено, он не такой большой, как многие другие. У него даже близко нет шансов на победу в своей весовой категории, но, возможно, с Ритой в парном соревновании может что-то и получится. В своей открытой, естественно приветливой манере западного побережья, он заявляет, что у меня есть четыре года, чтобы подготовиться к следующим Гей Играм.
- Эй, можно сфотографироваться с тобой?
Мы передаем камеру его партнеру.
Я снова смотрю на него.
- Без футболки.
Он закатывает глаза, я выдыхаю какой-то извиняющийся звук, но он идет навстречу. У меня есть фото: потешный китайский парень с самодовольной улыбкой, обнимающий за плечи покрытую загаром груду упругих мышц. Я пожимаю ему руку и ухожу, полностью довольный собой.

Кейн совсем другой, с резкими манерами, в яркой спортивной одежде, с преждевременной проседью и серо-голубыми глазами. Совсем не похожий на других бодибилдеров. Не намного больше меня, хотя диета последних месяцев и отсутствие воды в течение дня буквально расчертили выпуклости и добавили четкости линиям. Я выясняю, что он тренируется всего два года; это его личная цель — выйти на соревнования в легкой весовой категории.
Мы вместе идем в тренажерный зал, сидим, болтаем. Я замечаю Джереми в другом конце комнаты, сгруппировавшегося в кресле, закинувшего ноги на табурет. Я пытаюсь поймать его взгляд, но он, кажется, чем-то раздражен.
К концу дня я даю свой номер телефона Кейну, который покажет себя потом скучным и эгоистичным.

Той летней ночью я иду по мосту на Грэнвилл-стрит*, бетонные пролеты парят над сине-черной водой, звезды сияют в небе, как на первой репетиции какой-то труппы. И тут меня осеняет, и представляется лицо Джереми, раздраженного, отражающееся в зеркалах в пересечении отражений же спортивных тренажеров.
Думаю, любой другой понял бы. Но я тогда не понял.
Пока я флиртовал с ним, так явно, но для меня совсем не очевидно, он флиртовал

* **Granville Street bridge** - восьмиполосный консольный мост в Ванкувере между юго-западным центром Ванкувера и районом Фэрвью, на высоте 27,4 м (90 футов) над островом Грэнвилл.

со мной, худеньким китайским парнишкой, который никогда не мог бы и представить, что кто-то, похожий на все его фантазии, может вообще заинтересоваться им.
Вы когда-нибудь были на фабрике печенья с предсказаниями? Маленькие кружочки теста обжариваются с обеих сторон, и в настоящем круговороте рук крошечные бумажки вкладываются внутрь.
Затем, прежде чем готовые кружки остынут, их с одного края изгибают, а бока подворачивают вниз, - они приобретают грациозность взлетающего с воды журавля, шея чуть изогнута, крылья подняты вверх, капли воды с его ног расходятся концентрическими кругами по озерной глади.
Это были мои лето, город, Гей Игры: своего рода редкие виды грациозных, красивых, странных птиц, парящих в синеве. И вот, мягкая выпечка, - город одним гигантским блинчиком разогревается, меняет форму, превращается во что-то иное, чем был до этого.
Я разламываю это печенье. Это моя счастливая бумажка Фортуны, - то фото, которое сделал за кулисами соревнований по бодибилдингу. Фортуна говорит: ЭЙ, МАЛЫШ, НИКОГДА-НИКОГДА НЕ СТОИТ НЕДООЦЕНИВАТЬ СЕБЯ.

7. Кипячение

Ставьте кастрюлю на сильный огонь, пока вода не закипит. Затем убавьте до среднего: вода все еще будет энергично бурлить.

Подождите, пока она не выкипит до того же уровня, что и рис.

Самым заметным и известным геем в моем маленьком университетском городке был уже пожилой человек, актер, который переодевался в дрэг и распевал песню о лимонных деревьях. Его еженедельная колонка в нашей университетской газете носила название *Гей-голос*, и была цветистой продолжительной серией мемуаров о детстве в эксцентричной британской семье, где-то в Южном Онтарио*. Все иллюстрации для колонки были либо в стиле ретро-модерн, либо старых газетных рисунков мужчин в цилиндрах и женщин в платьях свободного кроя с открытыми на всю длину руками. Все плакаты и рекламки университетских гей- и лесби-вечеров пестрели кадрами из черно-белых фильмов с Гарбо, либо лесби-триллеров про вампиров.**

Когда несколько лет спустя я посетовал на такое знакомство с жизнью геев, Барри, студент магистратуры, гневно ответил мне:

- Так уж сложилось, не могло и быть какой-то этноцентричности! Это наша забытая история. Где несчастные чернокожие и латиноамериканские дрэг-квин и буч-лесби

* **Ontario** - самая южная и густонаселенная провинция Канады. Здесь проживает 38,5 процента населения страны. Является второй по величине провинцией по общей площади.

** **Greta Garbo** (1905-1990) - культовая шведская и американская актриса. Стала популярной еще в эпоху немого кино, но ее карьера в кино была коротка, завершившись в 1941г., что не помешало ей оставаться образом и в светской жизни.

стояли на передовой в Стоунволле, отбиваясь от отрядов полиции, разбивая пожарные гидранты!
Я пытаюсь представить себя там, на Кристофер-стрит, крики летят со всех сторон, поверх голов, срываясь с губ острыми лезвиями, разжигая вместе с гневом и сопротивление в открытых ранах.
Пытаюсь представить себя в черно-белом, изнывающего в оттенках серого, возможно, в домашнем халате, возможно, в шелковой пижаме.
Нет. Нет даже отклика.

8. Пар

Теперь закройте кастрюлю крышкой, убавьте огонь до абсолютного минимума, чтобы горячий пар мог довести рис до готовности.

Вечеринки в нижнем белье захлестывают андеграундный Торонто: остромодное, превосходное, очень возбуждающее развлечение. К тому времени, когда я иду на свой первый сеанс, тренд уже умирает. Что еще нового? Перед выходом, я завязал свои длинные черные волосы в тугой хвост, - стараюсь выглядеть мужественно и аккуратно.
Мы снимаем зимнюю одежду у двери, пытаясь запихнуть ее в тонкие пластиковые пакеты. Люди при дверях складывают наши сумки в комнате, забитой такими пакетами, пишут номера нам на руках.
Стрелки отсюда указывают направление через

заднюю дверь, через парковку в другое здание. Мы бежим сквозь холод, влетаем в дверь, взмываем по лестнице, отдаем какому-то парню немалые деньги за вход.. и, вот: здесь полно танцующих парней в спортивных шортах *Calvin Klein*, в шортах, без трусов. Геи такие ультрасовременные.
Мы только что с университетских танцев, *Homo-Hop*, и у нас тот еще вид: кучка студентов, с полдюжины, никого настолько уверенного в себе, чтобы ходить с голым торсом, да и зачем нам это? Все эти спортивные тела, снующие туда-сюда: если суммировать все часы, проведенные ими в спортзале, можно было бы построить железные дороги, воздвигнуть монументы, огромные, высокие фаллические сооружения, как где-то в мифических городах Европы.
Осматриваемся: помещение мне кажется довольно большим, но один из парней говорит, что ничего особенного, всего этаж; а там, где он был, - три, все забитые людьми, с разной музыкой на каждом, даже джакузи на одном из них. Но здесь есть темная комната в дальнем углу - самая светлая, которую я когда-либо видел, уличный свет фонарей струится через окна, подобно огням новенького *Харлея*. Мало кто чем-то занят. Многие просто ходят, тусуются, ждут, наблюдают.
Я следую их примеру, как один из клина стаи птиц, направляющихся в теплые края.
Но есть и те, кто движется инстинктивно, они не следят ни за кем другим

в поисках подсказок. Их можно классифицировать по разным типажам, но все они и каким-то образом схожи: одни с седыми волосами, плотные и мускулистые; другие - коротко стриженные шатены, гладкие и мускулистые; третьи - светловолосые, высокие приятели Кена*. У них вроде сообщества, остальные же - на более низких уровнях иерархии.
Этот уличный свет из окна делает всех нас привлекательными. Выхватывая фокусами мускулистую спину, стройные ноги, переходя на кожу куртки и обнаженную грудь. И я не думаю, что они красивы, потому что не думаю, только вижу и знаю, что где-то они всего лишь образы, от которых теплеет в паху: MTV, танцоры из шоу Мадонны, порнорекламы на последней странице газеты.
Позже я наблюдаю парня восточной внешности, невысокого и худого, опять же, как птица. Теперь и в комнате образуются группы; двое целуются, и компания из двух или трех сбивается в кучку, они прижимаются к друг другу, обнимаются, постанывают, другие жмутся к стенам, занимая углы. Восточный парень курсирует рядом с ними грациозно, как тень, как легкий ветерок, растворяясь среди скопления высоких парней с рельефными скулами, квадратными челюстями и розовато-белой плотью. Снова вдруг возникает, меняет локацию, вновь исчезая в другой группе. На другой стороне комнаты я в толпе, стою молча и глупо, вижу его,

* мужская кукла, бойфренд Барби.

покачивающегося словно на волнах, но никогда не поднимающегося полностью на поверхность, лица и губы других мужчин сближаются, цель их - рты или грудь друг друга, а он внизу, в потоках подводных течений. Люди входят и выходят, толпа то убывает, то прибывает.
Я тоже обхожу эти флуктуации. Не наклоняюсь. Смотрю людям в глаза. Никто не отвечает на мои взгляды.

9. Ожидание

Наблюдайте около десяти-пятнадцати минут. Наверное, вы сможете определить, когда все будет готово.

Мои родители ищут хороший китайский ресторан, пока тот уже вот-вот не закроется или пока не уйдут повара. Они следуют определенным ориентирам, чтобы найти следующий: *Благородный Кузнечик, Семейный ресторан Чарли Чанов**.**
Отец заказывает тарелку готового к подаче домашнего супа. Это коммунистический суп, объясняет он, для тех, кто голоден, он всегда на плите, чтобы можно было сразу воспользоваться. Этот суп сопровождает меня все детство, - прозрачный бульон

* **Honourable Grasshopper** - популярный бренд китайских ресторанов вегетарианской кухни.
** **Charlie Chan** — вымышленный полицейский детектив китайского происхождения, житель Гонолулу и сотрудник полиции. Персонаж романов писателя Эрла Дерра Биггерса, придумавшего его в 1923 году. Популярный образ в многочисленных кинофильмах.

с крупной морковью, куском жирной говядины. Теперь в моей привычке одна чашка перед едой и одна после.
Солнце встает, садится, и здесь начинается рабочий день.
Мы ужинаем в кругу друзей родителей, наших родственников, гостей из других городов. Если это особый случай, владелец накрывает блестящий коричневый пластик стола скатертью. Пахнет медом и чесноком.
Этот ресторан закрывается. Следующий тоже. И еще один. И снова. Но открываются другие. Отец заказывает блюда на кантонском диалекте*; их приносят шкворчащими в глиняных горшочках. Звон тарелок, пар поднимающийся к потолку.
Я боюсь, что больше никогда не почувствую вкус своего особого супа и никогда больше не будет в моей жизни чего-то, что, как я знаю, существует, но описать не могу.

10. Не заглядывайте в кастрюлю

Не поддавайтесь искушению открыть крышку до того, как процесс будет завершен. Весь пар выйдет.

Из метро я выхожу на Йонг-стрит**, всего в квартале от Чёрч***. Я иду все дальше и дальше, вдоль высоких зданий, поднимающихся вдоль тротуаров. Я провожу здесь весь день: ресторан сменяется кафе, продуктовый

* традиционная престижная разновидность китайского языка.
** **Yonge Street** - длина улицы 86 км.
*** **Church and Wellesley/Чёрч и Уэллсли** - гей-район в Торонто.

магазин переходит в бутик. Просматриваю гей-газету: сначала комиксы, затем первая страница, перехожу к разделу *События*, просматриваю анкеты. Взгляд скользит по фотографиям мускулистых моделей рекламы телефонной гей-линии. Поднимаю глаза и вижу мужчину в обтягивающих джинсах, на желтом велосипеде. Интересно, что у него с личной жизнью? Мой взгляд следует за ним по всей Чёрч-стрит до той далекой точки на горизонте, где сливаются воедино линии телефонных столбов, тротуаров, зданий и проводов.

Затем пересекаю улицу. Я двигаюсь так быстро, что уверен, никто никогда не сможет меня догнать. Я боюсь, что никогда не найду себя в чем-то, кроме простого действия. Я обязан двигаться так. Если остановлюсь хотя бы на одну секунду промедления, шум тысяч кленовых веток, тянущихся вниз, и гул миллионов разъяренных пчел разорвут меня на части.

11. Все готово?

Подавайте рис так, как привыкли и желаете. Спасибо маме за рецепт.

Высшее образование

Когда я оглядываюсь на себя молодого, наивного, охватывает смущение за абсолютное отсутствие здравого смысла, того шестого чувства, которое могло указать мне, куда хотелось бы идти. Но любой сказал бы, что гей-жизнь, которую я ищу, вряд ли есть в Питерборо, Онтарио. В *Монреале, Торонто, Нью-Йорке*, - да. В крупных городских центрах. Это и были те места, куда стоило отправиться. Вместо этого, поскольку я слышал о прогрессивном университете с «весьма заметным» лесбийским и гей-населением, я прилетел в Торонто, запрыгнул в автобус, и через полтора часа был на месте. Кроме того, я был эко-дитя, сторонник защиты деревьев, неохиппи: и тому подобных категорий, какие и должны составлять в основном студенческое население. Я прочел книгу относительно защиты окружающей среды *Малое прекрасно и сразу согласился: «Конечно, все так». Настало время воплощать идеалы в реальность.**

* **Small is Beautiful** (1973) - книга британского экономиста немецкого происхождения Э. Ф. Шумахера, где популяризировались малые, мелкосерийные технологии в альтернативе общему: «больше — лучше».

Но в тот день, когда я приехал начинать свой первый год в университете, все магазины были закрыты, и автобус вообще не просматривался на горизонте.
- Где я? — подумалось мне.
- Сегодня воскресенье, — объяснил скучающий подросток отсутствующего вида в закусочной *Donut Hut**, которая была единственным признаком жизни на многие мили вокруг.
Шестьдесят тысяч человек не звучит как что-то совсем малое, но ощущалось именно так. Питерборо явился аккуратной консервативной деревушкой, далеко от побережья, где я вырос, и далеко от привычных условий большого города. Тем не менее, я сбежал из родительского дома и чувствовал превосходную анонимность. Неважно, насколько маленьким или изолированным местом был Питерборо, я был полон решимости узнать здесь, что значит быть геем, что значит влюбиться в другого мужчину.

~

Плакаты для первой в этом году дискотеки геев и лесбиянок лепили на скотч к фонарным столбам и доскам объявлений, их срывали, иногда появлялись новые, - все зависело от энтузиазма и энергии активистов.
Подобные мероприятия редко устраивали в не слишком урбанизированном Онтарио. Поэтому их ждали не только студенты, но и несколько преподавателей, даже кто-то из города, а также и с окраин Питерборо.

* **Пончиковый домик** - распространенный бренд кафе и закусочных

Поднимаешься по лестнице в небольшую столовую одного из колледжей: свет приглушен, столы и стулья убраны, - расставлены вдоль стен, колонки в одном конце помещения, бар в другом.
Не слишком ловко пробираясь через толпу из примерно пятидесяти парней и мужчин, а также нескольких женщин, я не понимал, где выкроить местечко для себя. Музыка тоже была не такого рода, о чем стоило бы упомянуть в письме домой, хотя не то чтобы я писал домой о чем-то подобном, — прошло еще несколько месяцев, прежде чем я отправил *то* письмо родителям.
Я даже сумел коротко пообщаться кое с кем, но ничего особо не сложилось. Может быть, я ожидал слишком многого. Поэтому просто танцевал, надеясь достичь состояния непринужденности под какую-то малоизвестную дискотечную песню, но громкости было маловато.
В первый раз я зашел в гей-бар с причудливой толпой друзей-натуралов. Им понравилось, потому что здесь было *круто*, напитки дешевы, атмосфера — ощутимо свободна. В качестве приветствия, они чмокнули друг друга в обе щеки, при этом выглядели абсолютно восторженными и скучающими одновременно. Через некоторое время я начал посещать эти бары один.
Тем не менее, потребовалось много времени, чтобы чувствовать себя здесь непринужденно, понять, так сказать, всю хореографию. Уже внутри я оглядывал пространство,

заполненное совсем взрослыми мужчинами, и не знал, для чего мне нужны попытки заговорить с ними. Зачем? Почему я этого не делаю? Что сказать? К тому же, как вообще разговаривать при такой громкой музыке?
Но что точно можно было сказать, так что у них были *голодные глаза*. Однажды я вычитал в какой-то топорной газетной заметке про полутемный гей-бар, заполненный одинокими мужчинами с *голодными* глазами. Что могло быть и правдой. Но правда была и в том, что я не замечал всего этого. Музыка, перемигивающиеся огни, танцпол. Я ведь думал, что люди ходят туда танцевать. В конце концов, когда стало понятно главное в этих барах, то лишь самые заметные и дерзкие посетители составляли первый план. Остальные терялись где-то в глубине, пытались выражать бесстрастность и, на мой взгляд, в основном приходили с друзьями. Вот почему я приучился танцевать один, и больше всего нравилось, когда на танцполе пусто. Я кружился и раскачивался, подобно морским волнам, пытаясь вписать свое тело в музыку. Теперь я как-то более сдержан, но тогда, на моих первых университетских дискотеках, я мог полностью отгородиться от мира, как улитка в раковине, в то время, когда вокруг пространство начинает заполняться людьми.
Тим вышел одновременно со мной, около часа или двух ночи. У него были пьяные влажные глаза и он слегка покачивался.
- Эй, — сказал он мне, — могу я

проводить тебя домой?
Он был студентом-археологом с последнего курса среднего роста и худощавый. Я видел его статьи в разделе *Гей-приколы* университетской газеты. Он подписывался своим именем. Мне бы тоже хотелось так делать.
- Нет, вообще-то. Я живу буквально сразу за углом.
Он шел, несколько пошатываясь, меня это смущало. В то время я считал такое состояние на людях признаком некоей уязвимости, которую не хотелось ни показывать, ни наблюдать.
Я был слишком наивен, чтобы понимать, чего он хочет.
- Ну же, — уговаривал он, — просто до двери.
- Нет, правда, у меня сосед по комнате, и я не хочу его будить. Мне было интересно, что он будет делать, с соседом по комнате или без него. Хотел ли он поцеловать меня? Я никогда раньше не целовался с мужчиной; никогда никого не целовал, по факту, в губы, — это важный вид поцелуя. Но с ним целоваться я не хотел.
- Только до двери, — повторил он.
- Нет, — ответил я. - Спокойной ночи.
Провожая его взглядом, когда он, пошатываясь, двинулся в противоположную от меня сторону, я направился к себе.
Знаете, некоторые люди, кажется, понимают в сексе все с самого начала: язык, ритм, возможности и риски. Не только сам процесс,

но подход и все последующее: слова, которые не слышишь, умение ответить на взгляд, на потребности твоего тела.
Мне потребовались годы, чтобы хотя бы начать учиться.
Я спал урывками и не вспомнил снов утром. Когда же проснулся, то поблагодарил своего соседа по комнате.
- За что? — тут же спросил он.
- О, ну, не знаю, — ответил я ему. - Просто приятно возвращаться домой, к кому-то.

~

События развивались витиевато. Где-то в глубине моего сознания я знал, что он мне нравится. Но в первую очередь он все-таки был другом, и хотя у меня была репутация человека, требовательного и в отношении друзей, ничего большего я не ожидал.
Комната Питера не давала каких-то подсказок, но я их и не искал. Его доску для стикеров и заметок акцентировала открытка с изображением пышногрудой женщины в розовом бикини. Книги на полке были похожи на мои, но в продвижении на несколько лет. Да, он тоже изучал политику.
Я заходил к нему в перерывах между занятиями, заскакивал перед обедом или ужином, иногда вечером. Я не придавал особого значения всему этому. Студенты всегда заходили друг к другу, необходимости в назначении встреч не было. Все здесь было новым для меня. Когда я встречал людей, которые, как полагал, могут стать мне

друзьями, то выстраивал отношения с ними довольно энергично. У меня не было опыта в личных отношениях, поэтому я пытался обойтись очень теплыми дружескими.
Таким образом, осознание того, что дружба, к которой я стремился, превращается в такие отношения, было смущающим. Почти так же странно, как и первый поцелуй в тот день, когда он признался мне, что - гей, и по моему вниманию понял, что я хотел бы от него большего, чем говорил.
Мы стояли и смотрели друг на друга. Голова кружилась. Он наклонился ко мне. Я закрыл глаза. В кино всегда закрывают глаза, и я не мог себе представить, как возможно держать их открытыми, чтобы смотреть на кого-то столь близко. Но я никогда раньше никого не целовал. Никогда.
Питер, у которого была широкая челюсть и большой рот, широко открыл его, приблизился к моим закрытым губам, медленно описывая своим языком круги. Верхняя часть его рта была на моем носу, нижняя — около подбородка, я чувствовал себя так, будто меня сейчас съедят. Я думал о китах, большом осьминоге и мультяшной рыбе с надутыми губами.
Он скромно ухмыльнулся и научил меня открывать рот.
Я был рад, что у меня есть мой первый парень, но все еще не понимал, что происходит.
И зачем он звонил каждый день? У меня были старые друзья еще по школе, которых знал

дольше, которые нравились мне больше, но с которыми я, конечно, не общался настолько регулярно.
Но мы с ним также регулярно и брали паузы на протяжении первых недель. Он говорил, что не может вынести всего этого. Слишком рано. Слишком быстро. Он не был готов. Не был настоящим геем. Люди узнают. Все это я воспринимал спокойно, так как оно пришло легко и неожиданно, и не удивительно, если так же быстро и уйдет. Он всегда советовался со своей подругой, которая мне почти сразу не понравилась.
- Бриджит сказала, что мне не стоит так бояться, - Питер у двери моей комнаты.
- Бриджит сказала, что никто ничего не подозревает, - когда мимо проходил знакомый гей и подмигнул.
- Бриджит сказала, что странно, что ты не звонишь мне также часто, как я тебе.
Как ни странно, я не помню разговоров, хотя разговоры были тем единственным, что получалось у меня лучше всего. Думаю, я, подобно джину в бутылке, был заключен внутри себя, а бедный Питер снаружи пытался как-то пробраться внутрь.
Это не сработало. Я не знал, что мне положено быть влюбленным. Ведь нужно исследовать слишком много окружающего мира, чтобы проводить все время с одним человеком, особенно когда необходимо время и для себя. Это был год моего каминг-аута перед родителями, время, когда умерла моя бабушка, а друг покончил с собой.

А Питер? Что я о нем не знал, так того, что его отец был алкоголиком, что он предпочитал не касаться целых периодов своего детства, привык к ссорам в отношениях, а не к миру, и нуждался во мне более, чем я в состоянии был отвечать.
И это не был его первый роман, хотя не знаю, почему я так решил. У него что-то было со взрослым мужчиной в его маленьком городке на протяжении всех его подростковых лет, а затем несколько запутанных подростковых историй с девушками в попытках приспособления и желания стать таким же нормальным, как все остальные.
Он пришел ко мне через несколько месяцев в слезах:
- Это так больно.
Я не знал, насколько ему было тяжело или насколько странным, должно быть, показался мой ответ:
- Я не хочу причинять тебе столько боли, Питер. Эти отношения не приносят тебе ничего хорошего.
В общем-то, логичный, рациональный ответ. Мы расстались и больше никогда не разговаривали, - еще одна вещь, которая смутила меня, так как я все еще не понял разницу между отношениями и дружбой.
Однако я всегда буду помнить его, потому что именно с ним я приобрел первый сексуальный опыт. Все начиналось достаточно невинно, небольшой поцелуй в комнате для занятий музыкой, пианино, скамейка, метроном, запертая дверь. Предположительно,

звуконепроницаемая.
С ним я научился целоваться в губы и полностью наслаждался этим.
Через некоторое время он положил руку мне на промежность, его решительность прямо чувствовалась через джинсы. Посмотрел мне в глаза с таким серьезным выражением, которое я не смог как-то истолковать.
- Не боишься?
- Нет.
Чего мне было бояться? Из того, что я читал, следует, что сексом можно заниматься только тогда, когда по-настоящему узнаешь человека, и, кроме того, в первую очередь - объятия, а потом можно и петтинг.
Питер не знал этих правил, а если и знал, то вряд ли брал во внимание. Расстегнул мои штаны, стянул трусы. У меня встал. Я смотрел на свой член, как будто он принадлежал кому-то другому. Питер опустился на колени и накрыл его ртом.
Невозможно было воспринимать его тепло без восторга, пронесшегося сквозь меня. Помню также, как смотрел на него, стены вокруг, случайные листки с нотами на них, объявления о университетских мероприятиях.
В теле нарастало возбуждение, пока вдруг не отпустило. Мои глаза по-прежнему блуждали по сторонам, и я поглядывал на него сверху вниз.
Он поднял глаза на меня, откинул волосы рукой:
- Что-то не так?
Весь следующий день я ходил, словно

в тумане, и думал, девственник ли я еще.

~

В конце того первого года обучения в университете в моей жизни появился Даррен. Все произошло в разгар экзаменов, и поскольку я вскоре уезжал и не думал, что возможно что-нибудь между мной и этим симпатичным парнем, с которым флиртовал, который всего несколько недель назад расставил, так сказать, должные акценты относительно себя.

Все развивалось неспешно. Я начал подписываться под заметками в разделе *Гей-приколы* университетской газеты. Вскоре после я нашел в своем почтовом ящике записку от Триш, остроумной студентки-вегетарианки, изучающей социологию, с которой иногда пересекался в кафетерии.

- Ты говоришь от лица многих из нас, — писала она аккуратными, округлыми буквами.

- И я бы хотела быть достаточно смелой, чтобы делать то, что делаешь ты.

Я поддразнивал ее по поводу диеты, не потому, что не одобрял такое, а потому, что слишком любил мясо, чтобы обойтись без него. Из-за чего в качестве подписи она нарисовала в конце этого письма большую мультяшную морковку.

После этого мы собирались за чаем в ее комнате.

Когда чайник уже был пуст, она доставала пакетик чая и бросала его в стену над батареей:

- Фокус в том, чтобы он оставался в фокусе!
Мы смеялись в те тихие ночи, поглядывая на стену в чайных пятнах, лежали, и скромные признания витали над нами, как облака, слова ласточками порхали и прорезали воздух, мы находили слова, чтобы описать наши влечения: как я любил мужчин и как она любила женщин.

Со временем начал заходить Даррен, тихонько постучав, входил в комнату, безмолвно садился и слушал наши разговоры.

- О чем ты думаешь, Даррен? — спросил я его однажды. - Ты просто сидишь там, как муха на стенке.

- Зови меня просто *муха на стене*.

~

После этого я начал заходить к нему. И однажды спросил:

- Если тебя привлекают женщины, почему бы тебе не назвать себя бисексуалом? Я не вижу в этом проблемы.

- Не знаю, — вздохнул он. - Но пока я гей. Я определенно гей.

Мы спали вместе только один раз до конца года, и это все, что мы делали: спали вместе. Он зашел ко мне в комнату ранее вечером, от него пахло пивом, обнял меня и сказал, что ему нужно идти, он же знал, что у меня экзамен следующим утром. Затем остановился, повернулся, посмотрел на меня:

- Хочешь провести со мной ночь? — мягко спросил он.

- Ну, ладно, — ответил я в той же мягкой

манере. - Но ночь — это все, что я могу обещать, ничего больше.
- Я и не прошу большего.
Я схватил рюкзак, и мы вышли за дверь. Ночь была теплой и нежной, и я до сих пор помню первые отблески утреннего света, когда вставал, чтобы уходить на экзамен. Мои руки болели от того, что я не отпускал, обнимая, его. Не знаю, как ему удалось заснуть. Я был рад, что мы провели ночь так, как провели. После первых неприятных отношений с Питером той зимой я не хотел особо секса.
Ну, не совсем так, конечно. Я действительно хотел секса, но не был уверен, что могу контролировать ситуацию. Я определенно не чувствовал этого с Питером, который, казалось, точно знал, чего хочет, и, вероятно, действительно так оно и было, поскольку я не был его первым любовником. Этот блок между головой и сердцем, разумом и телом. Что-то всегда, казалось, не так. Я хотел поговорить об этом, но не знал, что сказать. И узнал, что можно общаться даже не шепотом. Но в то время, сначала с Питером, а затем с Дарреном, я так думал, что должен как-то поговорить об этом сначала. Плакаты, телевидение, реклама — всё говорило мне, что сначала нужно разговаривать, а потом уже делать.
Моя сексуальная активность началась в эпоху СПИДа, до того, как терминология перешла от *категорий высокого риска* к *поведению высокого риска*. Я был напуган. Я был

одним из таких.
Позже тем летом я приехал к Даррену в его дом на озере Эри*. Я бывал в тех местах только ребенком, но все вдруг вернулось, когда автобус катил по дороге, а виноградники разбегались плотным ковром, связуя воедино ровный холмистый ландшафт.
Я приехал, мы пообедали, и пошли гулять по пляжу, который в этой части страны сильно отличался от привычного для меня. Целый город уходил вдаль по эту сторону воды, и песок от кромки воды до первых коттеджей усеивали миллионы крошечных ракушек с готовыми отверстиями, так что можно было сразу делать из них ожерелье, если хочешь.
Вода тоже поразила меня. На озере из алюминиевой лодки он прыгнул в воду, а я последовал за ним в джинсах, футболке и с билетом на автобус, который позже обнаружился в кармане, над чем мы смеялись и даже пытались высушить его. Все было таким прозрачным, так же и чувствовалось, а я не мог в это поверить. Океанская вода оставляет следы, как только ты ее покидаешь, а когда погружаешься в нее, то запах соли, водорослей и самой океанской биологии атакует твои чувства. Это пресноводное озеро было настолько другим, странно стерильным, но мягким, - подумал я, когда ухватился за Даррена, повисшего на борту лодки. Может ли кто-нибудь нас увидеть? Я оглядел береговую линию.

* расположенное на границе между Канадой и Соединенными Штатами , северное побережье озера Эри является канадской провинцией Онтарио.

Я чувствовал, что мне нужно так много чего сказать. На самом деле, только одно: я хочу тебя, ты обнимешь меня сегодня ночью?
Я провел весь день, размышляя, как бы это сказать. Мы в последний раз прогулялись по пляжу. Наступила ночь. Я уже смирился с тем, что и в эту ночь буду один, так как его родители были наверху, но он выключил свет, забрался ко мне в постель и выключил ночник на тумбочке. Мое желание исполнилось, он обнял меня. И настаивал на большем, а теперь я жалею, что не позволил ему этого тогда.

~

Он так и не ответил на письма, которые я отправлял на протяжении лета, но когда я вернулся в университет на следующий год, то узнал, чем он занимался.
У Аланы были длинные струящиеся рыжие волосы, темно-карие, живые глаза и открытая и легкая манера поведения. Она старалась, чтобы я чувствовал себя максимально комфортно, и, наверное, несколько ощущал собственную важность, когда Даррен рассказал ей обо мне.
Их летний бурный роман привел к тому, что они съехались той осенью. Когда я увидел, как они идут рука об руку по тихим, шумящим лишь листвой высоких деревьев, улочкам города, то понял, - для меня это никогда не будет таким легким и непринужденным. Теперь у них ребенок, которого я считаю очень красивым.

~

Я слышал, что есть спутники, которые могут различить номерной знак на Таймс-сквер или статью в газетах на улицах Москвы. Думаю, что если такое возможно, следует выстроить со своей стороны образ знания чего-то, что недоступно операторам этих аппаратов, поскольку они, безусловно, могут видеть наши лица. Могут ли они видеть нас тоже, когда мы покидаем вечеринки и растворяемся в ночи, когда, спотыкаясь, бредем этой сеткой прямых углов в свете уличных фонарей? Могут ли они рассмотреть взгляд удивления и недоумения в глазах ребенка, запертого в доме или разлученного с родителями, проводящими день на пляже? Могли ли они наблюдать меня в те дни, когда я бродил по университетскому городку, размышляя о танцах, своих первых парнях и ревности?

Однажды мне приснился весьма реалистичный кошмар с песком: сухие волны набегали на меня и мое тело очертаниями, похожими на те, которые океан оставляет во время отлива. Только эти были подвижными. Каждая щель в глухой стене была возможностью для луча света, но в то же время и для песчинки, падающей на меня. Песок был везде, в промежутках между ресницами, забивался под ногти рук и ног, в слюне и на моей коже. Я пытался подняться, чтобы закричать, но песок весом и плотностью

поглощал все. Ни одно движение, ни один звук не нарушили тишину. Я обрел свободу, и это душило меня.
Я часто на первом году обучения в университете думал: я так скучаю по океану, скучаю по горам, что я вообще здесь делаю? Достаточно скоро я снова уеду, - год закончится. Несколько циклов, и предстоит из университета выйти в большой мир.
Моим самым большим страхом тогда было, что там обнаружится точно то же. Годы спустя я убедился, что был и наполовину прав и наполовину неправ: все остается прежним, но иногда любовь находит волной, и кажется, весь пляж чуть меняется, что и к лучшему. Хотя в то время я пытался заставить себя поверить, что любовь и счастье все еще возможны. Но время от времени возникали сомнения. Песок сыпался на кожу, - крупинка за крупинкой. Я не знал, пока не вышел в мир, что стоит остановиться и песок спадет, подобно чарам. Некоторые крупинки прилипнут, но какие-то и нет.

Знакомство с Генри

Работа сегодня размерена, поэтому мы с Ким болтаем у окончания конвейерной ленты. Подумываем сбегать в пекарню на улице, чтобы купить булочку с корицей на двоих, но решаем отложить на потом.
Когда действительно работаем, то пополняем товары в магазине: перекладываем вещи из дальних отделов магазина поближе, для удобного доступа покупателям. Подобно памяти и человеческому мозгу, мы достаем что-то из всяких уголков и закоулков, снимаем с полок и выкладываем все, так сказать, на глаза. Я понимаю, что это довольно глупый способ романтизировать работу, но это помогает мне двигаться дальше.
Марджи подскакивает к нам, и мы тут же расспрашиваем, как там ее занятия танцами. У нее сейчас неполная занятость, и она посещает два, три, даже четыре занятия за день. Ким тоже танцует, и они иногда встречаются в классе. Я не уверен, о чем мы говорили до прихода Марджи, но, должно быть, это были мужчины.
Когда-то, когда я был моложе, каминг-аута

было достаточно, чтобы создать некую интимность с друзьями. Внезапно эти люди, так уж случилось, были избраны, чтобы разделить самую большую тревогу в моей жизни. Я им доверял и ощущал потребность в них. Это тронуло, удивило своей новизной, они были рады сохранять все это между нами. Со временем быть геем становилось все проще и проще, нужно лишь найти общую тему: личную, неисчерпаемую, - ключ к новым дружеским отношениям. Так что я пришел к разговорам о мужчинах с новыми друзьями, по крайней мере, с гетеросексуальными женщинами и другими геями: навязчивым, одержимым, бесконечным. Наконец, мне стало разрешено стать хихикающим старшеклассником, которым я никогда не был, в придачу подтверждая свою сексуальность.
Я понимаю, что у меня проблемы, по тому, как Марджи произносит его имя:
- Тебе стоит познакомиться с этим парнем, ну, в нашем танцевальном классе. Он тааaакой красивый. Сегодня мы сидели группой, а он положил голову мне на колено, и я.., — она умолкает и хихикает с воплем вожделения, - я просто должна погладить его по волосам! Его зовут Генри, — говорит она мне, - *и* он гей, — продолжает она, смотря прямо на меня.
Снова смеется:
- Ты знаешь, о ком я говорю, а, Ким?
Ким кивает и объясняет мне:
- Да, он очень красивый. Из Квебека и в нем чувствуется настоящая энергетика. Все так

думают, и мужчины, и женщины.
- Он привязан к тебе? — спрашиваю я.
Марджи качает головой:
- Ты знаешь, Ким?
- Нет, никогда не спрашивала.
- Ну, думаю, нам придется как-то выяснять, — говорю я, напуская на себя убедительность. - И вам, ребятишки, придется начинать знакомить меня со своими симпатичными приятелями-танцорами-геями.

~

Мы в ночном клубе. Он с какими-то друзьями. Я слышу его имя, понимаю, что это он и есть. Он такой красивый, как они и говорили, высокий, смуглый.
Я скромно подхожу к нему.
- Привет. Ты ходишь на занятия танцами с Ким и Марджи?
- Да, — отвечает он удивленно и отодвигается, чтобы я мог сесть рядом.
- Как правильно произносится твое имя?
- Генри, - голос его очарователен и искрится энергией.
- Ген-ри, — повторяю я. - Приятно познакомиться, меня зовут Дуглас...

~

Несколько ключевых слов, и я на крючке: Красивый. Привлекательный. Гей. Уф, мир моих фантазий тут же подключается. Он свободен? Как он выглядит? Сколько ему лет? Какого цвета волосы? Приятный парень?
Говорю в шутку:

- Как думаешь, я в его вкусе?
Хотя я не знаю, что именно подразумеваю. Азиат. Канадец. Двадцать один год. Не очень-то разбираюсь в жизни, конечно.
Марджи рассмеялась, когда я задал такой вопрос, но рассказала мне все остальное. У Генри светлые волосы, он примерно ее возраста — двадцати шести — она не знает, свободен ли. Не слишком высокий, примерно моего роста, пять футов семь дюймов*, и нравится почти всем. Один из их преподавателей танцев прошлым летом решил звать его Озабоченным, просто чтобы создать трудности, добавила она.
- Наверное, потому что влюбился в него, — смеется она.
- Танцует, кстати, он отлично, — говорит Ким, только что появившаяся на работе. - Грациозный и сильный. Я могла бы просто смотреть на него целый день, он танцует с такой экспрессией!
- Ну, а откуда ты знаешь, что он гей? - спрашиваю.
- О, просто знаю, — отвечает Марджи, и Ким кивает в знак согласия. - Все знают. Учитывая количество женщин, бегающих за ним, мы бы знали, если это было не так.
- Я бы с удовольствием познакомился с этим парнем до возвращения в университет. Марджи, вот, ты хихикаешь, когда произносишь его имя, а твои, Ким, глаза загораются. Мне бы увидеть то, что вас, женщин, заводит.

* ок. 170см.

Ким смеется.
- О, он просто хочет его *увидеть*, вот, типа, и все.
Думая об этом, решаю, что она права.

~

Генри заходит в магазин, и продавщицы разворачиваются в его сторону, поднимают брови. Я занят, развешиваю рубашки на стойке. Я не знал, что он зайдет в магазин; откуда-то из лабиринта отделов доносятся смешки Марджи, - она уже знает.
- Нужна помощь? — спрашиваю я и не могу не отметить его великолепное тело, светлые волосы, исходящую от него энергию.
Он задает вопрос, говорит с легким акцентом.
- О, ты друг Марджи, Генри? - он кивает, будто ожидая этого. - У меня сейчас перерыв. Не желаешь прогуляться в пекарню? - я смотрю на него с надеждой.
В пекарне мы уже обсуждаем планы на ужин.

~

Не стоит думать, что геев трудно найти в районе Вест-Энда Ванкувера или в городских диско-клубах и барах. Смотрю на море танцующих тел в четверг вечером и размышляю: «Откуда они все берутся?» и «Куда исчезают в реальной жизни?»
Эти вопросы очень долго актуальны. Бары, предполагается, должны быть местом для знакомств, по крайней мере, так говорят. И я никогда понимал, почему у меня

не выходит. Может, дело в моем возрасте, неопытности с широко раскрытыми глазами, как у оленя в свете фар? В цвете моей кожи? В энергии, которая от меня исходит? Спустя годы мой американский друг, аспирант по восточной философии, вдруг воскликнет:
- Парни из Ванкувера? Они НИКОГДА не заговорят с тобой в барах! В моей голове также внезапно возникает озарение. Я живо киваю в знак согласия.
Когда я рос, слова «гей» и «гомосексуал» сразу вызывали во мне отклик. Я отчаянно хотел найти кого-то еще, понаблюдать за ними, узнать их. Но кого? Мужчины, красовавшиеся в телевизоре и в кино, были шикарными, яркими, эпатажными. Почему эти мужчины были частью этой, моей, семьи? Экстравагантные тетушки, пытавшиеся перещеголять всех остальных на вечеринке. И почему я не мог разглядеть свой образ ни в ком оттуда?
Лесбиянки и бисексуалы оставались невидимыми еще несколько лет, но я начал свое расследование, чтобы найти других, похожих на меня. Я обнаружил группу для гей-молодежи в Ванкуверском центре геев и лесбиянок. Там было достаточно дружелюбно, парней немного, так как стояло лето. Видимо, во время учебного года их число увеличивается.
- О, я бы никогда не догадался про тебя, — сказал один из парней, Лэнс.
- Про меня? — подумалось мне. Всегда последнего в подборе игроков спортивных

команд? Никогда не замеченного с девушкой?
- У тебя такой низкий голос. И ничего *за*метного, — он выделял первый слог. - Боже, чем больше я нервничаю, например, когда нахожусь среди враждебных натуралов, тем больше чувствую себя чужим, голос выходит из-под контроля, становится выше, - он смущенно улыбнулся. - И тем менее напрягаюсь, когда нахожусь среди людей, с которыми мне комфортно.
- Удивительно. Я думал, что будет наоборот, снова подумалось мне. - У меня низкий голос? Мы все хотим казаться натуралами, как бы то ни было.
Иногда я нахожу натуралов очень привлекательными. Не всех, конечно, кроме, разумеется, невеж, без которых вполне могу обойтись: тех, кто вообще не признает дискриминации и считает феминизм ругательством. Но те, в кого я влюбляюсь, живут в мире столь притягательной невинности, в мире, которому доверяют, и поэтому скорее шокированы, чем привыкли к некоторым событиям.
Симпатичный мальчик-натурал с явным выражением участия на лице. Моя слабость.
Я не вернулся к группе. Там не было никого, кого я хотел бы видеть с точки зрения романтики или секса, и в то же время я не чувствовал достаточно сродства, чтобы находиться там просто компании ради. Или, может быть, сродства даже было слишком много — во всех отношениях мы были изгоями, и что бы ни случилось, оно оставило бы

отпечаток. Пребывание среди геев, будь то друзья или любовники, требовало некоторой привычки.

~

- Почему ты хотел встретиться со мной? — спрашивает он, ухмыляясь. Он уверен в себе, уверен, но излучает невинность, - Марджи поговорила с ним, выяснила, что он не против встречи, а затем свела нас.
- Ну, и что сказала Марджи? — со всей скромностью парирую я.
Небольшая пауза.
- Она сказала, что у нее есть друг, с которым, по ее мнению, я мог бы поладить, и будет интересно познакомиться.
- Ого. Что ж, неплохо. У меня есть, что рассказать.
Я продолжаю с тем, как Марджи и Ким говорили о нем, и как я не мог не заинтересоваться кем-то, кого описывают столь яркими красками?
- Пока что они не ошиблись, — добавляю.
Генри смеется, безо всякой неловкости. Мы смотрим друг другу в глаза.

~

В шутку говорю Марджи, что она должна передать записку для Генри с моим номером телефона и немного провокационным сообщением.
- Да, конечно, — хихикает она, а я тоже смеюсь.
- Но можно поручить тебе и задание? —

обращаюсь к ней уже с настоящей просьбой. - Узнай, свободен ли он. Или заинтересован в свидании с незнакомцем.
- Хорошо, — она согласна. - Завтра на занятиях в танцклассе, - и убегает продолжать работу. Я же беру ящик с бутылками *Nalgene** и отправляюсь в отдел туристических товаров. Интересно, что бы я говорил на ее месте: «Ты с кем-нибудь сейчас встречаешься?», «Ты свободен?», «У меня есть друг, и я рассказала ему о тебе...». Ни один из этих вопросов, похоже, не кажется мне удачным.
Я не знаю, как некоторые действительно легко пользуются всеми возможностями языка любви. Откуда знают границы между невинностью и опытом, между страстным желанием и легким флиртом. Мне нравится фантазировать, что все так же стесняются, как и я, но я не уверен в этом.
Думаю, мне относительно повезло в том, что я никогда не искал влюбленности в мальчиков моего возраста. Мальчиков, таких же тощих, как я, с прыщами и постоянно сквернословящих.
Даже кумиры подростков того времени не стали такими для меня. Большеглазые ангелы с красивыми стрижками. Девочки клеили фото на дверцы своих шкафчиков: Шон Кэссиди**,

* бренд пластиковых изделий, изначально для лабораторного использования: банки, бутылки, пробирки и чашки Петри, небьющиеся и легче стекла. Но в силу высоких потребительских свойств приобрел широкую популярность.
** **Shaun Cassidy** - еще старшеклассником подписал контракт с Warner Bros. Records и начал записывать музыку, что принесло ему широкую популярность.

Скотт Байо*.
Вместо этого я, кажется, вспоминаю моделей в плавках, надежно укрывшихся среди страниц толстого каталога Eaton's**, найденного в подвале нашего дома. Тарзан тоже впечатлил меня, но не слишком явным образом. Майк Генри, лохматый бывший футболист, нравился мне больше всего.
Однако я и понятия не имел, что буду делать с этими объектами похоти. Думаю, фантазия зашла так далеко, что они явились на пороге моей спальни, заглядывая в глаза. Секс, как я знал, был чем-то одновременно и смущающим (из-за того, что взрослые отказывались говорить об этом), и веселым (из-за того, что он вызывал детские смешки). Но каково это было на самом деле? И когда уже у меня все это будет?

~

Все начинается с поглаживаний. Когда он убирает руку с моей кожи, я думаю, не дрожу ли я. Решаю, что нет. Я просто очень возбужден. Генри ложится на живот. Свет из окна прочерчивает и обрисовывает рельеф его мышц.
Еще ранний вечер. Здесь, в его квартире по большей части темно, но естественный свет проникает сюда, освещая пол, мебель, обшивку и кожу. Это мой любимый свет,

* **Scott Baio** - приобрел известность в 16 лет, после съемок в молодежном ситкоме.
** каталог заказов по почте, издававшийся одноименной компанией, владевшей одноименными же универмагами, с 1884 по 1976 год. Один из первых, распространяемых канадским розничным магазином.

так решаю: в нем я вижу другого человека, фактуру его кожи, абрис тела, - он придает коже его лица изысканный оттенок дневной белизны. Ритм моего сердца подобен шагам ребенка, сорвавшегося за оброненной игрушкой. Его дыхание на моей коже подобно подрагиванию пуха под легким ветерком, пока не уносится в столкновении языков, мы сплетаемся друг с другом, становимся двадцатипалыми, четырехногими, клубком волос и всяких дополнений.
Спустя несколько часов я говорю ему, что это был лучший секс в моей жизни. Он же продолжает массировать мне спину, и я замечаю, краем глаза, он улыбается, наклоняется, касается губами моей шеи сбоку.

~

Когда я в следующий раз вижу Марджи на работе, то сразу понимаю, она с ним не разговаривала. Она здоровается со мной, но ее тело сигнализирует, что сказать больше нечего, и из-за этого мы держимся на расстоянии. Кроме того, она занята и работы хватает. Позже она берет себя в руки и объясняет:
- Извини, я не разговаривала с ним. Почти не видела, и он ушел, как только закончились занятия. К тому же, — говорит она, подходя ближе, - честно говоря, мне не очень удобно так его расспрашивать. Может быть, в более подходящее время, за чашкой кофе или еще как-нибудь, но не так

неожиданно, - она пожимает плечами с виноватым видом, но с облегчением от честности.
- Все в порядке, Марджи, - уже я пожимаю плечами и улыбаюсь. - Понимаю.
Несмотря на все мои мечтания, я понимаю.

~

Спустя год я снова в Ванкувере на летних каникулах в университете. Собираюсь встретиться с Марджи и Ким в местном баре после их занятий танцами. Марджи сократила свои, а Ким увеличила. После занятий они часто бывают здесь с другими танцорами.
Я появляюсь, обнимаю каждую из них, оглядываюсь. Не могу понять, все в этой компании или кресла в баре слишком близко друг к другу? Но почти сразу мы знакомимся с группой мужчин и женщин.
- А это, — указывает Марджи с намеком на улыбку, — знаменитый Генри.
Маленький, гибкий блондин пожимает мне руку, ярко улыбаясь.
- Рад познакомиться, — говорит он, присоединяясь к компании.
Я вспоминаю последние новости, которые слышал о нем. Марджи узнала в конце прошлого лета, что Генри в отношениях, длительных, «практически брачных», — сказала она тогда. Шесть лет вместе, в любви и счастье.
Генри рассказывает мне все это во время нашего первого, такого долгожданного разговора, упоминает имя своего партнера,

Кристофера, с заметной симпатией и любовью. Генри такой привлекательный и красивый, как я и ожидал. И вполне настоящий. Он извиняется и поворачивается, чтобы ответить на чей-то вопрос, вступая в диалог со своими друзьями, людьми, которых он знает и к которым привык. Он увлекается, а я слегка поворачиваю свой стул, чтобы быть лицом к их кругу.

Буквально мгновение я разглядываю его прекрасные черты в процессе их разговора. Восхищаюсь зрелищем и отворачиваюсь. Потому что Марджи издает знакомый смешок, беседуя с другим танцором. И тот поднимает брови, повернувшись в мою сторону, да, я уверен, я понимаю это.

Что я действительно ненавижу

Китайцы, если вы обратитесь к китайской же истории, очень сложны в управлении. В обычное время они послушны. Они уважают старших, уважают власть. Китайцы гибкие. Они могут терпеть до такой степени, что большинство европейцев и не может себе представить. Настолько они эластичные. Но с другой стороны, подобны пружине, если вдруг перегибаешь палку, китайская раса теряет всякий рассудок.

ЧАО ЯО-ДУН
бывший МИНИСТР
КАБИНЕТА ПРАВИТЕЛЬСТВА ТАЙВАНЯ

Иногда они ошибаются. Под «они» я подразумеваю смеющихся богов, главных ученых, составителей зелий и заклинаний. Под «ошибаются» я подразумеваю, что небрежное смешивание, мельчайшая ошибка в дозировке, капля кислого молока, — эксперимент испорчен. Под «экспериментом» я подразумеваю, ну, *вообще все*, на самом деле.
Например, почему китайцы не могут пить

алкоголь, не краснея? Или почему старые уродливые белые мужчины охотятся на молодых азиатов в гей-барах? Или даже, почему мне дали это имя, Бастер?
В том смысле, что у него нет сокращенной формы, нет какого-то более приятного общеупотребительного краткого, а мое второе имя и того хуже и держится в строжайшем секрете. Мне удалось выведать, что мама записалась на курсы литературы в вечерней школе, в какой-то момент моей предыстории. Она так их и не закончила, но я получил второе имя Теннисон.
Бастер, однако, было совсем непонятным, и я не смог найти объяснений.
- Хм, такой требовательный, такой неблагодарный, - лишь отвечала она, когда я пытался расспросить мать об этом.
Отец же просто безучастно улыбался, словно слышал что-то забавное, которое мне не хотелось бы относить на свой счет. Он делал вид, будто это только дело рук матери.
Я не уверен, что мое имя является наследственным, но вижу в нем некий культурный признак. У кого еще может быть такое имя, как не у ребенка китайских иммигрантов? Фонтейна, Лестера, Леонарда или Декстера? Я чувствую себя отмеченным этим именем, и я, по сути, слишком консервативен (вероятно, тоже кое-что наследственное), чтобы рассматривать возможность принятия какого-то другого.
Хотя у меня есть один китайский знакомый, отказавшийся от своего первоначального

имени (тоже страшно секретного), переименовавшись в Тони, вслед главному герою *Лихорадки субботнего вечера. А также есть еще муж и жена, оба сменившие свои имена на что-то более счастливое после консультации с китайским нумерологом.**
Думаю, что мне бы действительно хотелось иметь в качестве культурного наследия что-то другое. Жесткость, и гораздо меньше сентиментальности. Китайцы — жестокий народ. Это то, чем я могу восхищаться. Например, никакой нежности к животным, свойственной помешанному на домашних животных Западу.
Суп из собачатины, почему бы и нет? А еще лучше — жареная. Кого волнуют исчезающие виды? Китайцы отрежут яйца любому животному, которому не повезло как-то и когда-то пересечься с древними прорицателями так *или иначе*.
И мы говорим не только о животных. Еще поколение или два назад семьи отдавали детей другим родственникам, если требовалось кормить слишком много ртов, или если в одной семье не хватало сына. Никого вообще ничего не смущало, - просто делали. Представьте себе, какая это таблоидная история сегодня. Можно и в *Star* продать.**
Еще одна история: девочка умирает от рассеянного склероза. Семья ее отца *в состоянии* оплатить новое и непроверенное

* Saturday Night Fever (1977), реж. Джон Бэдэм - культовый мюзикл с Д. Траволтой в роли главного героя Тони Манеро.
** **Toronto Star** - одна из крупнейших ежедневных канадских газет. Основана в 1892г.

лечение, но только если они вложат в него значительную часть семейных сбережений. Они взвешивают риски: определенные финансовые трудности для семьи, но девочка может выжить; определенные же финансовые трудности для семьи, но девочка может умереть. Прагматизм решает: вы знаете конец истории.

Я не говорю, что хотел бы уметь отвернуться от мертвых и умирающих, но хотел бы немного этой практичности и отсутствия сентиментальности, вроде взаимодействия с миром, а не борьбы с ним. Что-то сродни толстокожести, типа: стою-под-дождем, вода-нипочем и тп. Но вместо этого слова проникают, можно сказать, прямо в меня, события вливаются внутрь. Моим внутренним органам не хватает места, чтобы делать то, что они должны делать.

Так что же мешает дышать, сбивает пульс, давит на печень? Частично: это происходит всякий раз, когда кто-то подходит и спрашивает, откуда я (откуда я *на самом деле*), прежде даже имени; всякий раз, когда кто-то говорит, что я выгляжу на восемнадцать, хотя волосы уже гуще, а мальчишеская округлость черт моего лица давно сошла; когда выясняется, что у человека, с которым разговариваешь, есть особый интерес к азиатской культуре; всякий раз, когда кто-то просто привык подойти и заговорить с тобой даже до простого обмена взглядами, простого понимания дружелюбия в той или иной форме; всякий раз, когда кто-

то относится к тебе так, будто ты слишком глуп или неуверен в себе, чтобы заказать себе же выпить или взять куртку из гардероба, — они пытаются сделать это за тебя.

Но хуже всех те, кто подходит и считает себя столь умными:

- О, да? Ты родился в Канаде. Ты не китаец! Ты банан! Белый внутри, желтый снаружи.

Ладно, полагаю, мне следует проявить и симпатию. Я могу это понять, есть же определенные шаблоны, и приятно, наконец, иметь возможность примерить их. Так, когда вы впервые видите тасманийского дьявола в зоопарке и сравниваете его с тем, которого видели в мультфильмах. Или как насчет того, когда кто-то рассказывает, что такое *печенная Аляска, и когда вы на самом деле видите ее.**

Проблема в том, что если вы полагаете, что бешеный кенгуру-валлаби — это тасманийский дьявол, а павлОва*** странной формы — запеченная Аляска. По правде говоря, никакой симпатии к таким догадкам. Когда дело дойдет до этого, думаю, они должны стоять, чесать голову и говорить:**

- Не разберешь.

Вместо того, чтобы сразу выпаливать: *ой, ты китаец, ты гей и ты родился в Канаде*:

* **baked Alaska** - мороженое на бисквитной подложке, покрытое взбитыми яичными белками, зарумяненными в духовке.

** **Wallaby** - сумчатые млекопитающие из семейства кенгуровых. Как правило, они меньше по размеру, чем кенгуру. Распространены в Тасмании, Новой Гвинее и архипелаге Бисмарка.

*** **pavlova** - безе с хрустящей корочкой и мягкой зефирной сердцевиной.

угадай, что это значит.
На самом деле, я как шахматная доска. Глубоко двухцветное абстрактное искусство, разноцветные завитки. Плед, детка, я клетчатый плед, настолько старомодный, что уже в моде, и такой стильный, что на пути к выходу из нее. Во мне нет ничего, что есть у тебя.
В любом случае, что я действительно ненавижу, так это азиатские гей-клубы. Они ужасные. Я имею в виду, выглядит это жестокой шуткой: раса людей, не переносящих алкоголь. Сладкий эликсир: джин с тоником, пенистое пиво, вкус и мягкость хорошего красного вина, пузырьки в носу из шампанского. Я бы не хотел видеть нас расой лондонцев, выпивающих в пабах после работы, пока не падают с ног к закрытию в одиннадцать вечера. Или пьяных скандинаво-германских туристов, ползающих по испанским и португальским мощеным улицам, с пропитанными сангрией и хересом отворотами их рубашек. Но, по крайней мере, мы должны быть в состоянии опрокинуть несколько кружек пива. Газировка с лимоном не источает сексуальной привлекательности. Зачем нам какие-то свои клубные вечеринки? Это переводит нас в категорию вечеринок в коже, силиконе, вечеринок в нижнем белье? Мы фетишисты или у нас тематическая вечеринка? Здесь можно видеть мои руки, протянутые к зрителю, вроде кинозвезды, поп-звезды, ребенка с плаката, борца за мир. Я восклицаю:

- Почему все мы не можем ужиться?
Но я просто шучу. И знаю, почему существуют эти, закрытые вечеринки. Потому, что у нас должна быть общая культура, мы должны иметь возможность видеть свою многочисленность, праздновать то, что у нас есть общего, быть вместе. А также потому, что мы не вписываемся в обычные гей-бары, поэтому нам нужно от них избавиться. Если вы не знаете почему, то, вероятно, не стоит и объяснять. Или, может быть, на самом деле - причина в сексе. Разве не к этому все всегда сводится? Тот факт, что мы не можем рассчитывать на секс в других клубах, и не знаем, не посмотрит ли какой-нибудь белый-черный-латиноамериканец, кто-угодно, сквозь нас, или тот парень, который нам интересен, не отвернется ли, но перед этим рявкнет, будто обозначая: как смеешь? Как смеешь даже думать об этом? Поскольку мы же не сексуальны, не мужественны, да и они не тянутся к азиатам.
Так что, на самом деле, мы говорим о том, *хм-хм, как же заполучить кого-то?*
Теперь же послушайте, я пытался развлекаться в этих клубах. У меня есть мой азиатский комплекс *ответственности*. На самом деле, я держался подальше от первых азиатских гей-вечеринок, о которых слышал. Инстинктивная реакция, - когда думаю об азиатских мужчинах, то вспоминаю моих странных кузенов или дядю, который сжимает мне руку при встрече, лишь только чтобы, держа ее, развернуть меня и посмотреть на

затылок.
- Тебе нужно постричься, племянник, - бухгалтерские очки в квадратной черной оправе, редеющие волосы у него самого зачесаны назад.
Вот что заставило меня изменить мнение, так это когда я оказался в том, в основном белом клубе (здесь все в основном белые), и прошелся там, то увидел трех азиатских парней, сидевших слева, каких-то женственных, одетых одинаково броско. И я просто прохожу мимо, так как что у меня общего с ними? Мне что, каждый раз изображать что-то рукой, типа *привет, азиатский брат*? И тогда один поворачивается к остальным, хмурится и говорит *Круто**.
Сейчас я почти не говорю по-китайски, в основном лишь слова, связанные с едой, как и другие азиатские дети, родившиеся на Западе. Но с трудом вынес несколько лет в китайской школе, где нас учили таким полезным фразам, как ,например «*Корова поднимается в гору. Луна яркая*». И мы также изучали животных из китайского гороскопа (очень пригодится), одно из которых — собака. *Круто.*
Так что, я собака, да? На мгновение я разозлился, но это заставило меня задуматься: может, мне стоит познакомиться с азиатскими геями. Не то чтобы я хотел куда-то свернуть, но, может, я на самом деле избегал их больше, чем если бы они были просто белым нейтрально-универсальным

* gao в оригинале.

батоном *Чудо-хлеба.**
И вот тогда я оказался на вечеринке *Лонг Янг*. Первое воскресенье месяца. Я вхожу, ребята на стойке регистрации очень дружелюбны. Вы были здесь раньше? Хотите получать нашу рассылку? У меня такое чувство, будто я в коммунистическом Китае, и мы все неизбежно должны стать большой счастливой семьей с маленькими красными книжечками*** в задних карманах брюк. Некоторые китайцы, с которыми я здесь встречаюсь, сразу будто усыновляют тебя:**
- *Аллилуйя* (только большинство из них язычники), мы можем вместе заниматься тайцзи** в парке и выводить арии из китайской оперы.**
Поднимаюсь по лестнице, чтобы посмотреть на толпу, в основном азиаты, музыка — обычный танцевальный клубный настойчивый ритм, бармены белые и без рубашек. Я испуган еще до всякого общения, потому что уже слышу эти звуки. Гей-азиаты извлекают караоке-машину, танцы останавливаются, это вечеринка КАРАОКЕ!
И здесь же, я знаю, что будет дальше.

* **Wonder Bread** - американский популярный бренд нарезанного хлеба. Основан в 1921г.
** **Long Yang Club** (**LYC**) - основан в Лондоне, в 1983 году, как социальный клуб для геев азиатского и западного происхождения. Стал известен одноименными феерическими вечеринками и быстро вырос до международного движения. Название отсылает к **Лорду Лонгьяну** (龙阳君), гей-персонажу из китайской литературной классики *Сон о красных палатах.*
*** так называемый *Цитатник Мао* или *Цитаты Председателя Мао*, она же *Цитатник* — краткий сборник ключевых изречений Мао Цзэдуна, впервые изданный правительством КНР в 1966 году.
**** китайская гимнастика

В полночь, по непонятной причине, выключат *диско* и включат ча-ча-ча*. И того хуже, что все знают это наизусть. Ча-ча-ча.
Неудивительно, что все думают об азиатах как о фриках.
Я оглядываюсь вокруг в поисках чего-то, что мне близко, но ничего хорошего. В людях, в этом месте, в самом воздухе. Что это вообще за идея о большой и счастливой азиатской семье, будто сама начальная буква в слове Азия, - такой, большой, полог, и мы все тусим под ним? Конечно, я знаю *много кого* из азиатских парней, но смотрю на толпу и спрашиваю себя: что общего у меня с этими людьми? Малайзия, Индонезия, Таиланд, Сингапур, Китай, Япония, Корея, Вьетнам. Эй, - это разные страны. Я имею в виду, например, тайских парней. Я их не понимаю. Они все время хихикают, всегда счастливы, всегда стараются быть милыми.
Неудивительно, что белым парням, которые стремятся к власти и доминированию, все время говорят о себе, нравятся такие.
Девчонки в сторонке.
Или ладно, давайте сузим круг до китайцев. Мои бабушки и дедушки были деревенскими жителями в феодальной деревне. Это что-то вроде того, как я бы рос в синем комбинезоне времен Мао в Красном Китае? Или родиться в перенаселенном шумном, бурлящем водовороте вроде Шанхая, Тайбэя или Пекина, который, кстати, я и называю-то на западный манер. Язык, даже если бы я на нем говорил,

* жанр кубинской музыки

все равно другой*, а даже если бы и был тот же, неужели богатый городской парень из Гонконга отложил бы свой мобильный, чтобы поговорить с деревенским провинциалом вроде меня?
Музыка звучит не та, под которую я привык танцевать, да и я никого здесь не знаю. Самое время выпить в баре. Никаких этих кампари, белого вина, какого-нибудь шпритцера**. Мне нужен скотч со льдом, я пытаюсь пересечься взглядами с барменом, когда он отдает мне сдачу (я готов сказать, оставь себе), но он едва поднимает глаза. Еще раз осматриваюсь: те, кто родился на Западе, вполне узнаваемы. Как мы ходим, как двигаемся, одеваемся, с кем общаемся. Не могу объяснить. Но нас почти здесь нет. То, что я вижу, — это десятки твинков, цыплят, молодых парней из-за границы, кричащие одежда и речь, выпуклость мобильного телефона, едва скрываемая на поясе. Скромные, хихикающие и ничего не замечающие.
В конце концов, те, кто не родился здесь, выросли в обществе, где они были *большинством*, а не *меньшинством*. Их не презирали всю их жизнь; они не ожидают дискриминации по своему происхождению, поскольку не видели ее. Они здесь ради хорошего развлечения и отдыха: папа платит за западное образование. Они даже не знают, что они угнетаемы.

* в Китае очень много различных диалектов

** **spritzer** - смесь белого вина и содовой

И в чем смысл гоняться в барах за старыми уродливыми белыми парнями? Это заставляет стариков чувствовать себя непобедимыми; другим из нас приходится отбиваться от них. Я вообще этого не понимаю. Теория такова: уважение к старшим, почитание предков, отсутствие молодежной культуры, отсутствие предубеждений против пожилых.
Но послушайте, в определенном возрасте у вас может не встать. Мы что, принимаем как данность ту поговорку, что молодость и красота заинтересованы в возрасте и опыте? Скорее всего, в билете на запад, месте для жизни, изысканной кухне, оплачиваемых путешествиях. Что и мне понятно, я тоже хотел бы парня с машиной. Но что может быть хуже, чем зайти в бар и увидеть все эти пары симпатичных призывно молодых азиатских парней с Йодой из *Звездных войн*, Санта-Клаусом, с разными вариациями Боба Хоупа*? Что делать уважающему себя канадцу китайского происхождения?
Мимо протискивается невысокий броско одетый азиат, таща за руку своего парня, похожего на итальянца. Мило. Я ловлю его взгляд. И ненавижу это. Ненавижу интриги с парнями других парней. Не могу выносить это. Но я думаю, *подонок*, если он смотрит на меня, если нет, думаю, *разве я недостаточно хорош*? Этот смотрит. Следующий - нет.
Но я понял. Почему я это делаю. Потому что в других клубах не знаю, смотрят ли парни

* **Bob Hope** (1903-2003) - американский комик, актёр театра и кино, теле- и радиоведущий фактурной внешности.

мимо меня, потому что считают некрасивым, или потому что они не рискнули бы и прикоснуться к азиату. А если кто-то подходит ко мне, не знаю, дело во мне или потому что я азиат. Или если это где-то посередине, каково тогда соотношение?
Так как насчет, когда я вижу белого парня с азиатом? Сердце подпрыгивает, а другие органы чувств оживают, словно зверь просыпающийся от спячки. Прав я или нет, в конечном итоге неважно, - я чую гея, которого, *должно быть*, каким-то образом привлекают азиаты. Слюна образуется у меня во рту, моя грудь и плечи распрямляются, и я уже не могу себя остановить, беспомощно теряю контроль. Кружу вокруг, может быть, даже прежде, чем успеваю хоть как-то рассмотреть. Азиатская половина пары бросает на меня убийственные взгляды, щурит глаза, давая понять, - *он мой*, и они уносятся прочь.
Но сейчас хватаю горсть картофельных чипсов со стола в углу и набиваю ими рот. Кого волнует, как я выгляжу с полным ртом еды? Закуски, исходя из рекламы, бесплатные. Так, что имеется? Димсам*? Крекеры с креветками? Канапе? Нет. Чипсы и соленые крендельки, чашка арахиса, и, если я не ошибаюсь, — нет, не ошибаюсь, — несколько тарелок домашнего печенья. Как это стильно, - просто лесбийский конкурс выпечки. Азиаты такие незатейливые.

* **Dim sum** - блюдо кантонской кухни, разновидность пельменей или вареников. В переводе с китайского означает «лёгкая закуска».

А хамоватые *рисовые королевы*?
Не видел таких сегодня, но в другие вечера встречал. Не буду задерживаться на этом. Что сказать о группе людей, которые утверждают, что в прошлой жизни были азиатами, но так и не освоили деликатное обхождение, а в разговорах постоянно обрывают своих азиатских парней на полуслове? И, кроме того, собирают искусство и парней в равных количествах и выставляют их равным же образом: витрины, фотографии, квитанции, сертификаты подлинности или просто старое-доброе хвастовство. Я имею в виду, что мне тоже нравятся определенные физические данные, но это типажи. Разве предпочтение азиатов не похоже на то, чтобы предпочесть макароны на завтрак, обед и ужин? Или рис, что больше похоже.
Но, хватит. И я скажу так.., после той первой азиатской вечеринки я посещал и еще. Не постоянно, но время от времени на протяжении многих лет: *Red Lantern, Rainbow Room, Phoenix, Dragon, Katana. Даже несмотря на то, что особого удовольствия не было, я не мог не пытаться, каждый раз надеясь, что где-то здесь будет человек, который ищет меня: парень, который оказался азиатом, и азиат, который оказался мной. Вот почему я действительно ненавижу азиатские гей-клубы: содержанки, рисовые королевы, навязчивость и натужное общение.**

* Красный фонарь, Зал Радуги, Феникс, Дракон, Катана - темы вечеринок отсылают как к традиционным символам азиатской культуры, так и к манга, комиксам и тп.

Ча-ча-ча, парочки красавица-и-чудовище, чужие парни. И полагаю, на самом деле, поэтому я ненавижу азиатов-геев. И так думаю, поэтому ненавижу себя, Бастера Теннисона Чанга.
Приятно познакомиться.

Пляж Кораблекрушений

Курт закрывает машину, достает ключ из гнезда. Подбрасывает его вверх, где он зависает на мгновение, вспыхивая неожиданным отблеском, прежде чем аккуратно упасть обратно в ладонь.
- Ну же, пошли! - кивает Курт головой в сторону начала тропинки, делая широкий шаг. Он раздражен? Я не уверен. Он движется так быстро, что я все-таки стараюсь не путать нетерпение с раздражением. Что еще делать, кроме как идти за ним: не отвлекаясь ни на содержимое коробок, ни на что другое по периферии взгляда. Иногда я сосредотачиваюсь на неутоптанной тропе, хаотично петляющей вниз по крутому склону, поросшему деревьями и мхом. Комары тоже требуют внимания. В этих движениях мысль постоянно ускользает.
Но что-то я забыл. Знаю, что именно. Курту потребовалось всего десять минут, чтобы выехать с парковки его дома в Вест-Энде и возникнуть у моего дома, тыкая в кнопки домофона: три коротких звонка, всегда одно и то же. Я собрал вещи и выскочил за дверь. В конце тропинки перевожу дух, пытаюсь

вытереть пот, - маршрут утомительный. Снимаю обувь и осматриваюсь. День яркий, почти безоблачный. Пляж переполнен: волейбольные сетки и солнечные зонтики, корзинки с едой, лосьон для загара: бурлящее море обнаженных тел. Женщина, практически вообще без одежды, если не считать поясной сумочки для денег, торгует суши вразнос, - лоток тоже подвешен у талии. Кто-то еще продает мороженое с водкой. Вся эта нелегальная торговля добавляет пикантности этому дикому пляжу.
Я осматриваю песчаное пространство и замечаю Марлисс слева, вне досягаемости, но легко различимую, с облаком растрепанных курчавых волос и ярко-розовым ковриком полотенца.
- Здесь снимаешь трусики, снимаешь лифчик, и мы все одинаковые! Снимай шорты, снимай плавки! - вот что она сказала мне, когда мы впервые пришли сюда, на этот *Пляж Кораблекрушений* вместе. Она здесь неофициальная приходящая принцесса, постоянная посетительница из самых постоянных, одна из посвященных. Люди тесно усеивают песок, как на огромном праздничном пикнике. Вдохновленные и благословленные светом на фоне глубоко синего неба. На других пляжах все словно разделены невидимыми барьерами, вынуждающими каждую группу держатся отдельно. Но не здесь. Она поднимает голову и радостно машет рукой. Ей не нравится Курт, поэтому я подойду к ней позже.

Курт проходит еще немного, останавливается, затем одним быстрым движением расправляет свое полотенце. Я наблюдаю, как оно воспаряет в воздух, подобно поднятой океанской волне.

- Не тормози! — говорит мне Курт.

- Песок горячий, — отвечаю ему. Сандалии, вот что я забыл.

Как всегда, он долго раздевается. Курт не верит в это равенство наготы, поэтому вычитывает сцену: ищет мускулы, V-образные торсы, красивые линии подбородка, - все те вещи, выходящие за рамки того, что и делает нас всех одинаковыми.

Нас, то есть мужчин Курта. Или геев, если быть точным.

Его глаза волшебным образом отфильтровывают женщин, детей, пары мужчина-женщина и мужчин, у которых неподходящая стрижка, походка, плавки.

Я замечаю, что он занят 180-градусным сканированием, и спрашиваю:

- Что думаешь?

- Ищу варианты, — отвечает он.

~

Обычно Курт категоричен:

- Как ты можешь быть таким слепым?

Но сегодня это очевидно. Я часто не могу понять, гей ли кто-то, и проще, когда это какая-то группа, как сейчас.

Предположительно, трое молодых парней рядом с нами со спортивными телами, чуть двадцать, явно такие.

Самый смуглый из них, возможно, латиноамериканец, спортивен особенно. Вот почему Курт выбрал это место.
- Чтобы немного посмотреть, — мог бы отметить он, если бы рассказал мне, о чем думает.
- Красота тщеславна, — ответил бы я ему. Даже просто смотреть я бы предпочел на что-то более нормальное.
Весь этот мир — свидания, отношения, показуха — озадачивает меня. Как Курт может быть таким уверенным в себе после того, что мы пережили как геи? Откуда у него такая уверенность во всем? Я всегда говорил, что возненавидел бы его, если бы мы встретились более молодыми: он тогда был еще высокомернее, чем сейчас, а я пытался справляться с застенчивостью.
Иногда он качнет головой, когда я неуклюж, - это плохой знак. Или чуть улыбнется, как будто мы перешучиваемся, - это знак хороший. Я ждал четыре года, чтобы часть его уверенности передалась мне, но, какая ирония, не уверен происходит ли это.
У меня тоже есть хорошие качества, которые, кажется, Курту не помешали бы: Терпение. Искренность. Скромность. Не стоит хвастаться, так всегда говорила мама.
Однажды на собеседовании при устройстве на работу меня попросили назвать десять моих хороших качеств. Я буквально вспотел уже на четвертом. Белая рубашка на мне была уже совсем мокрая, когда меня отпустили.
- Что ты во мне нашел? — спрашиваю Курта.

Ответ постоянно разный, как будто возникает по ходу дела. Что можно считать хорошим знаком.
- Хочешь, намажу спину? - показываю ему лосьон для загара.
- Позже.
В любом случае, сейчас не так уж и печет, да и он не так легко обгорает, как я. Кроме того, в южном полушарии, где озоновый слой тонкий, солнце воздействует на тебя, чувствуешь ты это или нет.

~

Я ложусь, на спину, пытаюсь устроиться поудобнее. Некоторые люди любят пляж. Я нет, но притворяюсь. Если ветра нет, - слишком жарко. Но даже с легким дуновением песок летит в глаза, независимо от того, вытирается ли кто-то, проходит ли мимо, переминается ли с ноги на ногу. И как отличить здоровый розовый цвет от сильного уже ожога? Особенно в солнцезащитных очках. В них кожа другого цвета. Когда снимешь, цвет все равно не тот, потому что глаз привыкает и ты щуришься, возвращаясь к обычному свету. Я нахожу все это несколько напряженным.
Пляж — хорошее место для размышлений, возможно, в силу шума воды и прибоя. Я расслабляюсь и потягиваюсь, ловлю себя на том, что считаю, сколько раз мы с Куртом расставались и снова сходились. Четыре года уже, после первого романа; когда мы оба были слишком заняты на работе; а его бывший

парень вдруг начал оставлять сообщения на моем автоответчике. Это были значительные события, хотя надо отметить, что примирительный секс — это здорово.
Думаю, я привык. Вроде старой, привычной, рубашки, потертой по складкам и внутри, но, по крайней мере, я знаю, где здесь слабые места, и она так долго держится, не как некоторые другие. По крайней мере, Курта я действительно хорошо знаю.
Что все сильно облегчает, на самом деле, при том, что Курт заинтересовался латиноамериканцем, расположившимся в пяти футах* от нас. Ничего удивительного. Могу догадаться, что последует.
- Лосьон?
- Позже. Когда схожу поплаваю.
Он пока будет оставаться на одном месте, привлекая внимание, потом несколько быстрых взглядов. Если последует верный сигнал, - встанет и что-нибудь сделает. Поплавает, пройдется, да что угодно. Я бы оценил это минут на пятнадцать. Есть на что ориентироваться.

~

Как мы перешли от развлечений со мной, к тому, что он делает это с другими людьми вокруг? Я часто погружаюсь в нашу историю. Иногда мне кажется, что меня заменил какой-то инопланетянин или его подменил какой-то злой его же близнец.
Не знаю, что меня впечатлило, когда я

* ок. 1.5м

впервые встретил Курта.
Я был один в клубе, ждал, когда появится мой друг, злился, так как я почти никогда особо никуда не выходил, и не мог поверить, что меня вот так бросили. Решил потанцевать и сразу попался ему на глаза: нервный, энергичный танцор в белой футболке, с короткими волосами, милым личиком. Он посмотрел на меня, заглянул прямо в глаза. Я смутился и пошел засесть где-нибудь, но он последовал за мной.
- Привет.
Вот так, прямо.
- Слушай, я не могу остаться сегодня ночью, но я хотел бы узнать тебя получше. Могу взять твой номер телефона?
Курт, тот вспоминает разные вещи: песню Bronski Beat*, что был зол и что решил кого-нибудь подцепить тем вечером. Он говорит нашим друзьям, что я похож на танцора из рекламы.
В прошлом году он высказался на счет всего этого:
- Слушай. Каждый раз, когда ты узнаешь, что я с кем-то другим, мы расстаемся. А я не хочу расставаться, и ты тоже. Там же просто про секс. Три года все у нас еще хорошо, но у меня есть другие потребности, которые нужно удовлетворять.
Потребности нужно удовлетворять. Где я это слышал? В реальной жизни или в каком-то дрянном телешоу? Почему язык отношений

* британская синти-поп-группа, образованная в 1983 году в Лондоне. Клип *Smalltown boy* стал гей-гимном.

всегда таков, будто где-то уже звучал? Может, я драматизирую, конечно. На самом деле, он только однажды кого-то подцепил у меня на глазах, и лишь потому, что думал, что сможет представить это как-то по-другому. Да и вообще, компании он любит. Но мне нравится, когда мы вдвоем. Я чувствую себя блестящей монеткой, потерянной однажды, но внезапно найденной. Но не пытаюсь что-то объяснять своим друзьям.
Мистер Латино решил искупаться. Он встает, рельеф мускулатуры играет на его торсе. Направляется к воде с другом, не замечая нашего внимания. Он привык, что люди смотрят на него. Курт ждет две-три минуты, отряхивает песок с ног и устремляется за ними. Заходит в воду, не обращая внимания на холод, и продвигается туда, где глубже. Те все еще заходят, когда Курт уже от них по левую руку.
Еще один момент, который следует отметить, что Курт не проделывает все это так уж и часто. Он даже рассказывает мне о них — о том, у кого грудь волосатая, как у медведя, о всяких, кто слишком много болтает. Но мне нравится. Я нахожу это интересным, иногда беспокоящим, но в основном я чувствую себя доверенным лицом, хранителем тайн. Конечно, я тоже, предполагается, должен спать со всеми подряд. Я об этом думал. Но это не очень работает относительно меня.
Мы обсуждали все это в первые месяцы после того, как заключили «соглашение».

О чем мне разговаривать с такими людьми? Что, если те, с которыми он спит, пересекаются со мной? Что, если он влюбится? Как часто он делал все это до того, как мы официально, так сказать, обговорили ситуацию? Я думал, что мы можем разговаривать на этот счет бесконечно, но ошибался. Я устал.
Я рассказал Марлисс о том, что произошло, надеясь получить хоть немного сочувствия. Однажды у меня была сломана рука, и казалось очень странным, что прохожие на улице улыбались и кивали мне.
- Соглашение? Да, конечно, - здесь она пустилась в сетования на какую-то ее высокомерную коллегу, может быть в силу того, что она давно выслушивала меня относительно предыдущих измен и не хотела больше ничего слышать в этом плане.
- А что в самом начале? - она прервала свой собственный рассказ, возвращаясь к теме. - Ты же был так зол, что не разговаривал с ним целую неделю.
Я отвечаю ей в том смысле, что он не ревнует, так почему я должен?
- Все потому, что у тебя нет секса с другими людьми. Неужели в остальном ваши отношения настолько хороши, что ты собираешься примириться?
Сама Марлисс тогда же перестала притворяться, что ей нравится Курт. Теперь они вообще не разговаривают друг с другом.

~

Вот вода, соленая и темная. Что она скажет мне? Может ли она унести шлак из моей головы? Оставив мне чистое ложе мыслей: песчаное, незамысловатое, искрящееся. Кажется, все же она слишком холодная купаться. Солнце разморило меня, и я не могу сдвинуться со своего полотенца.
Мы, должно быть, здесь выглядим как мишени. Если посмотреть сверху: круглые, яркие красно-белые солнечные зонтики, торчащие из-под них ноги или, на полотенцах, плоть, прочерченная цветными полосками.
Но снизу мишени заметны также. В первые визиты на Пляж Кораблекрушений мои глаза фокусировались только на том, на что всегда говорили не смотреть: розовый сосок, треугольник лобковых волос, болтающийся член и яйца. Я справился с этим, но удивление на лицах новичков заметно постоянно, они спускаются сюда, чтобы смотреть и не смотреть одновременно.
Это что-то вроде мастерства: смотреть не глядя, развивая периферийное зрение краем глаза. Тренировка не прекращается ни на минуту. Со стороны кажется, что я сплю, но я смотрю на Курта в воде, пока двое других парней болтают и плещутся в стороне. Рябь расходится по воде, круги пересекаются с друг другом, исчезают.
Мы хотим всего, не так ли? Быть независимыми, но заботу не отвергаем. Обжившимися на одном месте, но способными на путешествие. В отношениях, но способными на интрижки, когда захотим. Знаю, что у

меня есть желаемое. Я хочу быть счастливым. Хочу Курта рядом. Хочу, чтобы Курт был счастлив, поэтому иногда позволяю ему делать то, что делает несчастным меня. Марлисс называет меня слабаком, но что-то я не вижу, чтобы она была счастлива в её одиночестве.

Курт внезапно появляется рядом со мной, вытираясь своим полотенцем. Должно быть, я задремал.

- Эй, не брызгайся! Ты меня достаешь.

- Ой, извини.

- Собираешься уже уходить?

- Вода сегодня хороша. Не хочешь поплавать? - он накинул полотенце на плечи: кивает влево, на выступ скалы, вдающийся в океан.

- Останешься здесь?

Я киваю в ответ, и смотрю, как он удаляется, становясь меньше и меньше.

Вдалеке играют в софтбол*. Мяч после звучного *удара* взлетает высоко в воздух. Пытаюсь уследить глазом, но голова кружится. Одиннадцать — последний возраст, когда помню бейсбольную перчатку на руке. Моя начальная школа, как и многие другие школы Вест-Сайда, названа в честь британского лорда: Трафальгарская. Маленький бриллиант, застрявший в дальней части поля, - мяч поднимается и снова падает, на моих глазах в небе, - маленькая уродливая планетка.

Где он приземлится? Впереди, или позади?

Я, спотыкаясь, ковыляю по кругу и на одну

* командная игра, разновидность бейсбола.

секунду подумал, что мяч попал в меня, потому что все вокруг вдруг исчезло. Но нет, мяч пролетел надо мной, изящной дугой. Оборачиваясь, я подумал, что если мой разум настолько силен и смог блокировать реальность, почему я не мог силой воли отправить мяч прямо в углубление моей перчатки? Или выдернуть себя из игры?
Годы спустя, когда я наконец понял, что мне необходимы очки, вспомнились мягкая подача, идеальный удар отбивающего и весь расфокусировавшийся мир. Но к тому времени было уже поздно учиться ловить мяч. Когда ты не ребенок и не умеешь играть в мяч, никто тебя учить не будет.

~

Спустя тридцать, может сорок минут я уже ищу Курта. Марлисс с ее компанией ушли. Перед этим мы немного поболтали, я сказал, что позвоню ей вечером. Моя кожа липнет от лосьона, на ней песчинки и отпечаток полотенца. Я слишком долго был на солнце. Пытаюсь высматривать пыль в воздухе, но вижу только, что набежали облака. Нос заложило из-за жары.
Я все еще не вижу его, но группа рядом с нами собирается уходить: отряхивают полотенца, появляется одежда из рюкзака. Но здесь лишь двое. Где латиноамериканец? Я переворачиваюсь на живот и сразу вижу их, около входа на тропинку вверх, к дороге. Они стоят и разговаривают друг с другом, очень непринужденно, руки Курта свободно

сложены за спиной. Замечаю, что латиноамериканец энергично жестикулирует. Одет он частично, но выглядит так, будто собрался уходить. Наклоняется, протягивает руку, слегка касается плеча Курта и поворачивается лицом к друзьям, беззвучно произнося: «Пойдем?» Два кивка следуют в знак согласия. Они направляются ко входу на тропинку. Курт обходит их, возвращаясь, улыбается. Не спешит. Подходит, расправляет полотенце. Очень проворно.
Думаю, мы все-таки еще останемся на какое-то время. Солнце чуть смягчилось, стало тише, и если прислушаться, можно расслышать шелест волн. Я не спрашиваю, что там было, но Курт все равно рассказывает мне.
- Дэниел. Из Торонто. Уезжает завтра. Будет на станции Денман* сегодня вечером с друзьями, если вдруг нам захочется увидеться.
Замираю на полуслове, перед ехидными комментариями: типа, «С чего бы мне хотеть?» и «О, ну вперед, наслаждайся».
- Мило, да? Мы просто разговаривали, - звучит так, будто я подразумевал нечто другое, хотя я вообще не проронил ни слова. Курт пожимает плечами, чуть улыбается, ложится обратно.
Я тоже пожимаю плечами, как бы вслед. И на спине, глядя вверх, заложив руки за голову, играюсь в облака, отыскивая формы и фигуры. Это привычка, оставшаяся с детства, и я

* **Denman Street**, Ванкувер, Канада. Одноименный район совсем недалеко от центра города.

рад, что некоторые вещи не так и сильно меняются. В большом пушистом облаке над головой мне чудятся горные хребты.
И еще шорох облаков в перетекании тонкими струйками, вроде веревок или шупалец. Я альпинист среди этих хребтов, шатко ступающий по неопределенному направлению безопасности, чтобы тут же взять другое: опасность, волнение, безрассудство.
Эта мелодрама смешит меня. Курт пошевелился, и я замечаю, что он дремлет. Скоро нужно будить. Я же не останусь здесь навсегда. Солнце садится, люди начинают подниматься по главной тропе парами и небольшими группами. Идут домой или поужинать куда-то, а может быть, в ночную смену на работу. Рассеиваются, как облака.
Когда в сентябре я наконец объявлю, что все кончено, то понятия не имею, откуда вдруг взялись такие слова, - это телевизор, фильмы, книга?
- Это действительно в случае со мной не работает, - как найду силы сказать это? Неужели что-то наконец-то прорвалось? - На этот раз я говорю серьезно. Извини.
Сейчас же Курт спит: ноги вытянуты, грудь поднимается и опускается на каждом вдохе, рубашка подрагивает на животе свободно спадая вниз. Я видел его лицо тысячу раз, но опять внимательно изучаю его. Оно бесстрастно, по-детски умиротворенно. Не думаю, что он вообще о чем-то думает.
Улыбаюсь. Когда прикрываю глаза, я все еще вижу солнце, яркое и сквозь красноту век.

Становление

Я на пути в Саскатун*, увидеться с моим лучшим другом Карло, и все еще не могу поверить, насколько холодно вокруг. Синоптики говорят о тридцати пяти градусах ниже нуля. Не вспоминается ничего подобного даже в детстве. Серое шоссе, с белыми полосами разметки, проносится внизу причудливым орнаментом скорости и тени; тонированные стекла, покрытые инеем, запотевшие, наполняют салон автобуса тускло-желтым свечением. Я словно оглушен, взволнован, на нервах.
У вас когда-нибудь был лучший друг? Я помню, что идея родилась еще раньше, чем стала реальной, и даже тогда, сидя на лестнице в пустой школе, это было как признание:
- Так думаю, у меня нет лучше друга, чем ты.
Сама логика подсказывала, что мы были лучшими друзьями, я и Клайв Перри, сын с писклявым голосом из семьи громогласных миссионеров Армии спасения. Он переехал уже через год.

* **Saskatoon** - крупнейший город канадской провинции Саскачеван. Основан в 1882г., население ок 270 тыс. человек.

Я до сих пор помню, как сжалось мое сердце, когда он заклинал меня в письме принять Иисуса в свою жизнь. Он беспокоился о неизбежном для меня низвержении в ад. Подобные вещи вынуждали меня несколько настороженно относиться к миру. Никакой бедности, насилия, разводов или смертей в семье, но я был странным, ранимым ребенком. Чувствовал, что отличаюсь от других, и знал, что это приведет к трудностям. Каким-то образом я чувствовал себя сделанным из стекла, и все, чего я действительно хотел, соскальзывало с поверхности. Ничто не могло удержаться.
Погода здесь, в Саскачеване, сходная: не способствует каким-то приобретениям, потому что такая холодная, что невозможно разжать руку, чтобы даже схватить воздух. На остановках мы безумно устремляемся в закусочные и там, уже в сиянии ламп дневного света, я удивляюсь физической боли, - зима в прериях настоящая стена из иголок.

~

В автобусе из Ванкувера я завернулся в куртку и немного расслабился. *Мне не нужно разрешение, когда иду на рыбалку*, - рычит Том Уэйтс* из моего плеера, - ... *здесь, без жены, намного лучше*. Чуть ранее молодая

* **Tom Waits** - популярный и по настоящее время американский музыкант, композитор, автор песен и актер.

женщина, которая зашла в Камлупсе*, уселась рядом и что-то говорила, не заботясь о том, интересно мне это или нет, не замечая, что мои пространные замечания были не более чем бормотанием. Она рассказывала мне историю из своей жизни, или даже несколько:

- У меня опухоль мозга, и врачи говорят, что не знают, сколько я проживу. Вот почему я не могу есть пиццу, потому что жирная пища сразу вызывает головокружение, хотя пицца — моя самая любимая еда во всем мире. И поэтому мой парень пытался меня задушить, есть даже следы, которые это доказывают.

Всю дорогу до Саскатуна я погружен в ее интимные истории — недавнее самоубийство друга, распад семьи, медицинские операции. Но все это интимно настолько же, насколько правдиво. Свет тонированных окон на ее лице, и вибрация двигателя пронимает меня. Правда там или нет, но мне понравилось, как она излагала случившееся с ней и вокруг нее. Понравилось, как она показала мне, что все, принятое мной за правду, вероятно, для нее просто безумные истории.

Карло — это тоже история, которую я скорее постараюсь передать кратко, чем обстоятельно. Думаю, у всех в жизни есть люди, или, по крайней мере, я надеюсь, что есть, которые вызывают искреннее удивление относительно того, насколько хорошо они

* **Kamloops** - город на юге центральной части Британской Колумбии, Канада. Расположен у места слияния северного и южного рукавов реки Томпсон и недалеко от озера Камлупс. Основан в 1811г., население ок. 100 тыс. человек.

знали нас еще до знакомства, и в отношении которых невозможно представить, что мы были когда-то не знакомы.
Так и мы с Карло познакомились в международной школе в Ванкувере. Он был аж из Коста-Рики; я был местным, более или менее. Аббботсфорд* был слишком близко, чтобы считаться соседним городом, но и достаточно далеко, чтобы я жил в общежитии вместе со всеми. Меня очаровывало все, что отличалось от родных мест или даже Ванкувера, который я счел комфортным, но не таким уж захватывающим. Карло же представлял собой целый мир, о котором я ничего не знал.
Мы не были вместе ни философами, не были коллегами, не бегали друг к другу, типа, как сестры в трудные времена, и не сплетничали, как деревенские соседи. На самом деле, мы виделись не чаще иных друзей, и не были собственниками или ревнивыми настолько, чтобы все времени тратить друг на друга. Но когда мы встречались за чашкой горячего шоколада или за бокалами нелегального пива, воцарялось понимание и тепло, вроде хорошей акустики концертного рояля на сцене, грамотно освещенного, наполняющей музыкой уютный деревянный зал. Мелодия одновременно знакомая и незнакомая витает вокруг, но не требует вслушиваться, можно увлечься ее округлыми живительными тонами или воспринимать так, что ноты развернутся в

* **Abbotsford** - основан в 1892г., население ок. 153 тыс. человек.

полог вечерних звезд.
У меня не было никаких логических оснований полагать, что могу доверить Карло самый большой секрет моей жизни. На самом деле, он никогда не встречал геев в Коста-Рике, где вырос, а его родители говорили ему, что гомосексуалы — преступники и наркоманы. Но я доверял ему, слова «я гей» начинали разъедать меня изнутри. Но не знал, как он отреагирует. В школьном амфитеатре мы вдвоем сидели, каждый скрестив ноги, на парапете сцены, мои руки дрожали, дыхание сбивалось.
Он выслушал меня. Его темные глаза встретились с моими. Его голос не дрогнул. Он признался, что шокирован, но сказал, что это на дружбу никак не повлияет. Чудесная бравада и драматизм, присущий юности. И так все и было.
Я кое-чему научился у него и его друзей-латиноамериканцев. Конечно, это субъективный взгляд: канадцы — добрые, мягкие люди, но сдержанные. В худшем варианте, подобно зарезервированному столику с четырьмя пустыми местами в переполненном ресторане: маленькая табличка на столешнице означает, что вас ждет разочарование и придется искать другое заведение для ужина.
Эти же молодые парни и девушки из Аргентины и Боливии, Чили и Мексики могли двигаться в ритме, о котором северянин лишь только мечтает, могли быть настолько эмоционально отзывчивыми, насколько отзывчива улыбка на

лице, или разразиться жалобным до слез воплем, или взвизгнуть подобно неискушенному любителю острой пищи вдруг отведавшему перца халапеньо. По крайней мере, так я думал в то время, и до сих пор иногда.
Замечательная художница с очень подвижными глазами по имени Росита сказала мне: «Я люблю тебя», и все встало на свои места. Для молодого канадца сказать своему другу «Я люблю тебя» означает многое. «Я знаю тебя уже давно и испытываю к тебе глубокую привязанность»; «Ты можешь рассчитывать на меня, если я тебе понадоблюсь»; «Твоя дружба так много значит для меня, что я могу даже сказать эти опасные интимные слова», - это самое откровенное, на что можно рассчитывать. Но для красивой колумбийской девушки сказать мне без романтических намерений лишь только: «Я люблю тебя», в порядке вещей. Эмоции - искренние и теплые. Конечно, они могут длиться пять минут или пять лет, но слова.., слова сильно отличались от тех, к которым я привык. И я оценил разницу.

~

Я не знаю, был ли я влюблен в Карло в обычном смысле, но знаю, что связь ощущалась глубокой, - какая-то златая цепь на дне морском. Я помню, как мне было бесконечно грустно, когда мы расстались. Позже и он написал мне, что чувствовал то же самое.

В нашу последнюю ночь вместе мы разговаривали допоздна. Я пообещал навестить его как-нибудь в Коста-Рике, вроде «может быть, на твою свадьбу», — пошутил я и представил себя в образе шафера.
Карло остался у меня на ночь, но когда мы уже ложились, он не даже не посмотрел на расстеленный для него матрас. Наши глаза встретились, он кивнул, и мы забрались под одеяло моей довольно узкой кровати. Думаю, я хотел бы обнять его и рассчитывал на ответ в ту последнюю ночь, не зная, когда мы снова увидимся. Но Карло отвернулся, согнулся калачиком, подложил руки под голову. Я погладил его по спине, пока он засыпал, а затем дрочил так быстро и тихо, как только мог.
Не стоит понимать это неправильно. Моя рука была липкой, но разум ясен: я не хотел удерживать его, не хотел, чтобы он был моим парнем, не хотел заниматься сексом, так как знал, что он натурал и у него есть девушка. Но и знал, что счастлив быть его лучшим другом, и что за пять минут, или пять дней, или последние пять месяцев, что мы были вместе, моя близость достигла высокого уровня и без сексуального влечения к нему, а страсть буквально вскипела во мне в ту последнюю ночь вместе, - все это и нашло, таким образом, выход.
Или, может быть, я был просто еще одним озабоченным подростком. А мы проснулись, в тесном и телесном соприкосновении у стенки.

Девушка Карло, когда я только познакомился с ним, была круглолицей эквадоркой по имени Луиза. Мы все провели некоторое время вместе, хотя Луизе и мне не о чем особо было разговаривать, - это была приятная компания. Мне нравилось, что они не воспринимали меня вроде третьего лишнего. Я видел, как пары влюблялись и уходили в кокон, иногда, впрочем, выходя в повседневность, но опустошенными, с погасшими глазами. Луиза же и Карло не теряли связи с реальностью.

И вот, как-то Луиза спросила Карло, есть ли у него лучший друг. Он ответил «нет», а потом снова вернулся к этому и назвал мое имя.

- Ну, конечно, — сказала Луиза. Ведь неразлучной подругой, утешавшей ее, когда Карло расстался с ней, была Джованна.

Однако, Лара — это другая история. Она тоже была издалека, хотя и не настолько, как действительно иностранные студенты. Закованный в лед Саскатун, Саскачеван. Тем, кто не канадец, нравятся эти названия.

- О, ну хватит преувеличивать. Не всегда же здесь так холодно, - говорят они. Но никто из нас не разделяет это, представляя себе морозы и снегоступы.

Лара была хорошей подругой, что еще улучшили отношения с моим лучшим же другом. Мы учились в английском классе, сдружились. Она познакомила меня с *Постижением Этвуд,**

* **Surfacing** (1972) - роман Маргарет Этвуд о постижении национальной идентичности. Фильм 1981г. под тем же названием, реж. Клод Жютра.

который я буквально впитал, подобно снегу, поглощающему звук; я, в свою очередь, поспешил показать ей *Смехотворную Любовь** Кундеры, вызвавший у нее отвращение, хотя сам литературный язык она все-таки оценила:
- Но какая же это сексистская свинья! Все эти женщины у него.., лишь объекты!
Она позвала меня выпить кофе через месяц или два после того, как они с Карло начали *встречаться*. Отношения между ними были совсем на ранней стадии, поэтому я понял, что она нервничает. Но знал, что Карло увлечен Ларой.
- Все девушки интересуются им. И он такой обаятельный. Всегда кажется, что он флиртует с ними.
Я лишь отшучивался вначале, но вдруг увидел, насколько она серьезна.
- Я просто не могу доверять ему, Сэм. Я не могу пойти на какое-то развитие отношений. Что поделать? Своим поставленным голосом консультанта я сказал:
- Лара, он же мой лучший друг, и я знаю, что ты ему нравишься, уверен, он честен с тобой в своих чувствах.
- Я знаю, но просто не могу. Не могу, - она выглядела совершенно растерянной, слезы были на подходе.
- Иногда нужно просто позволить всему идти своим чередом, понимаешь? Просто позволить, - я отставил кружку с чаем, посмотрел на нее и сказал:

* **Směšné lásky** (1969) - сборник из семи рассказов Милана Кундеры, где крайности трагедии сочетаются с комическими ситуациями в отношениях (по преимуществу романтических).

- Давай я расскажу тебе историю о доверии. Может быть, я понял, что тоже взрослею, так как это был первый раз, когда я говорил кому-то, что я гей, не имея в виду сам смысл этого: это было лишь частью той истории. Хотя впереди меня ждало еще много важных каминг-аутов, но это было началом, та история. Рассказ, в котором сексуальность играла второстепенную роль по сравнению с главной ролью Карло, заканчивался соответствующим диалогом героя:

- Это никак не повлияет.

Лара подняла глаза, потрясенная, встала и безмолвно вышла из комнаты.

В следующий раз, когда я увидел ее, они были вместе с Карло, счастливые, веселые и влюбленные.

Пока что это только часть истории. Другая, которую я вскоре постиг, заключалась в том, что часть щедрой, благодатной любви, которую Карло дарил мне, не отделима от остальной его личности романтика, который умрет за любовь и за своих друзей. Но любовь превыше всего.

Карло и Лара точно не знали, как повлияет расстояние, но они были слишком сильно влюблены, чтобы позволить чему-либо вставать у них на пути. Они разъехались по своим городам, а я поступил в Королевский университет* в Кингстоне, Онтарио.

* **Queen's University**, Kingston - основан в 1841г. Один из крупнейших и престижных учебных заведений мирового уровня.

Во время перерывов в учебе в Университете Сан-Хосе* Карло на автобусе, поезде или иногда даже самолетом устремлялся в холодный Саскатун, согреться в объятиях любимой. Когда Лара заканчивала учебу к лету, она совершала обратный путь, мигрируя на юг, на все долгое жаркое лето в Коста-Рике к Карло и его семье. Три года с момента поступления в университет им удавалось проводить вместе не менее четырех месяцев в году. Неплохо для любви на расстоянии.
И что я получил, пока они изнывали от любви, в сжигающем ажиотаже предвкушения новых встреч, на протяжении мучительных месяцев разлуки при разорительных телефонных счетах? Я регулярно писал Карло в течение первого года и немного реже в течение следующего.
Длинные письма со стихами и мыслями, историями о каминг-ауте перед родителями и друзьями, о поиске отношений и неудачах в этом, одном фальстарте и сердце, не выносящем уже постоянной сдержанности. Были случайные связи, конечно, но о них я обычно не распространялся. Полная романтическая история ожидала изложения до нашей встречи лично. Иногда я получал ответное письмо, написанное от руки,(мои были всегда - напечатаны), которое иногда, но происходило такое все-таки часто, не соответствовало моим письмам, что означало, что некоторые

* **Universidad San José** (USJ) — частное учебное заведение. Располагается в городе Сан-Хосе, Коста-Рика. Основан в 1976 году.

из таковых где-то затерялись по пути или отправились прямо в Центральный Небесный Почтамт Коста-Рики.
Как-то летом мне позвонила Лара и спросила, может ли ее кузен, желающий посетить западное побережье, остановиться у меня в Абботсфорде на пути в Ванкувер. Я ответил «да», хотя в итоге тот так и не появился.
- Как Карло? — спросил ее я, немного обеспокоенный, может быть, несколько раздраженный, пытаясь не показывать, что меня забыли. Наверное, тогда прошло около года, как я получал письмо от него, и хотя знал, что качество дружбы не обязательно связано с качеством переписки, но я скучал по нему. Иногда чувствовались уколы эмоций, вроде того, когда яйцо жарится на сковородке и края вдруг начинают подгорать: ощущения чего-то такого, что может успокоить чувства, но может и пойти совсем наперекосяк.
- О, Карло? У него все хорошо. Мы разговариваем как минимум раз в неделю, иногда чаще. А что? Он до сих пор тебе не написал? Слушай, я прослежу, чтобы он сделал это, когда приеду к нему. Обещаю, ОК?
Я повесил трубку и услышал звук, похожий на тот, когда перегорает лампа. И тотчас представил себя этой лампочкой, перегоревшей, почерневшей, непригодной более. Я решил, что как можно скорее попытаюсь снова увидеть Карло, пока не стало слишком поздно.

~

Потребовался продолжительный период, чтобы время настало. Я был на Рождество дома, в Abbotsford; Карло приехал к Ларе как обычно, на зиму, в Саскатун. Я заранее договорился, что по пути обратно в Кингстон на День подарков* навещу их. И вот, почти схожу с автобуса, размышляя о том, как будут звучать мои истории вживую, когда я лично буду рассказывать то, что писал в письмах, в тех, что дошли, и тех, которые нет.

Когда я приехал, то выглядел, как обычно пристало пассажиру: дезориентированный, уставший, внезапно извергнутый посреди открытого пространства. Карло увидел меня первым, я слышу торопливые шаги, раскрываю руки для объятий. Счастливый, но волнуюсь.

- Ты выглядишь старше: что-то такое в твоем лице.

- Правда? - теперь уже он изучает мое. - Думаю, и ты тоже выглядишь по-другому.

Мы запрыгиваем в фургон, который семья Лары предоставила ему в распоряжение на весь период пребывания у них. Мчимся к дому, выхлопы хорошо заметны в морозном воздухе, поднимаются и рассеиваются в бело-голубой выси.

- Прости, что не писал тебе. Медицинская практика** мне очень нравится, но занимает

* **Boxing Day** - следующий день за днем Рождества. Берет традицию от после праздничной раздачи милостыни и помощи в Англии 17 века.

** в Университете Сан-Хосе есть медицинский факультет.

буквально каждую минуту.
Мы болтаем и болтаем о пустяках, вспоминая звук голосов друг друга. Карло с пользой проводит время здесь; отец Лары тоже врач, и они обсуждают общие профессиональные темы. Мама Лары, керамист, хорошо понимает их и держит расстояние, не вмешиваясь в отношения. Лара счастлива, хотя и занята учебой.
Пока мы едем, я думаю о прошедшем времени. Когда люди обсуждают школьных и университетских друзей, что это значит? Учеба в Северной Америке в смысле социальной жизни отличается от других частей света. Молодые люди покидают свои дома и переезжают туда, где они будут какое-то время жить вместе. Там все они рядом друг с другом, их основные потребности — еда, жилье — удовлетворены. Они могут исследовать, если любознательны, том за томом, - книги наполнены идеями и разными вариантами их осмысления. Все время в мире в их распоряжении, чтобы узнать себя и провести это время с другими. Так формируется дружба.
После такого своеобразного обряда посвящения, в каком направлении двигаться со окружающими попутчиками? Устраиваться в малоподвижном образе жизни, вспоминая прошлое при новой встрече? Насколько мы меняемся, приобретая опыт? Вся эта новая информация физически закрепляется в теле? Возможно ли тогда собраться вместе опять, как пазл?

Лара приветствовала меня дружескими объятиями, принимая мой рюкзак. Я осматриваюсь, вижу красивый дом, принадлежащий врачу и человеку искусства, с картинами повсеместно и книжными полками, заполненными милыми керамическими сокровищами. Мы, болтая на кухне, ждем, пока закипит чайник, восполняя друг другу недостающие факты и подробности. Лара тянет Карло к себе, потирая свою ногу о его, пока говорит.
Карикатурист Эрик Орнер* называет это одним из семи смертных грехов любви: пары, которые вцепляются друг за друга, разговаривая с вами. Интересно, может быть, я излишне впечатлителен, но нет, все достаточно очевидно. Именно Лара не может оторваться от него. Он может быть добровольным участником, но ведь её руки хватают и тянут, её нога устремляется к его, её рука проникает в его тёмные волосы, поглаживая по голове, пока мы говорим о самых обыденных вещах, что съесть на ужин, как может измениться погода.
Я нетерпелив, так много вопросов нужно озвучить, а день разворачивается в неспешном темпе: помыть посуду, приготовить еду. Мое лицо особо не эмоционально, но внутри я борюсь со страстными побуждениями. Хотя, даже прогрев машины в такую холодную погоду займет время.

* **Eric Orner** - американский гей-карикатурист, аниматор, чьи работы часто о проблемах ЛГБТ. Известен комиксом *The Mostly Unfabulous Social Life of Ethan Green/По большей части невероятная светская жизнь Этана Грина* (1990).

Да, я еще не совсем адаптировался. Я никогда не сталкивался с тем, чтобы погода, природа устанавливала правила. Все замедляется вдвое, наверное. Зимы в моем Кингстоне не настолько холодные.
Следующие дни не отличаются друг от друга, и я смотрю на календарь. Три прошло, четыре осталось. Это не то же самое, что раньше. География изменилась. Время, настоящий подарок международной школы, ушло, а на этом этапе повседневная жизнь довлеет почти надо всем. У меня едва ли была минутка, чтобы поговорить с Карло, и мы всегда вместе, втроем. Нужно искать и придумывать способ остаться с ним наедине.
До Нового года осталось совсем немного. Родители Лары уехали на какое-то мероприятие по этому поводу. Ее мать остановилась на мгновение перед выходом:
- Разве преддверие Нового года не идеальное время, чтобы надеть боа из перьев? - Да, она мне нравится гораздо больше Лары. Она выплывает за дверь. - Повеселитесь!
Мы же организовали скромный ужин с бутылкой вина, слушаем музыку, разговариваем, часы идут, пора открывать шампанское. Карло крепко обнимает меня, когда пробило полночь, Лару — еще крепче, и мы с Ларой обмениваемся дружескими объятиями.
Мы с Карло еще немного посидели, пока Лара готовилась ко сну. Я рассказал ему историю о большой вечеринке в Кингстоне, где я упился сакэ. Вспомнилось время, когда мы делали то же самое вместе в Ванкувере,

совсем молодые и однажды также напившиеся.
- Жаль, что тебя там не было, Карло.
Он поражен, его глаза такие грусные.
- Карло, не нашлось времени просто поговорить. А нужно так много тебе рассказать.
- Я не знаю, как мы так встретились. Среди всех этих невероятных людей во всем мире, - он отводит взгляд на мгновение и смотрит на меня снова. - Мне тоже нужно многое тебе рассказать. О моих отношениях с Ларой, обо всем. Все изменилось.
В этот момент Лара зовет его из спальни, и мы снова пересекаемся взглядами.
- Она не уснет без меня, — произносит он одними губами и уходит. - Поговорим завтра.

~

Завтра наступило, и оно — именно тот день, который я выбрал. Пока не стоит озвучивать планы; я вроде врача, скрываю все под покровом белого халата. День проходит так же, как и предыдущие. Стоит выждать до вечера. Поэтому вечером я просто иду к их в спальне сразу после того, как туда удалился Карло, стучу в дверь. Лара удивлена. Полусидит, смотрит на меня, по сторонам, а затем подтягивает на себя одеяло.
- Хочу поговорить с вами обоими сейчас, - неловко и застенчиво я занимаю кусочек кровати. - И хочу спросить, могу ли я провести завтра день с Карло. Повисает тишина и никаких ответов, поэтому можно продолжить. - Не просто какое-то время, а

весь. Ну, там пообедать, поужинать, сходить потанцевать в... клуб.
Гей-клуб, хотел бы сказать, но не могу. Хочется, чтобы Карло посмотрел хотя бы на часть моей жизни, отличающейся от прежней.
- Я действительно чувствую, что Карло вряд ли способен даже просто расслабиться со мной или вообще где-то и как-то без тебя, пока ты не говоришь, что все ОК. *Как могло до этого дойти*?
- Не думаю, что ты понимаешь, — прерывает она, — и не думаю, что это то, что нам стоит обсуждать.
- Ты знала, что я приеду, и, конечно, что времени у меня не много.
- Лара конечно рассчитывала время и для тебя. Отложила занятия, пока ты здесь.
- Но Карло, у нас не было ни одного нормального разговора, она всегда зовет тебя к себе.
- Да, не может заснуть, если меня нет рядом. Я же говорил тебе. Я не могу позволить случиться такому.
- Но что она делает, когда тебя нет? Чем ты занимаешься, Лара, — поворачиваюсь я к ней, - когда его нет? У тебя же наверняка есть что-то, чтобы справляться?
- Но он здесь. Сейчас.
Опять тишина. Но гулкая, как в зале ожидания. Внезапно вспоминается тот разговор много лет назад между мной и Ларой, своего рода знак доверия и надежда на него, как на отправную точку новых отношений для нее и Карло. Ну же,

сделай ответный жест, думаю я, глядя на нее.
Придется извлечь последнюю карту:
- Я предполагал последние несколько лет, рассчитывал, что Карло мой лучший друг, а я - его. Вам удавалось проводить довольно много времени вместе последние годы. Мы же не виделись три года, а я здесь всего на неделю. И прошу день, Лара. И хочу верить, что стою этого времени, в ином варианте мне придется перестраивать мир, основанный на этих предположениях.., - здесь возникает пауза, поскольку я никогда не был хорош в речах. Они смотрят на меня и видят, как мои руки вскинуты вверх, словно в попытке ухватиться за какое-то утраченное обещание.
- Но у нас есть что-то особенное, Сэм. Ты же знаешь это, почему не понимаешь?
- Ты владеешь его сердцем и душой, навсегда. Я здесь на несколько дней. Я гей, Лара. Все то время в колледже я не знал никого, кто был геем, а Карло поддержал меня. Дал мне свою дружбу. Это ничего не значит для тебя?
- Я знаю, но... Так и есть, он такой.
- Знаю, - мне понятно, что Карло на моей стороне.
- Если есть кто-то в мире, кого я хочу это понять, так это ты, — вступает Карло, а все то не означает, что ты не мой лучший друг. Прошло три года с тех пор, как мы виделись, вот также, вместе, в последний раз, - теперь все по-другому.
Лара не отстает:

- Нам пришлось постараться, чтобы сохранить все, и я не хочу проводить время без него. Тебе может показаться, что это долго, но это не так, и я хочу быть с Карло каждое мгновение.
Драма молодости.
Просто эгоизм, или дело во мне?
- Конечно, всего день после стольких лет.
- Нет и нет! В другое время года все по-другому, но когда я с Карло, я вне своих друзей и подруг, вне своей семьи. Так нам пришлось жить, чтобы сохранить все, и я не хочу ничего менять.
- Да и здесь все по-другому, — снова говорит Карло, — родители Лары разрешают нам спать вместе, но когда мы у меня дома, в Коста-Рике, нам приходится расставаться на ночь.
- Это просто разные вещи, обстоятельства или согласие на то, чего можно избежать, — раздраженно говорит Лара.
Конечно, я понимаю, о чем она. Просто я не могу это принять. У любви другие правила, прямо-таки говорит она, всеми теми словами или вообще без всяких. Все у нее на лице. И я отвечаю безмолвно: я не требую любви. Просто отказываюсь быть отрезанным от этого мира.
- Я понимаю, — отвечаю все так же, — но я думал, и ты понимаешь, что Карло значит для меня. Я не такой, как твои друзья. У меня не было таких возможностей для отношений, как у тебя, просто не было. Все это общество ненавидит. Я мог рассчитывать лишь

на круг друзей, и именно там я нашел любовь и приятие, в чем так нуждался.
Стыдно, что пришлось так много наговорить.
- Карло был моим лучшим другом. У нас так много общего.
Слезы стоят в глазах, смотрю на Лару сквозь эту пелену.
- Я не хочу быть злой, — говорит она.
- Знаю, — ее лицо в свете лампы на прикроватной тумбочки, она смотрит не на меня, а на Карло, одновременно взволнованная и бесстрастная, уставшая, но вполне в норме. Карло молча рассматривает пространство между нами, он не видит компромисса, и смотрит растерянно, немного даже отчаянно, но буря явно миновала.
В тот вечер понятно, что отправлюсь я в Кингстон как можно скорее, послезавтра утром. Однако на следующий день Ларе стало плохо, настолько плохо, что мне пришлось провести весь день с Карло, разъезжая по промерзшему Саскатуну.
В машине с Карло я не могу заставить себя сказать ему, как меня гнетет, что он никак не высказался в мою поддержку, что никогда сам не уделял мне того времени, которого я хотел бы, того самого времени, которое, как мне верилось, сохранило бы нашу дружбу.
Лучшие друзья, будь то геи или натуралы,- они все на втором месте.
Я не увижу Карло еще три года. К тому времени наши отношения уже в общем-то рассеялись, и Карло лишь объяснит мне, что он никогда не понимал, почему Лара меня

не взлюбила, но это так, и почему ей не никогда не нравилось, когда он вспоминал меня.
В размышлениях о лучших друзьях и дружбе мне подумалось, что мы, да, были лучшими друзьями какое-то время, но теперь нет. Хотя возможность того, что у кого-то другого и могут быть лучшие друзья на протяжении всей их жизни, исключать нельзя, но для себя я такую возможность исключаю и понятно же, что это не вина Карло, Лары или моя, но так бывает, что наши представления не совсем соотносятся с жизнью.
Но тогда... Я вышел из спальни и уже на лестнице вверх слезы снова застилают глаза. Здесь есть кресло, падаю в него. Знаю, что могу заставить себя перестать плакать, подумать о чем-то отвлеченном или вообще не думать. Но мне нужны эти тяжелые, однако важные эмоции.
А потом медленно пробираюсь через гостиную на кухню. Рядом с лестницей на вешалке висит стетоскоп отца Лары. Протягиваю руку, раздвигаю его металлические дужки и вставляю концы в уши. Ткань рубашки на мне препятствует звуку, поэтому осторожно просовываю холодный металлический диск под нее, прикладываю его к коже около сердца, закрываю глаза.
Да, это пульс, органический неравномерный звук, не метронома и не часов. Но промежутки между пульсациями наполняются мощными отзвуками внутреннего океана, и тонами, так хорошо различимыми, если долго

вслушиваться в морскую раковину, прислоненную к уху. Хочется быть таким же: темным, землисто-красным, динамичным, бездумным. Бессознательным, но полным жизни.

- В норме, - возвращаю стетоскоп на место и иду наверх, спать.

Мальчик из календаря

Январь

Это картинки. Люди, словно обратившиеся в статуи. Лица совершенно бесстрастны. Тела, никогда не встречавшиеся ранее, в различных вариациях легкой тени, в рассеянном свете; среди тропических джунглей или северных лесов, залитых солнцем пляжей, потаенных озер; в живописным брызгах, застывших в воздухе, с капельками пота, образующими замысловатый узор.

Больше всего завораживает тело, расчерченное в сектора, — как оконные стекла или кусочки пазла, или ячейки дней в календаре. Когда сосредотачиваешься на этих меньших частях целого, теряешь всю картину, видишь новые детали, настоящие миры внутри других миров, которые никогда не замечал до этого.

Эти линии, расчерчивающие тело, их натяжение, обрисовывающее форму... Если бы каким-то образом ослабить связи, удерживающие эти линии вместе, не спадет ли вместе тем вся эта стяжка, вроде того, как в одном из фокусов Гудини*, рельеф грудных

* **Гарри Гудини** (1874-1926) - легендарный фокусник и каскадер.

мышц, торса и сетки пресса исчезает, оставляя бесформенную массу? Боги снова становятся людьми, руки не обременены более внушительными буграми мускулов, гладкая ровная спина не напоминает более гористую местность.
Или эта четкость линий определенно, действительно что-то скрывает? Если освободить плоть из этой сетки, тело возьмет свое, обрастет жиром? Наконец-то реализуется более объемный проект?
Гэри знает, что в его случае все вернется к тому, с чего началось. Меньше. Тщедушнее. Не то чтобы он мог что-то сделать со своим ростом. Приятель по спортзалу сказал, что это, скорее всего, больше преимущество. Если бы он был высоким, потребовалась бы целая вечность, чтобы набрать формы, в отличие от того быстрого прогресса, которого добился Гэри: руки, грудь, бедра, - все стало существенно массивнее. Но вот худощавость, да, если перестать заниматься, если рельеф сойдет, он вернется к тому, с чего начал.
Итак, какой календарь выбрать? Черно-белые более стильные, чем цветные, с их несколько призывными, яркими оттенками плоти и расцветок плавок. С бодибилдерами тоже в пролете; Гэри любит мускулы, но эти парни просто смешны. Другие, с парами, туда же. Зачем смотреть на двух мужчин, охваченных вожделением, когда сам одинок? Соль на рану и все такое.
Милитари: нет. Латиноамериканцы: нет.

Некоторые здесь красивы, но не хочется быть настолько ограниченным. Наконец он останавливается на том, черно-белом, - все очень хорошо очерчены и мускулисты, только что немного великоваты. Тема календаря — *Страсть, и хотя на каждой фотографии по большей части тело, выражение лица не менее бросается в глаза, - страстное, манящее, взгляд, устремленный прямо в камеру, - во всех вариациях на основную тему.**
Гэри расплачивается на кассе, чувствуя, что перегрелся и вспотел, но надеется, что его соседа по комнате не будет дома, когда он туда вернется.

Февраль

Весь февраль постоянные тренировки. Если времени не хватает, Гэри ходит в университетский оздоровительный центр, но в основном все-таки это здание YMCA в центре города, где людей больше. Делает упражнения и осматривается в перерывах между ними. Он надеется, что никто не заметит эти, его, наблюдения.**
Месяц хорош для упорных тренировок; холодно, промозгло и серо. Что еще делать? Занятия по бизнесу идут своим чередом. Хотя, по крайней мере, он чему-то да учится: ставить цели, обозначать стратегию, работать над конечным результатом,

* **Desire** в оригинале
** **Young Men's Christian Association** — «ассоциация молодых христиан», молодёжная международная волонтёрская организация. Основана в Лондоне в 1844 году Джорджем Вильямсом.

оценивать достижения.
Календарь дома используется, чтобы отмечать ход тренировок: отметка *Грудь* и *Руки* в одних полях, *Ноги* и *Спина* в других. *Пресс*, - в поле каждого дня. Гэри купил даже *сантиметр*, измерительную ленту которой пользуются портные, хотя пока и не записывает результаты. Объем груди кажется разным всякий раз, в зависимости от того, сколько он может вдохнуть, и где именно на спине оказалась лента.

Март

Весь месяц Гэри отмечает изменения. Его тело набирает рельеф, объем мышц и их величина становятся больше, чем когда-либо прежде. Гардероб тоже пересмотрен, поскольку решено сменить свободные джерси* и простые рубашки с длинными рукавами. Освобождается место для обтягивающих белых футболок, выглаженных до блеска. И таких же обтягивающих, но черных, джинсов Levi's 501. Он замечает взгляды, каких не было раньше: косые на улице, более смелые и дерзкие в клубах и барах. В ответ Гэри распрямляется, движется размереннее и аккуратнее, расставляя ноги в шаг чуть шире. С ним даже некоторые ведут себя как с какой-то блондинкой. Но он-то считает себя нормальным парнем, да и что там говорить, привлекательным, когда заглядывает на ужин к другу. Сосед Марка по комнате не в

* мешковатая футболка с длинным рукавом

состоянии оторвать глаз от его груди, и забросал его вопросами о графике в спортзале. Внезапно все разговоры как-то перешли на другой уровень — парни спрашивают, где он тренируется, а не просто где работает. Все стало немного легче. Легче, чем на тех тусовках, на которые он ходил в последнее время, при местной гей-группе азиатского сообщества. На первой встрече Чен, президент, юрист из Гонконга, поприветствовал его и спросил:
- Вы говорите по-китайски?
Гэри ответил, но уловил лишь смесь недоверия и сожаления.
Кроме того, тот же Чен и еще несколько человек пустились в долгий разговор на кантонском диалекте* в самый разгар вечеринки. Неужели им не показалось грубым и невежливым, что остальные могут и не понимать?
Но он ходит на встречи, когда может. Что-то внутри говорит, что оно того стоит. Но также и нравится, что участники группы замечают перемены. Никто здесь даже близко не похож на него.

Апрель

Гэри никогда раньше не подходил ни к кому в баре. Здесь всегда образуются довольно компактные группы друзей; те же, кто один, обычно прямо-таки излучают *потребность*, волнительные эманации. Сегодня по-другому.

* считается особенно изысканной разновидностью китайского языка.

Все комплименты в последнее время: взгляды случайных людей в витринах, в зеркалах спортзала, - сделали свое дело: Гэри чувствует себя желанным.
Мускулистый, скуластый блондин с короткой стрижкой, казалось, смотрел на него на входе в бар, и еще раз, когда они пересеклись по пути в туалет. Сейчас тот уже не смотрит на него, прислонившись к барной стойке, но и ничего враждебного у него на лице тоже, вроде, не заметно.
Один из парней на вечеринке группы в прошлом месяце что-то рассказывал о сексе с бодибилдерами:
- Никогда не знаешь, — объяснял он, - два парня, оба в одинаковой форме, но мышцы одного - словно сдобное тесто, а другого - камень. По виду не различишь.
Тесто, камень? Гэри неспешно пошел было к беседующим. Но о чем говорить? В худшем случае, несколько вежливых и формальных фраз. Или небольшой разговор о том, чем занимаешься, или откуда родом. Или, может быть, при взаимной симпатии все пойдет само собой...
Гэри поглядывает на часы и нервно отмечает, что уже почти время бару закрываться. Не идеальное время, конечно, но он не собирается упускать возможность.
Занимает местечко у бара, заказывает колу. Он не планировал этого делать, но берет стакан, разворачивается обратно. Замечает взгляд блондина, но такой быстрый, что ответить не успевает.

- Привет, — говорит Гэри, но тот, кажется, не обращает внимания. Возможно, музыка слишком громкая. Гэри чуть переступает на другую ногу.
- Привет, - уже громче говорит он, совершенно не готовый к ответу: медленный поворот головы, прямой взгляд в глаза, спокойная неподвижность тела, правый локоть небрежно лежит на стойке бара, левая рука на ноге.
- Нет.
- Извините... Я.., - слишком быстро вырывается у Гэри.
Но я же ничего и не спросил, мелькает мысль. Перед глазами лишь черное пространство прямо там, в глубине его рта, иллюзия, поскольку в баре слишком темно, чтобы разглядеть хоть что-то. Но все равно это отверстие, черное как смоль, чрево угольной шахты, центр дремучего леса. Эхо круглой спирали небытия. О.

Май

Он думает об этом днями, неделями. Трудно придерживаться теории: больше действия, меньше размышлений. Но мысли возвращаются. То, что Гэри мог бы сказать. Да и у блондина могли быть оправдания.Может быть, он подумал, что Гэри просто пытался подцепить его на ночь. Или переглядывания, которыми они обменивались, были вовсе не заинтересованностью, а предупреждением держаться на расстоянии.

Чем больше об этом думаешь, тем больше убеждаешься, что есть что-то другое в этом. Он же видит их всех в спортзале, белых мускулистых парней, все высокие, почти в одинаковой форме, и все они обсуждают клубы с вечеринками. Чувствуется, как они смотрят с отсутствующим видом, не признавая его присутствия, даже когда находятся довольно далеко от его штанг и гантелей. Вероятно, они ежедневно тренируются в течение многих лет и, также вероятно, балуются стероидами. Лица некоторых из них постоянно напряжены и осунулись, в шрамах от прыщей, - распространенный побочный эффект этих препаратов, как слышал Гэри.
На ум приходят модели в рекламе местной гей-газеты, а затем и все те модели, которых он замечал в журналах, геи или натуралы. Когда там был азиатский парень как объект желания, как часть клуба, клуба людей, которые влюбляются, страстно вожделеют и занимаются сексом друг с другом? Редко в фильмах, никогда по телевизору и в порножурналах, которые он украдкой листал в книжных магазинах. Как и на поздравительных открытках, в календарях...

Июнь

Розовый слишком броский, желтый — неуместная веселость. Присматривается к синему, но в итоге выбирает красный. Это азиатский цвет: все эти красные конверты,

фонарики и скатерти в китайских ресторанах. Вот что здесь написано:

Нам нужны горячие азиатские парни, модели для календаря. Мужественные, спортивные, натурального вида. Покажи нам, на что ты способен. Не стесняйся.

Разумеется, контактная информация, адрес и номер телефона. Он распечатал и вырезал 200 флаеров, может быть, немного амбициозно, но с другой стороны, *Прайд* — самое крупное событие в городе. Толпа уже начала собираться. Гэри одет в очень короткие шорты и черные ботинки. Просто, но эффективно, как он надеется. Все в хорошем настроении, благодарят его, прежде чем даже прочитать флаер, который он им только что вручил.
Он замечает еще одну голову с черными волосами, но разочаровывается. Это Дерек, зубрила из гей-азиатской группы. К нему нет доверия. Рука Гари так и зависла с флаером в воздухе, - не хочется отдавать его Дереку, но и скрыть не получается.
- Натурального вида, что это должно значить? Держу пари, все они не выглядят натуралами, когда стоят на коленях.
- Разве ты не понимаешь значения слов?
- Нет.
И этот голос королевки. И сразу смылся, таа..дам! Нет, конечно, он не знает, что это значит.

Июль

Перед фотосессией Гэри усиленно тренируется и, сам того не желая, пропускает даже еду. К тому времени, как добирается до дома Кеннетов и импровизированной студии, обустроенной в гостиной и заднем дворе, он чувствует себя подтянутым, стройным и накачанным. За час до этого он потренировался, просто чтобы быть уверенным.
Кеннет — друг его друга, фотограф, чье портфолио в основном состоит из фотографий друзей и знакомых в гротескных позах, с поддельной кровью и игрушечным оружием в качестве реквизита. Его уроки в художественной школе не окупают аренду; а вот модная фотография вполне. Но снимать Гэри он согласился бесплатно.
Высокий забор на заднем дворе закрывает обзор соседям, по крайней мере, Гэри на это надеется, однако, слегка подрагивает, хотя погода и теплая, его обнаженная кожа сияет белизной на фоне разросшегося клена.
- Надо было немного загореть, — думает он, когда Кеннет просит его встать, лечь, опуститься на колени.
Проходит совсем немного времени, прежде чем объектив камеры больше не вызывает напряженности. Кеннет просит Гэри начинать съемку в нижнем белье. После первых фото оно уже не требуется, хотя его гениталии на финальных снимках будут художественно скрыты.

Но сейчас довольно просто следовать указаниям Кеннета, сохраняя нейтральное выражение лица, сосредоточившись на том, чтобы мышцы оставались напряженными.
Внутри дома, за плотными шторами, Гэри приятно согревает яркий свет театрального прожектора, удачно приобретенного Кеннетом на недавней гаражной распродаже. В этом свете, направленном на него, тени образуются под грудными мышцами, среди складок кожи на прессе. Мысли занимает календарь, он сам в календаре. И нет никаких различий между ним и моделями в других календарях, парнями в спортзале и барах.
Когда фотографии наконец на руках, Гэри чувствует взрывное возбуждение во всем теле. Не может поверить своим глазам. Он знает, что это он на фотографиях, тот, кто позировал и замирал. Но свет и тени сделали тело совершенно незнакомым. Грудь больше, мышцы контрастнее очерчены, как и лицо, с четко обрисованным подбородком, да, это лицо, которое люди называли мальчишеским, здесь больше похоже на мужское.
Лгут фотографии? Или так и есть? Это другой человек, работа мастера, мастерство фотографа? Или это лучшее, что может быть в Гэри, идеальный образ внутри, раскрывающийся в сиянии фотобумаги?
Все те парни в глянце мужских журналов о спорте, моде или порно: может быть, они немного похожи на него в реальной жизни? Или наоборот, он немного похож на них?

Неважно, он в восторге от этого проекта, может быть, даже больше, чем вообще от чего бы то ни было.

Август

Уже к окончанию фотосессии Гэри получил четыре фото. Один совершенно потрясающий китайско-малазийский мальчик: как он стал таким высоким? Красивый японец и компактный мускулистый таец. И фото совершенно обычного китайского парня. Даже не похоже, что он занимается спортом. И обнаженный. *Агх*! О чем он только думал?
Четырех достаточно для выкладки, всего пять, включая Гэри, и если даже ничего не будет, кроме этого, может быть, тогда сделать шесть моделей по два месяца с каждым. *Какие месяцы выбрать для себя?* Нет времени думать об этом, он прокручивает в голове презентацию: энергичную, позитивную и, самое главное, убедительную.
- У меня даже есть название, — здесь эффектная пауза. - *Свежая кровь!*
Гэри многозначительно оглядывает девятерых парней в комнате.
- На это есть спрос, даже девушки, которых я знаю, белые и азиатки, сказали, что им понравился бы календарь с горячими азиатскими парнями.
- Это тот круг, который следует охватить? - говорит Дерек в футболке *Greenpeace* навыпуск. В рваных синих джинсах.
Это и весь повисший в воздухе вопрос.

- Ну, нет. И да. Хотелось бы продать весь тираж, какой будет, и мы должны продавать всем, кто ценит, - без уверенности, что высказался правильно, Гэри тут же добавил, - но, конечно, основной рынок — это геи.
- А где-нибудь в календаре вообще есть слово «гей»?»
- Нет. Мы не хотим отталкивать кого-либо из потенциальных покупателей и как-то ограничивать продажи. Это очевидно. Кто еще покупает эти календари? Модели на других тоже все геи. Хотя, возможно, здесь я излишне категоричен.
- Слушай. Я серьезно думаю, что нужно подумать, не легко ли мы принимаем овеществление гей-мужчин в товар, низводим себя к образам тела с сопутствующей дегуманизацией в этом процессе. Нет ли в этом подражания женоненавистническим гипермаскулинным ценностям, которые превозносит доминирующее гетеросексистское общество? - Дерек пронзительно оглядывает всех.
Гэри лишь пытается понять, чуть улыбаясь, а понял ли кто-нибудь вообще, что Дерек только что сказал. Похоже, вряд ли, так как воцаряется атмосфера замешательства, и никто не говорит ни слова.
Грэм, грузный, в очках тяжелой оправы, подает голос:
- Ты уверен, что эта идея оправдана с финансовой точки зрения? Не думаю, что общественные организации так уж хорошо продают что-то. Помните фиаско с футболками

два года назад?
Гэри разворачивается к председательствующему Чену, в надежде, что тот его поддержит, но он лишь говорит:
- Давайте послушаем других. Кто еще может что-нибудь добавить?
- Мне нравится идея, - поддерживает Уильям, милый симпатичный вьетнамский парень с легким мелодичным акцентом. - Нам нужны образцы азиатской красоты в гей-сообществе. И чем больше, тем лучше. Я устал от всех этих белых мужчин.
Он смотрит на Гэри.
- Могу я помочь выбрать моделей?

Сентябрь

Звонит Чен, Гэри думает, что речь пойдет об организации вечеринки *Корейская ночь* в следующем месяце. Но нет, Чен — с плохими новостями, как он выразился властным отеческим тоном. Несколько даже чрезмерно заботливым. Но и рассудительным. Можно представить, как они все «обсуждают» проблему, а затем буквально все же смотрят на Чена, с тем, что ты председательствующий, тебе и предстоит брать на себя грязную работу.
- Это не такая уж плохая идея, — звучит его голос. - И мы ценим проявленную инициативу и новое. Это *мы*, - будто Коммунистическая партия или что-то в этом роде. - Просто мы не чувствуем, что у нас есть ресурсы, чтобы полностью поддержать проект.

Короткая пауза.
- И высказываются некоторые опасения относительно того, действительно ли это правильное послание, которое мы хотели бы донести до сообщества.

Октябрь

Дождливый октябрь, город в депрессии, Гэри тоже. По дороге домой с занятий он решает, что, возможно, стоит зайти во *Flaunt*, относительно новый книжный магазин на Долан-стрит: ярко освещенный, стильный, со множеством сувениров наряду с книгами и журналами.**
Удивительно. Только октябрь, а уже вышли календари на новый год. Внезапно вверху живота чувствуется резкая, словно спазм, вспышка, - он подходит ближе. Длинноволосые *Chippendales* с пластиком кожи и тел; слегка грозные, но сексуальные модели Colt***, волосатые, мускулистые и усатые; несколько рекламных постеров порнозвезд; пожарные без рубашек; по большей части в униформе группа полицейских и многочисленные художественные черно-белые фотографии одинаковых белых безволосых мужчин. Следующий календарь *Азия* тоже был бы кстати, если бы не ревность, резко**

* дословно *Напоказ*
** **Чиппендейлс** - стрип-танцевальная труппа, в которой участники экипированы сверху лишь в галстук-бабочку, воротник и манжеты рубашки. Основана в 1979г. Продолжает выступления и в настоящее время.
*** **Colt Studio Group** - гей-порно студия и агентство. Основаны в 1967г.

нахлынувшая, будто сработавшая от жара его гнева система пожаротушения.
Название, конечно, без изысков, но неверное: здесь только одна часть Азии, словно мизинец решает, что он и есть вся рука.
Это благотворительное издание организации по борьбе со СПИДом в Гонконге, нигде не написано «гей», словно так и необходимо, двенадцать фотографий китайских моделей разной степени обнаженности в оттенках черного и белого, на фоне городских джунглей: бетонных линий офисных башен и лестниц. Большой календарь, профессиональный, глянцевый.
Нет, на это не купишься. Нет, определенно нет. Слова заполняют пространство где-то поверх его головы, как будто его внезапно втянули в сетку сюжета комикса: *схватили в охапку, смяли и потащили к финишу*. Моя идея. Черт бы побрал эту тщедушную политкорректную сволочь!

Ноябрь

Занятия в этом месяце посвящены маркетингу и продвижению, малому бизнесу и бизнес-планам, Гэри следует всему этому вяло; он все еще расстроен инцидентом с календарем. Он перебирает коробку со сделанными Кеннетом фотографиями, не нашедшими применения: на заднем дворе у клена, на траве в листьях, фото в помещении с эффектным светом, рисующим контрастные тени

на мышцах груди и живота. Такие красивые фотографии. Он ненавидит выбрасывать вещи, что, наверное, досталось от родителей, которые никогда ничего не выбрасывали. Резинки, канцелярские принадлежности, гвозди и шурупы, старые письма... Поздравительные открытки! Можно же взять негативы у Кеннета, посмотреть в магазине художественных принадлежностей бумагу и конверты. К вечеру готов список из шести магазинов, в которые нужно зайти, названия типографий, примерный график, акценты в тексте: *местный предприниматель*...*новые предпочтения потребителя*... *мультикультурализм*... *со вкусом*... *эротично*...

Декабрь

Из книги о китайских традициях Гэри вспоминаются числа:

Счастливое число - девять.
Сто врат.
Тысяча стихотворений.
Четыре всадника, спасшие Китай.
Пятипалый императорский дракон.
Четыре благоприятных события в последний месяц года.

Первое:
- Да?
- Гэри, это Чен. Я знаю, что ты уже давно не заходишь к нам, но у нас есть к тебе просьба.

- Угу.
- Во время недавней вечеринки Дерек организовал дискуссию о расизме, позиционировании в СМИ и самооценке.
- Угу.
- Ну, ребята изучили все пятьдесят две обложки прошлогоднего *Q Pink News* и обнаружили, что все парни на обложке - белые, за исключением одного чернокожего парня в марте и двух или трех моделей, которые несколько напоминали латиноамериканцев, хотя они, вероятно, все-таки итальянцы.
- И?
- Ну, они выразили протест редактору и выдвинули тебя в качестве модели для будущей обложки. Они решили, что ты не будешь возражать... Гэри?
- Ну.., - просто нет слов. - Можно было сначала спросить меня.
Второе: постеры в трех магазинах. Видимо, продаются неплохо.
Третье: теперь можно позвать на свидание кого-нибудь в классе по маркетингу. Ну, из тех, которые как раз недавно вступили в YMCA.
Четвертое:
Кеннет заходит забрать негативы. Он счастлив, потому что фотографии Гэри в его портфолио сыграли решающую роль в получении высокооплачиваемого заказа в этом месяце. Гэри тоже рад. Они с Кеннетом - друзья, а друг — это всегда хорошо. Кроме того, если подумать, не вспомнится даже, насколько

давно у него был друг-натурал, весь круг общения в основном подруги, да другие геи. Это пойдет ему на пользу.
Они сидят и пьют пиво.
Кеннет вдруг срывается с места за лежащим в коридоре свертком, украшенным ангелами, рождественскими колокольчиками, перехваченным серебряным бантом по углу:
- Я подумал, что это тебе нужно, - он протягивает сверток.
Там календарь с азиатскими парнями. Гэри лишь ухмыльнулся. Что еще делать? Кроме как благодарить Кеннета, но совершенно искренне, и крепко обнять его. Бросает взгляд на календарь этого, только что прошедшего, года над кухонным столом. Снимает. Вешает подарок. Пусть Новый Год приходит! Все готово.

Польский "Титаник"

Из-за устаревшей информации в моем путеводителе Let's Go, моего собственного безошибочного чувства времени и отсутствия знания польского языка приходится бежать к огромному парому, сверкающему вдалеке, представляя, как он удаляется. Я пытаюсь отдышаться, фыркаю и потею, колени подгибаются, когда все-таки проталкиваюсь через двери терминала.

- Последний, — говорит служащий в форме. - Паспорт, пожалуйста.

Так что, я покидаю Польшу. Какое облегчение. Этот паром из Гданьска — единственный до среды и еще пяти дней февральской серости, закопченной до черноты коммунистической архитектуры, тяжелых и темных зимних курток на ссутуленных плечах, - всего этого я бы уже не вынес.

Но все же Гданьск был достаточно симпатичен в плане приятной передышки, но мне не терпится отправиться в путь. Мое полугодовое приключение с рюкзаком за плечами по Европе пройдено почти наполовину.

И уже на пароме, измученный и пропотевший, обращаю внимание, что здесь исключительно

плакаты с видами Хельсинки, и велю себе успокоиться:
- Извините, — обращаюсь к кому-то из персонала. - Мы же сначала идем в Стокгольм, а потом в Хельсинки, да?
Она смотрит на меня удивленными глазами:
- Нет.
Сердце выпрыгивает из груди. Что я буду делать в Финляндии? Она переводит вопрос коллеге рядом и снова поворачивается ко мне:
- Да, сначала Оксельсунд, недалеко от Стокгольма, потом Хельсинки.
Уф! Никаких проблем. Двигатели корабля с грохотом запускаются, и мы отходим от причала. Все начинает раскачиваться. Я поднимаюсь наверх в кафетерий, откуда разносятся итальянские дискотечные ритмы и другие пассажиры без кают рассаживаются по угловым диванчикам. Море сегодня, конечно, неспокойное. Пол слишком сильно качает, поэтому стоит смотреть на что-то иное, и как раз вовремя, чтобы заметить какого-то согнувшегося человека, которого уже рвет прямо на ковер.
Быстро в туалет, обозначенный санузлом: вода поможет, полагаю. Но следы рвоты везде: в раковинах, в писсуарах, на обоих незанятых унитазах. Сначала смываю в одном из них, прежде чем наполнить его своим ужином из хот-дога и другими неопознанными продуктами. Удивительно, насколько полегчало.
В эту ночь спать пришлось урывками,

смещаясь с дивана на подлокотники, а потом и вообще на пол. Из кафетерия с безостановочным евродиско, изливающимся из динамиков, я переместился в более тихое местечко внизу, где тем не менее красный цвет ковров тоже вторгался в мои сны, наполненные бегом, тяжелым дыханием и тошнотой. Утром кондиционер включается на полную мощность, поэтому приходится возвращаться в кафе, все еще раскачиваясь на бурных волнах.

~

На следующее утро я познакомился с Петром. У меня есть довольно потрепанная гитара, с которой путешествую, и я решил засесть в тихом уголку, на площадке над игровыми автоматами. Это мой защитный кокон и моя попутчица: корабль продолжает свой дикий танец, а я, широко расставив ноги для устойчивости, начинаю играть. Петр появляется робко, не сразу: сначала стоит у подножия лестницы, поглядывая наверх, затем уже на самой лестнице, пока, наконец, не замирает у противоположной стены, прислушиваясь к моим напевам лучшего из Трейси Чепмен*.

- Ты говоришь по-английски?
- Нет, нет. Не очень.
- Я приглашаю его садиться и указываю на себя.
- Энди.

* **Tracy Chapman** - американская чернокожая певица, композитор, автор собственных песен, затрагивающих острые социальные темы.

- Петр.
Мы пожимаем руки.
- Прекрасно.
Мы разговариваем, я перебираю струны.
- Стокгольм?
Он кивает. Его глаза подняты вверх, он смотрит куда-то в пустоту. Будто хочет что-то вытянуть из нее. Извлекает слово *Дядя*.
Я хватаю ежедневник, приближенно набрасываю карту Канады, линии срываются в такт раскачиванию нашей посудины. Когда же утихнут эти волны? Черная точка в юго-западном углу схемы - Ванкувер. Он, в свою очередь, рисует Польшу, чтобы отметить небольшой городок к югу от Гданьска. Мы спрашиваем друг у друга возраст. Он на год старше меня.
Петр хочет мне что-то сказать.
- Ты.., — он останавливается, поднимает взгляд, чтобы выудить новое слово. - Гитара. Хорошая музыка, — он делает жест. - Я..,- опять останавливается.
- Хочешь, чтобы я что-нибудь тебе показал? — спрашиваю с соответствующими движениями руки. - Или сыграл?
- Нет, — он энергично качает головой. - Я... не знаю, - выдыхает сокрушенно.
- Может, кто-то еще может помочь? Кто-то, знающий польский и английский, - я накрываю глаза рукой ищущим движением.
- Простите, — обращаюсь к молодой паре, проходящей мимо.
- Конечно, мы говорим по-английски, — сразу отвечают они.

- ОК! — разворачиваюсь и делаю знак Петру спросить их по-польски.
- Мы финны! — заявляют они, уходя.
Смущенный, наигрываю еще что-то, от чего его глаза загораются. Он отбивает, словно палочками, ритм:
- Ударные, — восклицаю я, — Ты играешь на барабанах.
- Да, — он улыбается. - *Коллеги*... мм.
- О, ты играешь в группе с друзьями, с *коллегами*.
- Да, - он неуверенно кивает, и вдруг опять:
- Я... не знаю.
Смотрю на него, пытаясь распознать эту незаконченную сонату из интуиции и разного рода усилий. Как при разговоре с младенцами или очень старыми людьми, надо учитывать не только слова, но и другие аспекты.
-Ну, понимаю, — киваю я, и он тоже неуверенно отвечает тем же.
Он примерно моего роста, не слишком высокий, не слишком низкий. Широкое квадратное лицо, как у некоторых поляков, которых я видел, не слишком же короткие волнистые каштановые волосы, светлые усики над широким ртом, и кожа цвета чая с молоком, кремовая, но не бледная, как у греческой статуи. Он красив и по-мальчишески дружелюбен.
Когда громкоговоритель вдруг взрывается объявлением, и я вижу, как его глаза закатываются, его лицо искажается в беззвучном стоне.

- Ого, не может быть, чтобы все было так плохо, — возникает у меня мысль.

- Внимание, пожалуйста, внимание! Из-за погоды и технических проблем мы сейчас возвращаемся обратно в порт Гданьска. Дальнейшие инструкции будут даны по прибытии. Спасибо.

Тут уже я закатываю глаза, лицо вытягивается. Насколько мы отключились, ничего не воспринимая? Еще одно объявление, на трех языках. Вот, на английском:
- пассажиров приглашают на бесплатный завтрак в обеденном зале. - Без денег? - обращаюсь к Петру.
- *Бесплатно*, — отвечает он.
Четырнадцать часов из двенадцатичасовой поездки на пароме, и мы вознаграждены бесплатной едой. Представления о полном шведском столе вызывает у меня тошноту. Воображаю, как там все съедают, а затем отрыгивают, словно коровы с их причудливым пищеварением.
В отчаянии мы возвращаемся в кафетерий, но корабль приобретает второе дыхание, - кренится и раскачивается с еще большей силой. Слышен звук бьющегося стекла: бутылки и графины с напитками сталкиваются друг с другом. Я прячу гитару в безопасном месте, и мы спускаемся вниз, посмотреть что там. Навстречу нам попадается служащий из персонала.
- Будем в Гданьске к полудню, — он

обнадеживает меня.
В вестибюле полный хаос. Корабль накреняет на одну сторону. Внезапно мимо пролетает стол, затем стулья и все остальное. Пожилые женщины хватаются за стулья под друг другом, стараясь оставаться на месте, плачут дети, коляска уносится в противоположную сторону. Изо всех сил стараюсь держать равновесие, широко расставив ноги, замечаю двух женщин, сидящих на лестнице, каждая из них одной рукой цепляется за перила, а в другой у них, напротив сердца, четки и крест. Одна плачет, другая молится.
Я тоже вполне готов к духовным вопросам. Почему я здесь? Что будет с нами? Что, если умру? Но не стоит поддаваться страху, нервный смешок рвется из-за всей этой суматохи, поэтому надо включаться в работу, без эмоций, когда корабль наклоняется уже на другой борт, а мебель и людей тащит назад.
Петр помогает группе женщин на стульях, а я сгибаюсь, чтобы поднять коляску. В углу воет ребенок. Все здесь напряжены в ожиданиях очередного крена. Заголовки уже мелькают у меня перед глазами:
ПОЛЬСКИЙ ТИТАНИК!
Балтийский шторм уносит пассажиров
Пропавшие в море.
Петр ловит мой взгляд, и мы синхронно киваем: каждый, кажется, понимает, о чем подумалось. Возвращаю коляску, и киваю старушке, сидящей в низком кресле, мертвой

хваткой обнимающей единственный столб в этом помещении. Она трубно призывает мать плачущего ребенка. Понятно, что происходит. Их нужно уводить в более безопасное место. Где же команда, когда она так нужна?
Хватаю за руку маленького мальчика, слезы текут по его лицу. Петр занят коляской, мать ведет более спокойную старшую дочь. Мы спускаемся вниз в каюту пожилой женщины, оставляем всех там. Петр и я снова переглядываемся, вздыхая с облегчением. Сделали доброе дело сегодня. Он кажется уже давним другом.
На пути обратно внезапно останавливаемся перед картой. И Петр показывает родной город на настоящей карте, и точку, где он служил в армии. Динамик транслирует еще одно объявление, Петр снова напрягается, но, все-таки похоже, раньше он уже слышал его. Ветер дует в противоположном Гданьску направлении, поэтому, хотя корабль шел на юг, мы прошли мимо, объясняет он и указывает на восток. Точка чуть выше Гданьска — это то место, где мы продолжаем оставаться, порт *Ад*, или так это звучит по-английски*?
- Ад? — недоверчиво спрашиваю я. - Правда? Так и называется Ад?
- Да, — отвечает он, понимая, что это веселит меня, но что именно ему непонятно.
- Так... корабль... здесь... попробуют еще раз, - он показывает, что мы во второй раз пытаемся взять курс на Гданьск, направляясь

* Hell в оригинале

к северу. Мне все еще смешно и я показываю на восток карты:
- Может, будет проще в Россию?
- Или... — заключает он, изображая руками, что плывет.
- Да уж.
Смотрю на часы и показываю ему. Мы вышли из Гданьска двадцать часов назад.
- Не могу поверить.
Он кивает, соглашаясь со мной.
Нас снова приглашают к бесплатному столу. Полагаю, кладовые у них уже пусты. Мы за столом с двумя финнами, которых я было принял за поляков, оба студенты, один из которых философ, другая — химик. Студент-философ рассказывает анекдот:
- Декарт подходит к бармену, который спрашивает его:
- Вам пива? На что Декарт отвечает:
- Не думаю.
Финн поднимает брови:
- И он исчезает*.
Мне требуется секунда или две, чтобы понять; а его девушка стонет и бьет ему по плечу. Я беспомощно смотрю на Петра. Это не перевести.
Думаю, что общаться с кем-то, кто не говорит на твоем языке, одновременно сложно и легко. Сложно, если одна сторона говорит слишком быстро или если оба слишком быстро сдаются: обычно случается одно из этого. Но если коммуникация выстраивается, это

* здесь обыгрывается декартово заключение *Мыслю, следовательно, существую*.

своеобразный танец под Луной, делаешь вид, что понял что-то, чтобы понять следующее, и внезапно начинается понимание всего, более или менее. Мы с Петром можем не знать достаточно слов на языке друг друга, но мы общаемся. Однако теперь он становится каким-то тихим, и даже если я пытаюсь вовлечь его в разговор, прямо обращаясь к нему, он, кажется, понимает все меньше. Когда мы уже заканчиваем ужин: дряблый кусок мяса с раскисшей картошкой, я ухмыляюсь: «*Бесплатно*». Еще один бесплатный ужин. Но мы не только должны лишь видеть яркие огни городской жизни, - отмечаю я, мы уже должны скоро прибыть в порт, так как почти девять, и город различимо сверкает вдалеке. Еще один треск из интеркома, еще одно объявление. Вероятно, инструкции по прибытию. Возможно, будет и номер в гостинице. Надо дождаться перевода по-английски:

Внимание! С сожалением сообщаем, что порт Гданьска закрыт сейчас и до утра, и мы не получим разрешения на вход в гавань. Корабль встанет на якорь на сегодняшнюю ночь и прибудет в Гданьск завтра утром, сразу как только это станет возможным. Спасибо.

Мы снова изумлены, снова смотрим друг на друга и вздыхаем. Мимо проходит пожилой мужчина и что-то говорит Петру по-польски.
- Что он сказал? — спрашиваю я.
Тот показывает на коридор.

- Каюты?
Он лишь улыбается:
- Может быть, *бесплатно*.
Спустя несколько минут, вернувшись от стойки обслуживания, сияющий, он крутит ключ на пальце. Забираем наши рюкзаки наверху, идем по коридору, я в смешанных чувствах благодарности, удовлетворения и волнения: как здорово, что удалось получить каюту, мы ее действительно заслужили и Петр расслабляется в кровати, а я быстро забираюсь в душ.
Но вдруг стучат в дверь, и сразу заходит худощавый парень с соответствующим же лицом, молодой, в синем костюме, с портфелем. Ничего не объясняет, лишь спрашивает, занято ли здесь все, и очень разочарован, когда мы говорим ему, да, занято. Но резво ставит кейс на пол и вешает, надо отметить, весьма стильное пальто на крючок.
- Вы из Польши?
- На самом деле я живу в Швеции и работаю там, но говорю по-английски и по-польски так же хорошо, как и по-шведски. Словно в доказательство он тут же обращается к Петру, который улыбается и кивает.
- Вы работаете при корабле? — спрашиваю его.
- О нет. Но у меня здесь друзья. Я много чего умею. Но обсудим это позже, - и он уходит так же быстро, как и вошел.
Петр решает, что пора спать. Мы разговариваем, пока он неторопливо

раздевается. Кожа у него мягкая и гладкая под рубашкой, но там еще и тонкая белая майка.
- Твой дядя, — говорю я, показывая на него.
- Он будет ждать... на паромном терминале? Насколько понимаю, терминал в Оксельсунде в часе или двух езды от Стокгольма.
- Не знаю. Может быть... и переночует там. Увидит новости. Позвонит маме, может быть.
У него на шее маленький крестик на цепочке.
- Ты верующий? Ходишь в церковь?
- Нет, — качает он головой.
- Я тоже, — отвечаю. - Девушка?
У него на лице такое удивление, словно вопрос: *Как у кого-то может не быть девушки?*
Мысль отражается в его глазах:
- Если мама..., — начинает он, но делает вид, что кусает руки в беспокойстве и панике, - тогда девушка.., - изображает снова, что кусает все свое тело в тех же чувствах.
Мы смеемся.
Он снимает штаны, складывает аккуратно, кладет рядом. Поднимает верхнюю простынь и забирается внутрь, - у него сильное, спортивное тело. Мне представляется, как он занимается спортом, разными домашними делами.
- Обычная жизнь, - только и остается тихо вздохнуть, посматривая на его фигуру, уже спящего, под простынями. Эх, мой новый симпатичный друг.
Прежде чем успеваю заснуть, недавний

знакомый вдруг проскальзывает в каюту, бросая портфель на кровать:
- Эй, почему вы так рано ложитесь? Пора вставать и развлекаться.
- Мы устали, — бормочу раздраженно.
- Эй, ты не против, если я приду чуть позже, с несколькими персонами, ну, примерно с четырьмя или пятью девушками, и если в моей кровати не хватит места, я могу подложить какую-то из них в твою.
- Только не шумите особо, — заявляю ему категорически, — и оставь их всех у себя.
- Эй, а что ты думаешь о польских девушках? У тебя была? Ты спал с польскими девушками, пока был здесь?
Такое, внезапное любопытно.
- Нет. Я устал и хочу спать.
- А почему нет? — он еще и настойчив.
- Потому что я предпочитаю мужчин, — так прямо и отвечаю.
- О, черт.., — он даже бьет себя рукой по голове, но встает, посмеиваясь недоверчиво.
- Ну ладно, — он уже на выходе, - я приведу тебе парочку ребят. Голубоглазых или карих?
- Без разницы.
Можно выдохнуть с облегчением, - он наконец-то оставляет нас.

~

Прошло уже около тридцати шести часов, когда корабль покинул Гданьска. И сейчас мы завтракаем с высоким темноволосым поляком по имени Роберт. Обсуждаем ситуацию и просто болтаем. Роберт переводит

почти все, что говорит, на польский, чтобы мы оба понимали. Поэтому, вместо того, чтобы искать смысл сказанного мной в моем же лице и голосе, Петр сразу смотрит на Роберта, ожидая, когда тот переведет.
Спрашиваю Роберта, что Петр пытался мне сказать тогда, когда я играл на гитаре. Они тотчас вступают в диалог по-польски:
- Он хотел сказать, что несколько лет назад играл на барабанах в группе с друзьями.
- О, да я уже понял, — отвечаю, кивая Петру.
- Мы заселились в каюту с друзьями. Так что, давайте встретимся еще, но позже, — весело сообщает Роберт, поднимаясь из-за стола. Мы лишь киваем в ответ. - У нас будет еще много времени для этого, да?
Наконец, после полутора дней в открытом море, мы в Гданьске, где все утро ждем другой паром. Некоторые просто уходят. У стойки обслуживания длинная очередь недовольных.
Появился и тот парень с крысиным лицом, наш несостоявшийся сосед по каюте:
- Мои друзья, которые работают на корабле, сказали мне, что это было самое близкое к настоящей катастрофе, с чем они когда-либо сталкивались. Одно из окон разбилось, на навигационное оборудование попала вода, а паром слишком стар, чтобы вообще выходить в море при такой погоде.
Я в полном изумлении, конечно.
Мы с Петром срываемся в город, он там покупает колоду игральных карт. Мы гуляем,

а он безуспешно пытается дозвониться своей матери. Я же позвонил своему другу в Стокгольм, сообщил, что буду позже. Но уже возвращаемся обратно и коротаем время в терминале, где я показываю Петру, как играть в *Спит. Сначала он не слишком понял, но быстро освоился и вскоре мог уже соперничать со мной. Мы также обменялись адресами, он дал мне домашний адрес в Польше, а также адрес дяди в Стокгольме. Мы снова пересекаемся с Робертом, как раз в тот момент, когда пассажиров извещают, что корабль почти готов. Мне интересно, полагает ли он, что будет и новый экипаж.**

- Конечно, — отвечает Роберт.

- Очень плохо, — меня действительно разочаровало это, — старый экипаж в какой-то степени ответственен за случившееся и поэтому должен чувствовать вину и обязательства по отношению к нам. Мы могли бы заставить их сделать почти все, что угодно! А новая команда, это просто новый экипаж.

Роберт ухмыляется и переводит все Петру. Уже на корабле Роберт знакомит нас со своими соседями по каюте, Артуром и Кристофом. Мы сразу направляемся в бар. Новых друзей и всех нас, Петр угощает пивом, размахивая кредиткой даже слишком быстро, и неловко желая угодить.

Тосты в заполненном кантри-баре корабля плохо слышны на фоне музыки, гремящей из телевизора на стойке, подключенного к

* **Spit** - карточная игра. Цель - избавиться от своих карт как можно быстрее.

видеомагнитофону с не слишком качественно записанной смесью музыки и клипов.
Двое невысоких широкоплечих финских мужчин здесь же сидят в баре, вероятно, тяжелоатлеты или что-то в этом роде. Я изобразил Артуру и Кристофу гориллу, чешущую подмышки. Они взвыли от хохота.
Молодой поляк с крысиным лицом, тот самый щеголь в костюме и галстуке, неторопливо проходит и начинает разговаривать с приматами в баре.
Я показываю на него, обращая внимание Артура:
- Этот парень был у нас в каюте вчера вечером.
Артур делает удивленные глаза.
- И он любит поговорить.
- О, — смеется Артур, — он мне тоже не особо нравится. Я видел его, когда только поднялись на паром, мы разговаривали по-польски, а он притворился, что не понимает. *Italiano*? - спрашиваю, - *francais*, English?* Я думал даже, он должно быть говорит по-японски или что-то в этом роде, - так как он на все лишь отрицательно качал головой. Позже я услышал, как он говорит по-польски, и подумал.., - Артур просто машет рукой.
Кристоф кивает и добавляет:
- Мне не нравится такой тип людей. *Ksiaze***, да? Артур?
Он поворачивается ко мне.

* Итальянский, французский, английский?
** Принц, князь (польск.)

- У нас в Польше есть специальное слово для такого типа, но я не думаю, что его можно перевести.
- Понторез? Хвастун, брехло? — предлагаю варианты.
- Нет, нет. Это не переводится. Это тот, кто пытается казаться очень важным, одевается подобным образом и думает, что он умнее и лучше всех остальных. Вот такой, — показывает на него Кристоф, а мы смотрим, как тот кладет свой кейс на стул.
- У него лицо, как у крысы! - заключаю я, и мы все посмеиваясь отворачиваемся, чтобы не замечать его, так же, как тот не замечает нас.
Раздается слащавая, энергичная зажигательная музыка. На экране телевизора огромные, пышногрудые, постоянно сменяющие друг друга голые женщины раскачиваются в ритм: сначала одна, потом другая, затем несколько, - все они как-то бредово стоят в тропическом бассейне, с пластиковым телефоном в руках, прижатым к уху. Но вижу, как глаза моих друзей расширяются: у Роберта с изумлением и страстью, - как мне кажется; у Петра с любопытством, но и в напускном равнодушии. Артур поднимает глаза, но отводит взгляд, кажется, он уже видел это раньше. Кристоф улыбается и смеется совершенно раскованно.
Артур наклоняется ко мне:
- Тебе надо было пойти с нами вчера вечером — мы были в компании двух красивых польских девушек, пытались решать, кто же будет

танцевать с ними. Но в конце концов одна из них увела Кристофа. Они танцевали весь вечер.
- Ну, только поначалу, — добавляет Роберт.
- Они танцевали очень сдержано, - он изображает формальную дистанцию. - Но по мере того, как все продолжалось, они становились все ближе и ближе. Хотя у обоих были паспорта и деньги под одеждой, так что слишком близко не получилось бы все равно, - он срывается в хохот.
Кристоф лишь пожимает плечами:
- Ну, да, она начала извиняться за пояс с деньгами под рубашкой. А я ответил ей, да, знаю, чувствую! А ты чувствуешь мой?
Мы взрываемся общим смехом. Видео почти закончилось. Бармен перематывает кассету и включает сначала. Мимо проходит барменша при обилии макияжа, в узкой белой блузке, на высоких каблуках, с бокалом в руке.
- Огооо, — выдыхает Кристоф. - Как тебе?
Я поднимаю плечи, уклончиво пожимая плечами.
- Мы оба женаты, Артур и я.
- Это же просто для развлечения, просто поговорить, ничего больше, - как бы обобщает Артур.
- Но если будет и еще что-то, я не против, — подмигивает Кристоф, телевизор трубит снова, груди подпрыгивают на экране. Кто-то кричит кому-то из посетителей, чтобы тот перестал загораживать ему обзор.
Официантка, единственная женщина в зале, опять проплывает мимо.

Я смотрю на нее, исполненную женственности. Следует, наверное, сменить тему.
- Расскажите мне несколько анекдотов про польскую полицию.
Роберт переводит мою просьбу Петру.
- Я слышал, это вроде национального спорта.
И тут же сам вспоминаю такого типа анекдот, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, потом другой, который уже знает Артур. Поэтому прошу его рассказать на польском, - мы ревем от смеха, хлопаем по столу, - он же изображает полицейского, замаскировавшегося под рыбу в витрине магазина.
Это, конечно, полный аут. Ну и я немного добавляю в общее веселье про официанта-с-большим-пальцем в супе. Роберт тоже рассказывает, с чуть меньшим успехом, несколько барных острот. У меня под конец припасено кое-что из плачущего крокодила с соответствующими жестами и звуковыми эффектами. Перевода здесь минимум. Это хит!
Петр склоняется к Роберту через стол, и тот говорит мне:
- Он сказал, что не понял бы и половины того, что ты изобразил, если бы ты не использовал свое тело в процессе.
Видео сменяется на довольно слабый дуэт Долли Партон* и Кенни Роджерса**, и мне представляется, что вряд ли бы все те, с кем я тут сижу, интересовались бы этим тропическим софт-порно, когда вокруг что-то

* **Dolly Parton** - американская кантри-певица, киноактриса, известная благотворительной деятельностью.
** **Kenny Rogers** (1938-2020) - американский певец и киноактёр, один из наиболее успешных в истории музыки кантри.

еще происходит.
А так, они просто делают то, что от них и ждут. С другой стороны, может, они и предпочли бы смотреть видео, но слишком смущаются, чтобы высказать это. Мне больше нравится первая версия.
В этот вечер у нас снова ужин за счет администрации парома: еще больше жирной картошки фри и мяса (*Бесплатно*, — повторяю я про себя, улыбаясь). Мы за столом вместе: Роберт, Артур, Кристоф, Петр и я, а также те две польские девушки, танцевавшие с Артуром и Кристофом накануне вечером, Алисия и Рената. Мы договариваемся еще встретиться позже, чтобы потанцевать в верхнем зале. Мужчины шествуют в бар, и мы тоже опять начинаем пить. Немного пьяный, я решаю вернуться, узнать, осталась ли картошка фри. Но нет. Артур и Кристоф предлагают нам идти в каюту, они же хотят подойти позже.
И уже там к нам присоединяются Алисия и Рената, - много улыбок, много разговоров, довольно оживленных, — на смеси польского и английского. Кристоф и Артур неожиданно врываются с огромной тарелкой картошки фри, к моему радостному удивлению.
- Для нашего канадского друга, — восклицают, широко улыбаясь, они.
Появляется и включается в общее веселье бутылка польского рома.
В тот вечер танцы до поздней ночи. Мы скидываемся еще на графин водки и апельсинового сока, рассматриваем Артура и

Алисию, Кристофа и Ренату, кружащихся на танцполе.
- Это польская школа, все знают здесь, как это делается, кроме меня... Я никогда не мог понять, - объясняет Роберт.
Две пары порхают, легко скользят в объятиях друг друга, проплывая по залу под итальянское диско. Музыка заканчивается, Алисия подходит и хватает Петра, когда Артур уходит с танцпола.
- Вот это здорово, — восклицает Петр, это нетипичные польские женщины. Мне нравится, когда они приглашают мужчину на танец и говорят, чего хотят!
Даже меня тянут на танцпол, где я изо всех сил стараюсь не отставать. Но на что-нибудь посложнее меня уже точно не хватит. Мы здесь, а Кристоф и Артур флиртуют с двумя девушками, все расслабляемся и выпиваем, - теперь уже сорок восемь часов нашего путешествия. В глубине души возникает вопрос, а сидели бы мы здесь вот так вместе, если бы они знали, что я предпочел бы флиртовать с Петром, чем с любой из этих девушек. Эта компания, веселье, смех, картофель фри и все остальное, - осталось бы?
- Я немного устал, — заявляю я. Петр выглядит похоже.
- Пойдем? — машу рукой, и он кивает в знак согласия. Не вспомню давно уже такого легкого общения, такого согласия в стиле школьного товарищества дружить и быть вместе. Пусть оставшиеся еще развлекаются,

а мы с Петром отправляемся спать в креслах, которые нашли на ночь, свободных кают на этот раз нет.

~

Утреннее солнце пробивается сквозь окна в соляных разводах. Собираем рюкзаки и спускаемся в толпу, образовавшуюся в вестибюле.
- Петр, — обращаюсь к нему, - как это по-польски? - закрываю глаза, изображая сон, а потом встряхиваю головой, словно просыпаясь в кошмаре.
Он на секунду задумывается.
- *Змора*.
- Да, *змора*, кошмар, — показываю вниз, под ноги.
-*Померания*, *Силезия*, — вспоминаю вслух названия двух паромов, на которых мы были.
- *Змора*!
Он лишь посмеивается.
- Я на секунду, — мне нужен небольшой пит-стоп перед сошествием на берег.
Снова спускаюсь вниз по лестнице, к толпе, оглядываясь в поисках Петра, а он стоит рядом с тем польским *ksiaze*, в непременном костюме, с кейсом в руках. Мое сердце сжимается, словно цветок в мороз. О чем они могут разговаривать? Это крысиное лицо — фурия мести: с последним шансом причинить боль, еще больше досадить. Пытаюсь что-то разглядеть по выражению лиц, что там у Петра: удивление, потрясение? Трудно сказать. Появляется озадаченность -

раздумья? Он переводит взгляд вниз и в сторону, переключается, — выражение сменяется, подобно облачку на мгновение скрывавшему солнце, и исчезает, когда щеголеватый *ksiaze* растворяется в толпе.
В некоем смятении мыслей я подхожу к Петру, замираю в нескольких футах от него, ожидая вместе с ним в очереди, возможности наконец покинуть корабль. Теперь я защищен и знаю, что могу растолковать даже самое пустое, где вообще ничего нет. Но все равно, - какой-то он тихий. Я сдержано шучу, пока мы спускаемся по трапу.
- *Do widzenia Pomerania, Do widzenia Silesia*, Прощайте, прощайте, польские паромы, - вместе с жестом прощания я в последний раз декламирую имена двух наших Титаников.
Какая-то девушка оглядывается и смеется.
- Прощай, польская *змора**, прощай, бесплатная еда, — я продолжаю, когда мы проталкиваемся в переполненный автобус-шаттл. Петр улыбается, но молчит.
Но поездка очень краткая, потому что теперь предстоит таможенное оформление и все такое; и Петр жестом показывает мне посмотреть туда, где стоит и машет рукой его дядя, а Петр машет ему в ответ, - бессловесная коммуникация *Я приехал, увидимся за поворотом*. Дядя Войтек — пожилой мужчина, и зимней шапке-ушанке он выглядит очень даже по-польски. В то же мгновение он исчезает. Я же воображаю, как

* zmora (польск.) - проклятье, кошмар, напасть и тп.

мы представлены друг другу, знакомимся, возможно, едем в его дом, где мы с Петром могли бы посидеть, выпить пива. Даже познакомиться с его младшим кузеном, сыном Войтека, может быть, Войтек переводил бы нам. Его жена, тут я уверен, не очень хорошо говорит по-польски. Может быть, я узнал бы о нем немного больше, поднял бы тост за эту яркую новую дружбу, возникшую посредством морского инцидента.
И опять наши польские друзья. Две женщины машут двум высоким красивым мужчинам, стоящим там, где только что стоял дядя Петра. Кристоф и Артур переглядываются, лишь пожимают плечами и смеются. Мы все прощаемся, желаем удачи, жмем руки, целуемся на прощание по польской традиции. Войтек вдруг возникает снова, терпеливо ожидая за разграничительным стеклом.
- Всем отойти за линию, — показывает женщина в прозрачной кабинке таможни.
- Петр! - извлекаю из заднего кармана и протягиваю вперед, как будто выполняю фокус, сорванный с рюкзака заранее маленький канадский флаг. Вкладываю этот цветной лоскуток ему в руку. Он выглядит удивленным, но останавливается, протягивает руку ... и достает купленную во время нашей спонтанной прогулки колоду карт. Вручает мне.
- *Dziekuje*, спасибо.
Он кивает. Отстраненно или нет? Может, мне кажется.
Он уходит к стойке, а я все еще жду за

белой линией. Какое приключение, думаю я. Какой сюжет! Более шестидесяти часов, на двенадцатичасовое путешествие. Петр прошел контроль, документы в порядке, и он проходит через ворота, вращающиеся двери. У меня тоже проблем нет. Таможенник внимательно всматривается в мой паспорт и улыбается, когда я благодарю ее по-шведски, *Tusen Tack**. Теперь уже мне идти по коридору, поглядывая на знаки: зеленая стрелка — без вещей, требующих декларирования. За дверью зал ожидания, забитый людьми. Но просто прохожу мимо них к парковке, - там машины, автобусы, и еще больше людей.

Петру тоже нечего было декларировать, его рюкзак еще меньше моего. Тем не менее, оглядываюсь, может быть, он появится из толпы и позовет к машине дяди. Так отрывисто и попеременно, быстро и медленно, прохожу, посматривая на выход из зала ожидания и на парковку. Щеголь с крысиным лицом проезжает мимо в спортивной машине, за рулем - высокая женщина. Не стоит даже смотреть на него.

Люди суетятся у своих машин, распихивая детей и багаж по пространству салона. Легкий ветерок еще по-зимнему свеж. Я все-таки задержался здесь гораздо дольше, чем нужно, с гитарой в руке, рюкзаком на плечах. Может, его дядя выезжает сейчас, может, они припарковались где-то в отдалении... Почему-то особо не верится.

* тысяча благодарностей

Ветер веет мне в лицо, подобно океанской волне, когда опускаешь руку в прибой. Прощай, Петр, думаю я. Прощай.

Дорожный сюжет

Риз играет в угадайку по телефону. И если не видит собеседника, то хочет убедиться, что тот жив. Поэтому повышает уровень эмоций в голосе, становится любопытным ребенком, переправляя энергию в телефонную коммуникацию, подобно тому, как вода из озера, уходит через шлюз куда-то в другое место.

Вот почему, когда Лори говорит:

- У меня есть новости для тебя, - ее губы формируют слово *новости* так, что оно становится ярким, означая *хорошие новости*, горло наделяет это слово блеском, означая *новости важные*, а он лишь пытается угадать, что это.

- Ты выходишь замуж? — он озвучивает версию. Нет, этого не может быть. Лори, возможно, и призналась, что действительно влюбилась в Митча, с которым познакомилась на проекте по развитию в Гватемале. Но брак был чем-то другим.

- Ну, беременна? Нет. А как насчет... Получила контракт в Перу? На проект для женщин из коренных народов?

- Нет.., — она выдерживает паузу. - Но в первый раз ты был близок. Почему я не могла бы и забеременеть?
- ЛОРИ! — кричит Риз в трубку, делая одновременно глубокий вдох. - Правда?!
Для них это тоже стало сюрпризом, объясняет она, но, похоже, сейчас самое время для рождения ребенка. Все счастливы. Митч в восторге. Обе стороны семьи ликуют.
- Эй, похоже, я проведу некоторое время в Торонто. Вот это перемена!

~

Это было время, когда канадские дети среднего класса разъезжались путешествовать. За год до университета, летом во время каникул или, может быть, даже в процессе. Наиболее авантюрные отправлялись во всё более отдаленные места: Непал, Чили, Китай. Европа слишком знакома, хотя можно было получить и дополнительные баллы (по этой конкретной шкале), посетив Восточную Европу, - чем меньше туристов, тем лучше. Четыре балла за Прагу, восемь за Софию, десять за Тирану.
Тем не менее, Риз хотел увидеть важные основные пункты. Во время рейса в Париж он познакомился с Лори, сидевшей по другую сторону кресел, а бортпроводники, снующие по проходу между, таким образом вторгались в их разговор. Лори как раз летела приступать к работе в компании по организации велосипедных туров, где работала раньше.

- Группы детей могут быть непослушными, но иногда попадаются и милые компании американцев постарше. Это неплохая работа.
Она предложила ему пожить там, где она снимала квартиру, несколько дней, поглядывая на него, вцепившегося в путеводитель по хостелам, и на канадский флаг на его рюкзачке, втиснутом под впереди стоящее кресло, при этом весело улыбаясь. Казалось, он едва смог усидеть на месте.
- Шесть месяцев, да? Я бы сказала, если хочешь проехать Польшу, следует выбирать северный маршрут. Амстердам, Копенгаген, Берлин. Хотя Брюссель можно пропустить, там несколько сонно.
Не прошло и полугода, как Риз дал ей полный отчет. У него была масса впечатлений, больше энергии, но и нервозности в плане возвращения домой, да и усталости от довольно ограниченного гардероба, уже пропахшего поездами и хостелами.
- Вместо того, чтобы стать более изученным с тем, что чем больше я видел, мир становился все более непостижимым, — говорил он ей, с раскрасневшимся от удивления лицом. — Кажется, все это в моем мозгу как-то расширяется, словно воздушный шар.
Лори лишь улыбалась, кивала и чувственно внимала его историям о том, как он избегал других молодых путешественников в желании побыть одиночкой и в силу некоторого снобизма, забывал поесть в попытках экономить средства, опаздывал на поезда.

И они хихикали, попивая красное вино в уличном кафе и поднимая веселые *За новые встречи*! тосты.

~

Связь не терялась. А Риз превратился в путешественника, родной город которого становится все меньше, а мир — все больше с каждой новой конечной точкой странствий, ему пришлось долго учиться в бакалавриате, а затем и в магистратуре. Лори переместилась из Европы в Латинскую Америку, сменив работу гида-экскурсовода на проекты по развитию.
Они встречались, когда оба приезжали в Торонто, а однажды даже провели короткий совместный отпуск в Мексике, где взошли на пирамиду Солнца в Теотиуакане и отобедали авокадо с *Центрального рынка*.
Обмен восхитительными историями - необходимая составляющая таких встреч. Лори постоянно спрашивает, как так возможно совмещать все то, что ты делаешь: путешествовать, учиться, не выпадая из круга социальной жизни?
- А как ты умудряешься паковать чемоданы за минуту, ничего не забывая и достаточно организованно, чтобы отправлять всем нам открытки при этом? - парирует Риз.
В каждом из них что-то от другого. Здесь больше общего, чем просто встреча в небесах по воле случая.

~

- Греция! Лори, как чудесно! Привези мне, пожалуйста, одну из тех пластиковых штуковин с водой и искусственным снегом, и Парфеноном внутри или чем-то в этом роде.
- Снег в Афинах? Риз, не думаю, что там есть такое.
Лори любит делать подарки. Риз же считает, что если он попросит что-то недорогое и туристическое, она без особых проблем купит это. Его всегда поражает ее легкость, веселый настрой, способность придать любому дню праздничность. Каждую весну она и ее старый друг отправляются в любимый бутик покупать ей новый наряд. Вечеринки, ужины, подарки на новоселье - все материализуется.
- Некоторые дни особенные; другие мы делаем особенными, - она подмигнула Ризу, доставая запеканку из духовки. Почему-то это не казалось ей чем-то банальным.
Поездка в Грецию была еще одним способом отпраздновать. Они с Митчем собирались в трехнедельный отпуск; там они проведут время вдвоем. Возможно, это будет последний раз на какое-то время, поскольку потом все-таки первоочередным в путешествиях станет ребенок.
- Никакого греческого вина или узо* в этом отпуске, — убежденно заявила она. - Надо начинать заботиться о себе! Переставать перекусывать на бегу и тусоваться до поздней ночи. Матерям нужно много отдыхать! - следует улыбка, искорки в темных глазах.

* **ouzo** - сухой анисовый аперитив, популярный на Кипре и в Греции. Вкус похож на другие анисовые напитки, такие как, например, самбука.

Белые осколки храмовых колонн, руины тут и там - царапают лазурно-голубое небо. Солнце тонирует кожу в темно-коричневый. В Канаде лекторы, как правило, разочаровывающе скучны для человека с опытом. Поэтому мысли Риза уносятся, влекомые воображением, и представляется Лори, ее длинные темные волосы, рассыпанные по спине, живот, только начинающий казаться больше под элегантным узорчатым хлопковым платьем, развевающимся на ветру, в ритм ее шагов. Ему всегда нравилось, как она одевалась, даже когда они вместе путешествовали по Мексике, и настолько уставали, что было не до ванной, а она всегда выглядела изящной и собранной в своем дорожном гардеробе, но постоянно сетовала, как ужасно, должно быть, выглядит, хотя на самом деле такого и близко не было. Интересно, какую одежду для беременных она выберет?

~

- Я так рада, что мы здесь, Митч.
- Конечно, это ведь далеко от Новой Шотландии, не так ли? - он откидывает светло-каштановые волосы назад, сидя на краю скрипучей кровати, застенчиво улыбается, вспоминая свой родной город.
- Я никогда не думала, что наши случайные отношения превратятся в такое, - она тоже занята сейчас прической.
- Я беспокоилась, что никогда не остановлюсь после всех этих коротких отношений. А теперь я не могу поверить.

Я чувствую постоянство, - заявляет она, когда они идут в ресторан неподалеку.
- В отпуске? Ты чувствуешь постоянство в отпуске?
- Знаешь, думаю, что да.
Когда они вернулись из Греции, акушерские анализы показали, что ребенок умирает или даже мертв. Уже в больнице нашли, что ребенок умер больше месяца назад, и единственной причиной, по которой не случился выкидыш, стало ее исключительное здоровье. Он был заключен в такой, словно маленькой корзинке; она же совершала перелет над океаном и обратно, ничего не зная.

~

Риз прогуливается по оживленной улице по направлению к дому, который разделен на три квартиры. Лори и Митч - на втором этаже. День солнечный, как со страниц воскресного путеводителя, но ветер резкий и несет капельки влаги. Настойчиво утыкается в металл автомобильных дверей, качает ветки, недавно отяжелевшие летней зеленью, увивается юрким зверьком в такт торопливому шагу Риза.
На узкой полоске травы, между подъездной дорожкой и тротуаром, солнечный свет очерчивает спящую кошку. Риз повернулся посмотреть, позавидовать этой праздности, но тотчас лишь тихо вскрикнул. Тело очевидно неестественно искривлено; шерстка окровавлена. Он бросился к крыльцу и

позвонил в квартиру Лори.
Она как всегда великолепна: волосы распущены, платье глубоко-красного цвета, поверх него - черный, элегантного кроя, жакет. Это первый раз, когда удалось увидеться с тех пор, как она уезжала в Грецию.
- Учитывая все обстоятельства, — резюмирует он, — ты выглядишь великолепно! В отличной форме и загорела. И это новое платье?
Это, вероятно, одна из немногих покупок в Греции, поскольку и она, и Митч путешествуют налегке.
- Позволь показать и новые туфли.
Спальня у них светлая и чистая, украшена лишь зеркалом и несколькими гравюрами в рамках. Лори и Риз решают прогуляться, вернувшись к чаю.
- Холодно? — задается она вопросом. - Что то я мерзну в эти дни.
Она рассказала ему ту новость по телефону. Немного подробностей. Только то, что они очень расстроились. Их родители были в Торонто, когда все узнали. А они с Митчем хотели бы попробовать еще раз. Не затягивая.
- Это тяжело, — сказала она, — но мы молоды, и, думаю, все это позволило мне увидеть, через что прошли и другие. Хотя Риз и не видел ее тогда, но представилось, как она пожимает плечами, слегка поджимая губы, переводит дыхание.
Лори набрасывает куртку.
- Э-э, Лори, ты видела, что там у вас, -

- Риз показывает ей туда, где лежит тело кошки.
- О, — ее немного рассмешило его смущение.
- Да, оно там со вчерашнего дня. Кто-то, должно быть, просто оставил его там в расчете на нас, после того как задавил. Что мне делать? — восклицает она. - Интересно, есть ли в городе служба по вывозу мертвых животных? Надеюсь, мне не придется ходить и стучаться в двери, чтобы узнать, чья это кошка.
Риз издает звук сочувствия и ужаса.
- Попроси Митча сделать, — предлагает он.
Они пересекают подъездную дорогу, чтобы не проходить мимо мертвой кошки. Она расспрашивает об университете и о планах на осень. А он, в свою очередь, интересуется подробностями поездки в Грецию.
- Мы превращаемся в таких привередливых путешественников, — говорит она с притворным ужасом. - Останавливаемся в отеле вместо отвратительного хостела, - и она рассказывает об уютных ресторанах, видах из отеля, церковных куполах, музеях с выцветшими амфорами и древними монетами, поездках на автобусе и всяких лихачах.
И все это время он не может не думать по поводу всего этого. Солнце игриво бликует на ее темных солнцезащитных очках, скрывающих глаза. Лори, которую всегда считал сильной, теперь, раздумывает он, требует необходимости обращаться с ней столь же осторожно, как с фарфоровой вазой, той, стоящей в его гостиной в Ванкувере,

вазой *Бычья кровь*, названной так из-за покрытия насыщенно-красной глазури, которая, кажется, одновременно и отражает и вбирает свет в себя. Времен династии Цин и треснувшей.

- Жаль, — заявила после этого мать, — но случается всякое, а ремонт проведен удачно, - повреждения едва ли заметны.

Так что, Риз держался подальше от этой вазы, хотя ее дивная округлая форма была такой соблазнительной. Хотелось заглянуть через верх и посмотреть, так ли красиво внутри, как и снаружи, хотя и понятно, что для этого там слишком темно, а горлышко узкое.

Теперь, прогуливаясь по улицам Торонто, возникает чувство вины за то, что с Лори получилось, как с той вазой. И вот вопрос, стоит ли продолжать, не дрожит ли ее голос? Но при взгляде на нее ответом было лишь его же отражение в стеклах солнцезащитных очков, вместо человеческих глаз.

- Ну, я была почти рада, что мы не знали ничего до поездки, потому что иначе наверняка отменили бы ее, а мы так чудесно провели время. Мы с Митчем так прекрасно ладим, когда путешествуем. Читаешь эти статьи о парах, которые разводятся после совместных путешествий, и мне интересно, как это возможно? Безумие, не правда ли? Быть с тем, с кем ты не выносишь совместных поездок.

Сейчас они проходят мимо парка, заполненного загорающими, родителями с

детьми, ребятней на качелях, какой-то мужчина играет на гитаре, сидя на скамейке, женщина пробегает трусцой с небольшими гантелями в руках.
- В четыре с половиной месяца ребенок должен начинать шевелиться, но я ничего не почувствовала, — рассказывает она. - Акушерка сказала, это потому, что я такая здоровая, но я все равно беспокоилась. Мы собираемся снова навестить ее на этой неделе, просто поблагодарить за все и расспросить о моем здоровье в плане нашего решения попробовать еще раз.
Становится теплее, чем утром, когда он только выходил из дома. Они разворачиваются, чтобы вернуться той же дорогой обратно. Когда Риз впервые узнал о тайнах женского тела, то невольно возник вопрос, а не понимают ли женщины смерть лучше мужчин, учитывая ту волну жизни, которая поднимается и стремится наружу изнутри них, а половина мира вообще не замечает всех этих внутренних движений.
- Говорят, что у женщин нередко в первый раз случаются выкидыши. Конечно, у меня тоже есть свои теории. О том, что еще не время, что душа не готова войти в мир.
Он кивает, не совсем убежденный, но пытаясь ради нее.
Они возвращаются в квартиру. Лори поворачивает и вращает ключ в хитром замке. Теперь уже на кухне, за травяным чаем, пришло время для подарка. Риз вспомнил о нем, когда обнаружил в ящике, все еще

в упаковке. Тогда они с Шейлой, еще одной его подругой, были в Испании, и она рассказывала, что Толедо славится серебряными драгоценностями изящной и тонкой работы. Он и решил купить пару сережек, чтобы приберечь на особый случай. Продавец завернула их в бумагу с рисунком зеленой узловатой веревки. Он привез их с собой, и как долго хранит их? Кто знает? Есть, конечно, некоторая нерешительность, потому что не совсем понятно, как они выглядят сейчас, ведь все-таки долго лежали в ящике, свертком. Возможно, они могут быть малы, Лори всегда покупает длинные, крупные серьги, так подходящие к ее струящимся волосам.
Она разворачивает пакетик. Серьги в форме маленьких серебряных лун, подвешены на гвоздиках, все того же изящного кружевного серебра, в виде крошечных цветов. Она удивленно улыбается:
- Что за повод?
- Никакого, — отвечает он. Не стоит объяснять, откуда они. Это неважно. Он знает, что она понимает ценность подарков, как мы путешествуя повсюду, находим их и дарим с трепещущим сердцем. А иногда они теряются, ломаются или повреждаются в пути. Но иногда и выживают.

Снаружи кошка все еще там. Чья она была? Они заметили пропажу? Он заставляет себя посмотреть на нее, проходя мимо. Мех мягкий и красивый там, где нетронут. У него внезапно возникает желание перевернуть

тельце. Но пасть полна крови, глаза полуоткрыты. Лапа странно вывернута в таком положении, которое не может быть естественным даже для кошек. Тельце слегка приподнято вверх, к небу, видна только часть живота. Будто кошка все же может развернуться, исчезая в траве.
Но именно это и цель. Здесь же органический материал, мех и кости, сложное скопление неподвижных клеток, но потребуются много лет и много дождей, чтобы труп сровнялся с землей, кусочки меха разлетелись по ветру, а назойливые чайки унесли в небо кости, одну за одной, подобно ступенькам лестницы.

Волосы

Сначала следовало заняться яйцами. Дай Мо, двоюродная бабушка, которая и выбрала мне китайское имя, потянулась к коробке, руки сразу преобразились в осторожные коготки. Вытащила три белых овала и переместила их в маленькую кастрюлю, заранее наполненную водой. Теперь краситель, купленный в магазине трав в Чайнатауне, и зажечь газ. Белые скорлупки медленно розовеют, затем набирают красный, внутренности затвердевают. Дай Мо чуть ударила яйца ложкой, - скорлупа должна треснуть, а красный цвет проникнуть и внутрь.
И вот все готово.
Я узнал об этом только годы спустя. Мы с мамой спустились в подвал нашего дома, она открыла большой черный сейф, такой, какой бывает, наверное, лишь на съемочных площадках. Понятия не имею, откуда он у моего отца. А она там хранила часть своей небольшой коллекции резных нефритовых фигурок. Ее рука, покидающая было сейф, вдруг замерла близ одной из полок, протянулась к неглубокой картонной коробке, извлекая конверт. На нем мое имя и дата: 7 августа 1969 года.

- Это прядь твоих волос с твоей первой стрижки, — объяснила она. Мы осторожно открываем конверт, я не смею даже вздохнуть. Внутри, на дне конверта, небольшой комочек черного пуха.
- У тебя было так много волос, когда ты родился!
Дай Мо очистила яйца, оставив скорлупу на салфетке здесь же, на кухонном столе. Затем прокатила одно из сваренных вкрутую, до резиновой упругости, яиц по всей моей маленькой, мягкой тогда еще голове.
- Зачем, черт возьми, она это делала? — спрашиваю я.
- Ну, для того, чтобы ты привык к ощущению чего-то на голове — ножниц, рук — это было для твоей первой стрижки, это было для того, чтобы ты не плакал.
- Ну, а я?
- Я *этого* не помню, — отвечала моя мать, и я увидел ее на двадцать лет моложе, на самом деле, она не так уж и изменилась: более молодое лицо, чернее волосы, но тот же спокойный довольный взгляд, что и сегодня, старшие родственники все склонились над ней, надо мною тоже: дедушка, за несколько дней до своей смерти, муж Дай Мо, вероятно, опять набравшийся скотча, как всегда, кто-то из братьев или сестер моего отца. Ее маленький сын, его первая стрижка.

~

У меня всегда были смешанные чувства по

поводу имени. Могло быть и хуже. Китайские дочери часто получают цветочные имена: Пион, Панси*, Жасмин. Сыновьям же достаются имена странных британских мужей из мглы веков: Уинстон, Байрон, Персиваль. В детстве у меня была теория на этот счет. Какими бы старомодными эти имена ни были для англо-канадцев, у китайских семей они вообще не вызывали никаких ассоциаций. Просто имена, одни из которых по сути не особо отличались от другого, так почему бы не взять что-то более броское и пафосное, чем Джон, думали они, и глаза их вспыхивали честолюбием.

Полагаю, именно так я и получил имя Самсон, которое пытался скрывать под кратким Сэм, но безуспешно, лишь только учитель в школе начинал перекличку по журналу в начале года. Библейские ассоциации были не так уж и плохи, так как большинство детей вообще не представляли, кто такой Самсон, но как только узнали, их было не остановить, и время от времени одноклассники на школьном дворе донимали меня: Самсон, о Самсон, где твои длинные волосы? По крайней мере, все лучше, чем те, которые звали меня *Самсонайт***, по бренду компании, делающей чемоданы и всякие дорожные сумки, хотя и с легким японским оттенком, но похожее по звучанию на плевок Супермена смертельным ядом.

* фиалка

* **Samsonite** - американская компания, изготовитель багажного оборудования, инвентаря и аксессуаров. Основана в 1910г. По иронии судьбы, компания названа основателем в честь библейского Самсона.

Люди говорят мне, что я выгляжу по-разному в зависимости от стрижки. Если волосы короткие, то выгляжу очень молодо; если длинные, - старше. И совсем иначе с волосами, собранными в хвост, чем с ниспадающими свободно. Так же, как я верил, что у каждого свое, определенное, предназначение, я чувствовал, что моя судьба связана с моими волосами вследствие как моего имени, так и библейского тезки. Одновременно предполагал, что все Майроны всегда будут неуклюжи, Джеффы - дружелюбны, а Луизы -склонны к курению сигарет. И знал, что я - Самсон, и моя сила всегда будет связана с длинными прямыми китайскими волосами, прорастающими из моей головы, стремящимися вниз под действием гравитации.

~

Я прошел через множество осмыслений относительно моих волос.
Первым стала парикмахерская, греческая парикмахерская, куда ходили мой отец и братья. Там пахло тальком и лосьоном после бритья. Зеркала же были везде, - и позади парикмахерских кресел и перед ними. Когда я уселся на потертый винил кресла, то увидел свою голову, в миллионах отражений, самое маленькое из которых маячило где-то вдали, где-то слишком далеко, чтобы увидеть, где именно. Когда-нибудь я доберусь туда, подумалось мне.
Здесь было четыре парикмахера. Лео вечно задевал уши машинкой, Христос казался мало

заботящимся о своем внешнем виде. Доминик был ничего, но мне нравился его кузен Кон: большие руки обхватывали мою голову, теплая машинка жужжала, чуть касаясь моей шеи, лезвия проворных ножниц рассекали воздух вокруг головы, подобно крыльям колибри. Он всегда делал одно и то же в плане стрижки: чуть выше бровей, немного выше ушей. И каждый раз спрашивал меня, какой длины я хочу бакенбарды. Выбривая затылок точной линией, изгибающейся немного ниже ушей.
Когда мне только исполнилось четырнадцать, мой эпатажный друг Луис рассказал мне о модельных вечерах в парикмахерской *Хиро*. Луис был вызывающ, потому что носил стильную итальянскую одежду, приобретенную во время летних поездок к бабушке в Рим, плавать он предпочитал в плавках *Speedo* вместо мешковатых спортивных шорт, как остальные мальчишки, и ему было наплевать на Rolling Stones и Led Zeppelin*, кумиров соседских детей.
Ему нравились английские группы с патлами-колючками черных крашеных волос. Конечно, он знал об этих особых вечерах в той парикмахерской. Позвони им, посоветовал он. Наверное, пора уходить от греческих парикмахеров.
Я отправился на свой первый прием. Молодой парикмахер по имени Чачка встретила меня и провела в глубину студии, где царили сплошная угловатость, черный пластик и

* культовые рок-группы. **The Rolling Stones** выступают и выпускают альбомы по настоящее время.

дизайнерское освещение. Зеркала здесь не отражались в друг друге, но акцентировали детали стильного интерьера. Меня усадили в кресло, мою голову разместили в раковине, искупали в душистом шампуне, массировали сильными тонкими пальцами, волосы же ополоснули под восхитительной струей горячей, прегорячей воды.
Чачка около часа занималась моими волосами, подстригая отдельные волоски тут и там, консультируясь с администратором, пристегивая и снимая металлические клипсы зажимов, разделявших волосы на пряди. Вместо незамысловатой стрижки одинаковой длины в парикмахерской дневного света, здесь, в затейливо освещенной студии *Хиро*, выверяли и колдовали, укладывали и фиксировали гелем. Она оставила чуть более длинные волосы сверху, постепенно уложенные к верху же по бокам от коротких к длинным. Обрезала остатки бакенбардов и показала, как наносить гель для фиксации после того, как вновь промыла мои волосы с изумительным шампунем. Она просушила готовую композицию феном и сказала мне прийти через несколько недель. И все это за пять баксов.
Я возвращался много раз. Именно тогда я впервые осознал, как выгляжу в глазах других: начал проводить больше времени перед зеркалом, прищуриваясь, чтобы рассмотреть, как мог бы выглядеть по-другому. Мне не нравилось мое лицо. Глаза были в порядке, простой миндалевидной формы, как у мамы. Я слышал о китайцах,

которые делали операции, *исправить* глаза, чтобы те стали более западного типа. Разрез здесь, складка там и, вуаля! Веки. Но меня не смущало, что мои скрыты. Нос и челюсть же совсем другое дело. Первый был плосковат и имел тенденцию порастать прыщами прямо посередине. Мне же хотелось чего-то поменьше, немного более угловатого и изящного. Что касается формы лица, я не выносил его округлости. Ни один из тех, кого я когда-либо видел и считавшийся красивым, не имел круглого лица, как у меня. У них были челюсти Супермена, угловатые V или квадратичные U. Не мое круглое, обводов рисовой чаши, лицо. Если я не мог изменить лицо, по крайней мере, мог что-то сделать со своими волосами, которые, к счастью для меня, росли быстро. Я перепробовал несколько вариантов причесок с гелем для укладки, популярных в те годы. Образцы которых я выбирал по рекомендации многочисленных молодых, стильных, амбициозных мужчин и женщин, находившихся на разных этапах карьеры в студии красоты. Я заводил легкие разговоры, с вопросами, как долго они здесь работают, чем занимались до, какие волосы им больше всего в плане работы нравятся. Один из стилистов, простоватого вида китаец по имени Александр, расспрашивал меня о средней школе и учебе. И, заканчивая последнюю укладку феном, спросил, есть ли у меня девушка. Или даже девушки? Это было не совсем то, о чем я думал, хотя и знал,

какой ответ ожидается.
Никогда не умел лгать.
- Нет, — пробормотал я и, когда настойчивость не отступила все же, промямлил что-то о застенчивости.
- Застенчивость?! — воскликнул он. - Да ладно, мужик, ты не можешь стесняться таких вещей. Он продолжал в том же побудительном смысле, когда я вложил ему в руку синюю пятидолларовую купюру и устремился к двери. Больше я к нему не возвращался.
Один из стилистов, следующий в этой цепи красоты, энергично жестикулируя, как это делали многие из них, изобразил руками волну и сказал:
- Твои волосы уже достаточно длинные. Знаешь, что я бы сделал? Я бы придал им волнистость. В то время мне начало представляться, что у всех китайцев волосы одинаковы, и что бы я ни делал, все равно буду выглядеть как и прочие мои китайские знакомые ребята. Поэтому, вообразив эту волнистость, ниспадающую сверху вниз и вбок на одну сторону, я увидел в ней что-то от океана. Что казалось смелым и оригинальным. Конечно, это точно было вряд ли, и мне следовало прекратить все это, когда в дело вступили бигуди.
- Самсон! Что ты сделал? — мама изобразила притворный ужас.
Хотя я мог сказать, что она сочла прическу забавной: коротко по бокам, но остальная часть моих прямых китайских волос была закручена кудрявой шапкой сверху.

Вы видели китайцев с химической завивкой? Я надеялся, что люди не примут это за попытку скрыть культурные корни. Очень неловко! Единственным утешением было время летних каникул, так что никто из школы меня не увидит. К тому же, за волосами было легко ухаживать. Каждое утро просто пригладить, и даже расческа не требуется. Однако лето всегда долгое, и я решил, что отращу действительно длинные волосы.

~

Длинные! Длинные черные волосы! Шелковистые, блестящие, густые. Девочки тянутся к ним, пытаются трогать, заплетать.
- Хотела бы я иметь такие волосы, — восклицают они. Я лишь отвечаю:
- Мне кажется, с китайскими волосами это будет немного странно. Тем не менее, они хихикают и кокетничают. Я отличаюсь от других парней. Девочек же привлекает то, как мало меня волнует мужское требование к коротким волосам. Однако они, похоже, не могут и догадываться, насколько меня, вроде бы, не волнуют мужские требования.
Это не совсем так. Мужское требование, которое я в самом деле отбрасываю, заключается в том, что я должен быть заинтересован в этих девушках, которые интересуются мной. В остальном я действительно хочу быть мужественным. Или, по крайней мере, казаться таким, а не быть женоподобным, какими предполагается, как я слышал, выглядеть геям.

Меня пугает подобная идея, не только в части, что я должен вести себя определенным образом, но и в том, что приобрел бы определенный образ, подвергаясь насмешкам или чему похуже.
Но мне удавалось избегать каких-либо обвинений, и потребовалось некоторое время для понимания, что как азиатского мужчину меня не воспринимают ни в категории мужественности, ни в категории женственности, по крайней мере, я так считаю и веду себя соответственно. Что позволило мне встречать эти кокетливые взгляды взглядом совершенно пустым, который со стороны скорее выражал невинность, чем неприязнь. Рапунцель, Рапунцель*, интересно, как ты узнала, для кого распускаешь волосы? Неужели любовь пробралась по этим локонам?
Я отрастил волосы в то самое время, когда готовился поступать в колледж. Хотя мама думала, что моя завивка несколько даже забавна, она была в ужасе от того, что длина волос все увеличивалась.
- А не подстричься ли тебе? — спрашивала она всякий раз, когда я приезжал домой на выходные. Этот вопрос настоящим эхом проникал мне в уши, отражался от стен, и понятно было, что он последует еще дважды, трижды, четырежды пока я здесь. В ее голосе не было иронии или сарказма, когда она задавала этот вопрос. Только неприязнь к моим длинным волосам.

* героиня из сказки братьев Гримм (*Детские и семейные сказки (1812)*).

Все происходило примерно в то время, когда я подумывал о каминг-ауте, и каким-то образом мне удалось прочно увязать эти две проблемы в своем сознании. Если мама не могла принять мои длинные волосы после моих постоянных вздохов и стенаний, относительно прекращения вопросов о стрижке, что с ней вообще будет, если скажу ей, что я гей? И я держал рот закрытым. И носил длинные волосы.
Когда девочки заплетали мне волосы, я чувствовал, как переплетающиеся волосы надежно оплетают меня всевозможными способами.

~

Я забыл, когда подростковый возраст накрыл меня. Помню только образы. Волосы, выросшие над моим пенисом, вьющиеся, как кустарник, проросший рядом с океаном: множество извилистых ветвей, уклоняющихся от морских ветров, но цепко укоренившихся. Думаю, я старался не смотреть туда в те дни, предпочитая быть гладким и безволосым. Вспоминал волосатые руки дантиста, около моего рта, пучки его грудных волос на над расстегнутым воротником рубашки. Накатывала тошнота.
Но мне повезло, так как я никогда не был особо волосатым в этом смысле: почти ничего на руках, и совсем немного на ногах. Что же касается других мест, то наблюдая, как мой отец постригает волосы в носу, я надеялся, что мне никогда не придется делать это. Но

в конце концов, придется, - известное осознание, что все мы однажды станем своими родителями.
Я поступил в университет. И сказал родителям, что я гей: отца это привело в замешательство, мама плакала, но вопросы относительно длины волос прекратились. В течение года все более-менее вернулось к норме.
Мама начала подкрашивать седые волосы черным. (Я надеялся, что моя сексуальность и ее седые волосы никак не связаны.) Что же касается меня, то я обнаружил первые седые волосы у себя, когда мы выбрались за город одной солнечной осенью с Полом, который был очень милым, но с которым мне предстояло прожить всего три недели.
- Не могу поверить, кажется, у меня седые волосы, — в панике воскликнул я, разглядывая их в боковом и панорамном зеркалах.
- Где? Ну, где? — лишь спросил Пол, лениво протягивая руку, придерживая другой руль. Нашел несколько и выдернул резким быстрым движением, ухмыльнувшись.
- Больше нет, — заключил он.
Хотя я и был раздражен, но в то время это было простым решением проблем старения.
Я подцепил *крабиков** от следующего после Пола парня. Хотя я не особо возражал против физической неверности время от времени (ментальная измена — это другое дело), но был встревожен физическими последствиями,

* Лобковые вши. В оригинале crabs.

коснувшимися лично меня.
В университете тогда началось напряженное время, кроме того, я снова занялся плаванием. Поэтому лишь убеждал себя, что зуд из-за хлора. И чуть не упал в обморок, когда увидел, что там ползает. Не только из-за того, что вынужден был своими глазами увидеть то, что говорило тело, но и из-за этих маленьких созданий, точно для фильмов ужасов, с их белыми ногами и доисторическими формами. Я подумывал сбрить лобковые волосы, но пришел к выводу, что порошок — более простое решение.
Плавание обычно сменялось силовой тренировкой. Здесь не только представлялась возможность поглазеть на красивых парней, но и почерпнуть множество тем для разговоров, поскольку, казалось, каждый гей, с которым я так или иначе пересекался, тоже ходит в спортзал. Это также льстило моему тщеславию, так как, убедившись, что мое хрупкое азиатское тело не может набрать массу, я все равно был весьма доволен результатами.
Тем летом меня позабавило еще одно открытие. Налюбовавшись бесчисленными наборами упругих, округлых грудных мышц, некоторые из которых переходили в невероятно рельефный живот, а другие блистали на вершине плавных обводов гладкого торса, я начал задаваться вопросом, почему все они выглядят одинаково, словно вышедшие с конвейера цеха автодеталей: колпаков для колес,

может быть, или крыльев.
Я позвонил своему лучшему консультанту в городе, Рэндольфу. И хотя тот был в курсе всех последних модных веяний в мире геев, но никогда слишком не увлекался ими.
- Рэндольф, я заметил тревожную тенденцию в последнее время. Почему у всех мужчин в этом городе одинаковая грудь?
- Ах, — начал он поставленным академическим голосом, который становился все более четким с каждым днем, пока он работал над кандидатской диссертацией по социальной антропологии, - возможно, мой дорогой Самсон, все потому, что мужчины не только одержимы телом в наши дни, но и тотально *бреют* грудь, чтобы казаться еще более мужественными и подчеркнуть формы.
- Но я думал, что волосы — это и есть признак мужественности.
- Нет, нет. Где ты был, мой мальчик? Гей погибает среди моря волос и растительности. Теперь все хотят выглядеть по-мальчишески, быть ухоженным и безволосым. Типа, соседский мальчик. Это кажется более здоровым. Ты что, в последнее время резвился с нацистами из спортзала?
Волосы. Никаких волос. Выбритая кожа. Выбритая грудь. Я думал обо всем этом с некоторым удовлетворением, но и некоторым негодованием. И потому, что я никогда не смогу вписаться в эти североамериканские гейские одержимости. Я, может, и, типа, сосед-китаец, но никогда не буду соседским мальчиком.

В то же время появилось какое-то сдержанное спокойствие. Моя грудь была гладкой, мне не придется ее брить никогда, и никогда же у меня не будет порезов бритвой над сердцем. По крайней мере, в техническом смысле, относительно требований и причуд гей-сообщества, я был на шаг впереди, не делая ничего вообще.

~

Я путешествовал по стране и другим континентам при своей гриве черных волос. Наслаждался вниманием, причиной которого эти волосы и являлись. Иногда злился, что это все, на что люди только смотрят. Много раз ко мне обращались *мисс* или *мадам*, а я отвечал на такое своим самым глубоким, самым звучным голосом. Наблюдая, как пытаются скрывать смущение и удивление. В то время как некоторые белые мужчины с длинными волосами могли бы рассказать почти то же о людях, подходивших к ним сзади и так же ошибавшихся насчет пола, я не думаю, что к ним когда-либо в лицо обращались как к женщине.
Откуда все эти люди? Я постоянно спрашивал себя. Они что, никогда не видели китайского лица? Разве нет отличий моих раскосых глаз от глаз Сьюзи Вонг*, например? Неужели мой кадык сморщен, как положено нашим членам? Или грудь азиатских женщин столь плоская, что выглядит грудью тщедушного мужчины? Или люди вообще не смотрят?

* **Suzie Wong** - популярная телеведущая гонконгских кулинарных шоу.

Замечают лишь мелькнувшие черные волосы? Проблеск чего-то странного, чуждого и неприятного, поэтому, поворачивая головы, произносят первое, что приходит им на ум, поэтому замирают и стоят, как на предполагаемой встрече Колумба с коренными народами этого континента, пораженные странными оттенками кожи и манерой двигаться друг друга?
В то же время мне нравилось прятаться за этими волосами. Я мог покручивать кончики, когда мне было скучно, мог закрывать ими глаза, когда я не хотел ничего видеть.
Я мог бы скрывать свою этническую принадлежность. Но ведь китайцы, которые приехали в Канаду в большом количестве, мои бабушки и дедушки владели продуктовыми магазинами, покупали недвижимость, воспитывали детей, которые шаг за шагом продвигались в обществе. Но все равно нас не понимали или считали, что понимают слишком хорошо. Одни и те же вопросы снова и снова: что вы едите дома? Вы говорите по-китайски? Вы родились здесь?
С длинными волосами я мог быть почти кем угодно. Мало у кого из китайцев такие. Люди спрашивали, японец ли я, филиппинец, таец? Спрашивали, индеец ли я, коренной индиец, при этом не знали, какое слово использовать, чтобы не обидеть: коренной, представитель автохтонного народа, индеец? Я мог развивать мой рассказ, словно нить, или изложить им правду, которая настолько же длинная и так же похожа на нить,

поскольку мои мать и отец происходили не только из разных поколений иммигрантов, но из разных стран, хотя все наши предки вышли из деревень в одной провинции Кантон. А если бы захотел, то стал бы и настоящим китайцем. Отращивая волосы и заплетая их в косу, возвращаясь к тем корням, когда таким образом предпочитали обращаться со своими волосами первые китайские иммигранты в Канаде, если им удавалось избежать ножниц белого человека.

~

В гей-сообществе наметился тренд, который я не сразу заметил. Рэндольф, конечно, сделал это моментально, но зная часть предыстории моей гривы и тайно симпатизируя ее связи с моим именем, хранил молчание. Тенденция следовала той же логике, что и феномен бритой груди. Если безволосое тело на этом этапе нашей истории что-то, каким-то образом, более мужественное и гигиеничное, то как насчет безволосых голов?
Геи выбривали череп, их макушки явили себя дневному свету. У некоторых проступали синие вены, у кого-то были заметны порезы бритвы, у других - странные шишки и бугорки. Если некоторые и не отсвечивали лысиной, то, по крайней мере, волосы их были весьма короткими. Очень короткими, вроде ежика, с армейской отсылкой. Или короткими везде, кроме вихра, поднимающегося надо лбом, как у Тинтина, персонажа бельгийских комиксов.

Я серьезно задумался относительно этой тенденции. В конце концов, прошло четыре года с тех пор, как я стригся коротко, и, признаюсь, устал от длинных черных волос, которые обнаруживались везде, довольно часто на ковре, а также в раковине, душе и на полу ванной. Но не внимания, однако исходившего лишь от женщин, что уже давно начало раздражать. Нужно отметить, что рядом с магазином *Glad Day** в Торонто я заметил небрежно отрисованный плакат, рекламу гей-клуба для длинноволосых и тех, которым они нравятся. Но мне тогда это показалось не отличающимся от специфических объявлений, всплывающих из глубин сообщества дважды в неделю, в плане поиска фут-фетиш рабов или фанатов водных видов спорта. Я определенно вышел из моды относительно трендов.

И все же решение стричь было нелегким. Большинство из друзей сокрушались, как жаль было бы потерять такие волосы. Возможно, что-то щелкнуло, когда я поговорил с Терри, актером, другом моего друга. Люди всегда говорили мне, насколько он рассудительный, но я никогда не замечал этого. Казалось, он проявлял ко мне незначительный интерес, и мы лишь болтали о пустяках, когда пересекались.

Кроме того, я завидовал.

Меня очень привлекала его физическая форма, светловолосого обычного парня с красивым

* **Glad Day Bookshop** - независимый книжный магазин и ресторан в Торонто, специализирующийся на литературе ЛГБТ. Открыт в 1970г. и по настоящее время.

простым лицом, телосложением футболиста — телом, которое каким-то образом не выглядело слишком выверенным и распланированным, в отличие от многих и многих в гей-сообществе.

- Не слушай эту чушь, — отрезал он, поглядывая куда-то в сторону бара, аккуратно высматривая, с кем разговаривал его бывший парень. - Зачем тебе следовать какой-то глупой моде? Зачем следовать за толпой? Геи могут быть такими поверхностными, - он тут же переключился на высокого брюнета, пересекающего зал. - Это не какие-то замечания в твой адрес, просто — зачем тебе это нужно?

Я поправил свой конский хвост, зачесывая назад волосы, затягивая их тонкой черной резинкой. Это вроде игры, подумал я про себя. Шашки, настолки, покер. Я бы сыграл, а как я могу играть, если меня даже не пускают в игру? Я встал, чтобы уйти, и почувствовал вспышку гнева. Пусть остается внутри. Но там все неприятно кипело. Терри мог носить все, что захочет, самую старомодную одежду, самые яркие цвета; мог отрастить струящиеся волосы; мог не брить грудь, если уже не сделал этого: но все равно при этом он оставался бы предметом желаний, как, вероятно, и всю его предыдущую жизнь, у любого парня подгибались колени при одном только взгляде на него. Он никогда даже и не задумался бы о какой-то там игре, потому что задавал в этой игре правила.

И *был игроком* по умолчанию.
Когда я побрил голову, я почувствовал себя великолепно. Было приятным сюрпризом, что мои родители одарили меня крепким, круглым черепом. Коса отправилась моему другу-художнику китайско-канадского происхождения, который задумал использовать ее в своей следующей работе — псевдомузейной выставке культурных артефактов смешанной китайско-канадской семьи. Уже в душе я чувствовал горячие струи воды кожей головы. Волосы очевидно не нуждались в сушке. Их количество на ковре неуклонно снижалось.
Самое главное, я шел по солнечной Черч-стрит и чувствовал все вокруг самой макушкой своего тела, но удивительно, словно предсказанное чудо, в которое не верил, головы поворачивались, взгляды пересекались с моим. Невозможно объяснить тому, у кого нет опыта плавания в океане, как запах соли проникает внутрь тебя до самых глубин твоих чувств, как каждый дюйм окружающего, кажется, очень живо движется, как соль же оставляет следы на коже, когда выходишь из воды. С тех пор, как я вышел из шкафа, у меня были длинные волосы, и я никогда не знал, каково это быть гладко выбритым. Точнее, я никогда не знал, что такое быть видимым геем и прогуливаться по гей-улице в жаркий летний день. Со всей этой копной волос обитатели моего гей-мира видели меня лишь экзотическим персонажем с иностранными корнями.

Они не могли разглядеть мои желания сквозь весь тот лес волос, не могли считать меня одним из них. Поскольку моя кожа приобрела иной оттенок, им нужен был еще сигнал, чтобы признавать меня своим. Выбрив голову, я научился играть в игру, в которую и хотел.
Кто из вас когда-либо видел свою голову лысой, видел линии, вены и рельеф черепа, наблюдал сформированное природой, когда его не декорируют волосы? Тем летом я узрел все это, что стало откровением. А круглая форма явила мне форму мира, в котором я учился принимать участие.

~

Когда я приехал в Европу, чтобы включиться в свою первую настоящую работу, в брюссельском офисе правозащитной организации, мой череп покрылся пушком волос, чуть гуще, чем кожица персика, но не настолько, чтобы скрыть белизну кожи. Тем не менее, былая гладкость, особенно на висках и за ушами, стремительно улетучивалась. Я был слишком занят сбором вещей перед отъездом, чтобы наскоро побриться; теперь стало очевидно, что электровилки здесь отличаются от канадских, и прежде чем что-либо предпринять, мне нужно искать адаптер для бритвы. Потребовалось еще несколько дней, проведенных в поисках магазина электротоваров, и даже тогда продавец протянул мне маленький белый адаптер,

который, как мне показалось, не производил впечатления достаточно прочного для чего бы то ни было. Когда я пытался приспособить его, моя вилка все равно не подходила.
- О, это легко исправить, — сказал мой французский коллега Жан-Пьер, в его руках внезапно появился карманный нож, и он ловко расширил отверстия.
В тот вечер мы договорились встретиться с моим американским другом Ридом, также лишь недавно приехавшим в город. Он прибыл для работы в европейском филиале американской газеты. Мы были готовы начать исследования бельгийских гей-баров. И условились встретиться здесь, в квартире, где я остановился, принадлежащей другу, Томасу, уехавшему на выходные.
Я закончил работу пораньше и, перехватив бутерброд с паштетом, решил, что побрею голову, приму ванну и буду готов к действию. Снял одежду, залез в пустую ванную, включил бритву и, придерживая зеркало в одной руке, начал процесс. Когда это теплое жужжащее устройство стартовало по прямой от лба, то сразу вспомнилась греческая парикмахерская моего детства. Я начал по центру головы и двинулся вправо, бритва шла, как крейсер в океане. Сразу вдруг стало понятно, что что-то не так, но все произошло очень быстро. Тихий голос подсказывал мне, что бритва перегревается и нужно выключать, но другой голос настаивал: *Еще несколько минут*. Пока я размышлял, как буду выглядеть наполовину выбритым, второй

победил. Послышался слабый хлопок, свет погас, и потянуло сладковато-едким запахом гари.
Несколько секунд мои глаза адаптировались к темноте, прежде чем я понял, что проблема не только в электричестве, но и в том, что я никого не знаю в городе, способного помочь. Пробираясь по квартире в свете уличных фонарей снаружи, я нашел свечу и зажег ее. На всякий случай заглянул в телефонную книгу в поисках ЭЛЕКТРИКов. Блок предохранителей обнаружился на кухне.
К моему большому разочарованию, несмотря на пятнадцать или двадцать минут переключения клавиш в разные положения, электричество так и не появилось. Мыться пришлось в темноте, в беспокойстве и самоутешении. Наконец, мне хватило смелости позвонить Томасу, который находился у своих родителей в Британии. К счастью, я застал его дома.
- О, ты устроил замыкание, да? Ну, тебе нужно спуститься в ночной магазин под квартирой и попросить их о доступе в подвал, чтобы посмотреть блоки предохранителей.
В конце концов все получилось. Я повязал бандану, мы с Ридом прекрасно провели вечер в городе, а на следующий день я смущенно обнажил голову в местной парикмахерской и попросил женщину там закончить работу. Она оказалась более отзывчивой, чем европейские парни здесь, очень застенчивые и к которым трудно найти подход.
Я в тот вечер был единственным азиатом в

барах, и мне казалось, что я переместился назад во времени туда, где культурная однородность по-настоящему не нарушена. Мы усваиваем уроки в одном месте, лишь чтобы начинать заново в другом.

Тем не менее, я полагал, что стиль следует сохранить для Европы. Ведь я прибыл в этот мир с густой шевелюрой. А теперь, наверное, чтобы развлечь себя, стоит превратиться в лысого ребенка, и мой круглый гладкий череп пусть воссияет в свете грядущего. Своего рода, новой версией моего прибытия на эту суровую, странную планету. Если бы только не было так холодно зимой. Если бы только не было так холодно.

В метро Парижа

В Европе всегда такие высокие потолки! Я смотрю на высокие, ребристые своды Северного вокзала Парижа*, и даже при всем обилии людей вокруг я чувствую пространство вокруг себя, как будто парю в стратосфере, как пылинка внутри шара с гелием.

Я в пути из Брюсселя, моя новая работа, в Ситжес, это недалеко от Барселоны, - там у меня встреча с европейскими коллегами. С пересадкой в Париже. Не помню городов в моей родной стране, Канаде, где настолько же много железнодорожных станций. Здесь, в одном из величайших городов Европы, поезда постоянно движутся, как кровь в артериях к пульсирующему сердцу, а сами вены этого *тела* расходятся во всей сложности направлений. Согласно указателю, я следую к Метро, а затем на линию до вокзала *Аустерлиц*.**

Я заметил его раньше, чем он меня. Сначала макушку его головы, чуть уже лысеющую,

* **Gare du Nord** - первый комплекс зданий построен в 1846г., затем неоднократно расширялся и модернизировался. Основное здание реализовано в классической архитектуре. Навес на путями в стиле модерн.

** **Gare d'Austerlitz** - первый комплекс построен в 1840г. в классическом стиле. В 1867г. радикально перестроен. Одноименная станция метро Парижа имеет выход прямо в главное здание.

светлую полянку в окружении волнистых каштановых волос. А сейчас уже полы темно-синего плаща энергично развеваются в его стремительном движении к поезду. У него большой мягкий кожаный чемодан и маленькая сумка в другой руке, кажется, она тяжелее, чем представляется на первый взгляд, так как он держит ее немного впереди на вытянутой руке, чтобы не мешать движению. Костюм у него тоже темных тонов, простая белая рубашка и элегантный галстук, с фиолетово-красными переливами. Лишь несколько секунд на осознание всего этого, в попытке проследить его резко очерченный, красивый профиль на фоне уже подрагивающих, начинающих закрываться дверей.

Но у меня тоже багаж: мой собственный мягкий портфель, попытка выглядеть профессионально для первой работы после университета, рюкзак цвета зеленой листвы, разоблачающий и меня, и мою юность в нежелании расстаться с ним. Знаете, как некоторые люди всю жизнь не расстаются с одним и тем же чемоданом? Прочным, неудобным, но, по крайней мере, аккуратным и прямоугольным, чтобы прилежно сложить одежду и туалетные принадлежности. Думаю, отсюда прямой путь к тем, что на колесиках. Я, с другой стороны, из предпочитающих рюкзаки. На самом деле, у меня есть разные: для коротких поездок, для дальних, для выездов на природу, для города. Я сворачиваю одежду, чтобы она была более компактной.

Не беру с собой и даже вообще не имею одежды, которую нужно аккуратно складывать. Я думаю об этом, поглядывая на парня в поезде. Он вошел в вагон через среднюю дверь, я через боковую, намереваясь подойти поближе. Но группа других пассажиров преграждает путь. Они занимают места по обе стороны вагона и наклоняются в проход, чтобы поговорить друг с другом. Он тоже садится, я же остаюсь стоять.
Я посматриваю на него, и он даже красивее, чем я думал. Похож на фотомодель или *манекенщика*, как говорят здесь: чеканная линия подбородка, высокие скулы, темные, глубоко посаженные глаза, на лице с ярко выраженным характером. Совершенно обычный нос, который, впрочем, не нарушает баланса. Я всегда восхищаюсь, когда вижу кого-то похожего. Каково это — быть красивым? Знают ли люди, что они красивы? Некоторые, конечно. Они становятся очень тщеславными, зеркала у них обретают дар речи, словно в сказках, они просчитывают реакцию окружающих, экспериментируют с различным поведением. Другие, должно быть, несколько смущаются. Знают, что люди ведут себя по-разному вокруг них: некоторые заискивают, другие завидуют или стесняются, иные намеренно не показывают интерес.
Однажды вечером мы с другом стояли и разговаривали в латино гей-клубе. Тот был одет самым скромным образом, который только можно себе представить, для человека, которого не нанимали для шоу.

Мимо прошествовал пожилой мужчина, шея его изогнулась совершенно по-утиному:
- Ты очень красив, - проворковал он из-под седеющих усов. Провел пальцем по воображаемой линии на расстоянии нескольких дюймов от узких черных шорт, шнурованной безрукавки, обтягивающей мускулистый торс Джима при всех его шести футах четырех дюймах* роста.
Тот выглядел смущенным, не растерянным, а как-то иначе.
- Это то, что дал мне Бог, — заявил он вслед неожиданному поклоннику.
Я был несколько удивлен религиозным контекстом на гей-дискотеке, которую считал полностью светской. Что заставило меня задуматься. Каково это знать, что, исходя из какой-то случайности, о тебе судят лишь по внешности, а не по размеру, например, твоих ног или тому, что вызывает у тебя смех? Ты благословен и отмечен этим фактом.
Мне осталось семь остановок до моей станции. Семья с маленькими детьми заходят и рассаживаются на шестой; компания друзей выходит на пятой. Я занимаю свободное место, чуть набок, прислонив рюкзак к окну, закинув одну ногу частично на сиденье.
Он, полагаю, североамериканец. Но, возможно, и француз, со слегка смуглыми, красивыми чертами лица. Хотя европейцы обычно одеваются ярко, чтобы немного оживить столь обильно серые бетонные пространства.

* ок. 190см.

Так думаю, что в его темно-синем костюме он мог бы быть канадцем, хотя я сам одет цветастее, пытаясь выглядеть по-европейски. Я сравниваю нашу одежду и размышляю, насколько сильно мы, должно быть, кажемся разными и как мало времени я вообще провожу с кем-то, кто одевается и выглядит подобно ему.
Он смотрит на меня своими темными глазами. Я смотрю в ответ. Мы смотрим в глаза друг другу. Одна секунда, две, три. Я заставляю себя не уклоняться, потому что знаю, почему он смотрит на меня, как и он знает, почему я смотрю на него. Наконец, уголки его рта поднимаются вверх, всего на миллиметр, и он едва заметно кивает. Я отворачиваюсь, в волнении, рассматриваю книгу гей-фантастики, которую читаю, играюсь с билетом метро, посматриваю вверх, вниз, все в размеренном темпе, чтобы казаться собранным и уверенным. Он же смотрит в окно, на рекламу, на меня, в сторону. Конечно, он должен выходить на той же остановке, что и я, со всеми его сумками. Может быть, он даже едет в моем направлении и далее.
В первый раз, когда я был в Европе, друг моего друга разместил меня в большой, роскошной квартире в живописном старом центре Стокгольма. Они познакомились с Эроном, моим другом, на вокзале в Лондоне.
- Как ты это делаешь? — воскликнул я, заинтригованный.
Нильс был немного сбит с толку моей

наивностью, немного удивлен даже.
- Ну, знаешь, — объяснял он, - смотришь на кого-нибудь, кто тебе понравился, и если он смотрит в ответ, то подходишь и заговариваешь с ним.
- Так просто?
- Ну, иногда даже не нужно и того.
- Это как?!
- Музеи. Знаешь, музеи — тоже отличные места для знакомства.
Нильс этого не знает, но он положил отличное начало научиться быть геем — не в части самопринятия, где я и сам отлично справлялся, — а в части, касающейся *мужчин*. Ему было около сорока и он вполне осознавал свой возраст, но с не слишком густыми волосами цвета пшеницы, которые, возможно, уже седеют, заметить и это и его возраст было затруднительно. Он работал врачом, неврологом в государственной клинике.
- Налоги, налоги, — постоянно жаловался он.
- В Скандинавии, если у тебя хорошая работа, тебя смертельно облагают налогом. Я был бы богатым человеком в Америке.
С его большим носом картошкой и настолько же большими глазами, как у персонажа комиксов, он выглядел не таким персонажем, а героем второго плана. Тем не менее, он был высоким и широкоплечим, с развитой мускулатурой. Когда он прогуливался по квартире без рубашки, невольно возникала мысль, каково это — побывать в этих мускулистых объятиях, хотя и уже человека в возрасте.

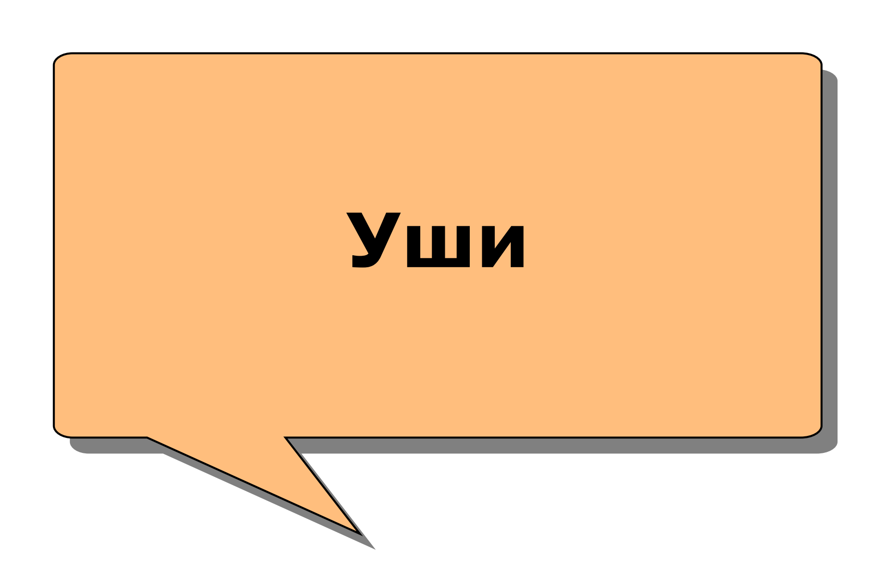
Я подумал о том, как вот так смотреть на мужчин на улице, и понял, что никогда такого не делал. Возможно, потому что я был довольно худым, возможно, потому что был азиатом, как правило, в неазиатском окружении, возможно, из-за моего дружелюбного настроя, и меня бывало атаковали на улице. Достаточно часто, чтобы стать осторожным, избегать попрошаек, налетающих словно ястребы, обходить группы молодых хулиганов, устремлять отсутствующий взгляд в пустоту, чтобы не просили подписать очередную петицию в поддержку Ирана, денег на сигареты, чтобы не нарываться на расистские оскорбления. Как при этом всем заметить, что кто-то смотрит на меня с сексуальным интересом, когда я постоянно буквально пробегал свой маршрут? Придется пересмотреть привычки.
Я усвоил еще один урок от Нильса. У него появился новый парень, Тревор, с которым он хотел провести время, поэтому они решили услать меня в самый большой клуб Стокгольма.
- Что у тебя из одежды? — спросил он. Поскольку он любезно отправил в стирку мое белье по прибытии, то мой гардероб знал очень точно.
Меня одолевали сомнения:
- Ну, джинсы, наверное.. синяя рубашка с узорами.
- Хм, - он задумчиво замер, пока Тревор удивленно взирал на меня. - Слишком женственно как-то, — заключил наконец он.

- Есть футболка?
Мы сошлись на белой футболке.
- А ремень?
Я указал ему на купленный в магазине товаров для активного отдыха, из какого-то искусственного фиолетового материала.
- Нуу... я одолжу тебе один.
Я взялся надевать футболку, массивный черный кожаный ремень Нильса продел в поясные петли на джинсах.
Они же оба стояли и ждали, рассматривая и оценивая мой вид. Его парень, хотя и на десяток или даже на двадцать лет моложе, был почти такого же роста и телосложения.
Они переглянулись, кивнули. И тотчас подошли ко мне, каждый со своей стороны. К моему недоумению, и тот и другой закатали рукава моей рубашки, чтобы стали видны мускулы.
- А теперь иди!
Я так и сделал, посмеиваясь, думая, что это шутка.
- Нет-нет, притворись, что у тебя между ног что-то действительно большое. Выкати грудь. Иди не торопясь.
Я исполнил рекомендации, но все еще похихикивая.
- Все, теперь иди! - они вытолкали меня за дверь.
К моему большому удивлению, ужасу и веселью, тем вечером в клубе я привлекал к себе больше внимания, чем когда-либо. Может быть, потому что я был здесь редким чужаком, которых здесь вообще бывает мало.

Может быть, и потому, что азиатов тем более. Но думаю, что это было, по крайней мере, отчасти потому, что я решил попробовать дефилировать. И следил, чтобы рукава на рубашке не спадали.
За мной увязался простоватый высокий мужчина с длинными волосами и решительно дьявольскими глазами; швед, провозгласивший меня самураем, заставив меня буквально удирать; потом дородный пожилой джентльмен, круглый, ростом с эльфа. Мне также подавали сигналы трое итальянских бизнесменов, приглашавших подойти к ним. Выглядели они на манер деловых партнеров моего отца. Мне никогда в жизни не подавали сигналов в виде пронзительного свиста.
В тот вечер я не встретил никого, с кем бы действительно хотелось пообщаться, но я кое-чему научился. Это было похоже на то, как кто-то из наших первобытных предков впервые увидел свое отражение в воде. Когда вы впервые посмотрели в зеркало и действительно обратили на него внимание.
Этот незнакомец напротив меня в парижском метро...
Отметил ли он, как я одет, серебряную серьгу в правой мочке уха, мою выбритость головы в соответствии с последними тенденциями гей-районов крупных городов по всему миру? Или я просто смотрел на него, когда он посмотрел на меня? Или он сразу подумал, что я симпатичный? Или лишь заметил книгу у меня на коленях?
Я держусь спокойным. Если бы не люди между

нами, я бы решился, наверное, чуть приблизиться, но вокруг него все еще занято. В любом случае, я жду, что он выйдет на следующей остановке, которая является и моей, вокзал *Аустерлиц*.
Когда вагон притормаживает, я смотрю на него и вот, мы смотрим друг на друга теплым, пристальным взглядом. Я поднимаюсь, все еще поглядывая на него, двери открываются, и люди начинают выходить. Но вместо того, чтобы встать, он улыбается, - это вроде милых пожеланий на прощание. Если мое лицо отражает мысли, то выгляжу я печальным со смиренной улыбкой, и некоей вопросительностью в моем выражении лица, без надежд на ответ и растворяющейся внутри.
Медленно иду к лестнице, наблюдая за ним, пока он смотрит, как я ухожу. Держит ту же улыбку на своем лице, пока я не делаю шаг вниз по лестнице. Я же останавливаюсь на второй ступеньке и жду, когда вагон уедет. А он видит мою тень, и не знаю, видит ли мое лицо, но мягкая изогнутая линия его приподнятых губ прорывается широкой улыбкой, такой, которую не стоит держать дольше секунды или двух, потому что выглядеть это будет фальшиво.
Но проходит не более секунды или двух, прежде чем вагон метро уносится с характерным ревом и раскатами скрежещущего металла. Лестница расстилается передо мной, вниз, под землю, и далее, - Барселона, моя новая работа.

Повинуясь стрелкам, ведущим меня к следующей цели, я размышляю, что так и происходило со мной всю жизнь. Взгляды незнакомцев. Неверный шаг. Упущенная возможность.
Но это самообман, потому что я погрузился в фантазии о том, как бы заняться любовью с красивым незнакомцем, который теперь исчез. На самом деле, возможности за каждым углом. Вероятно, раньше я не знал, как их обнаружить, как использовать. Теперь, по свидетельству моего бьющегося сердца, воспоминаний о том, как наши глаза встретились, понятно, что я на правильном пути.

Было общеизвестно, что холод воцарился по всей Европе, не только в Будапеште. К тому же, похоже, это и не совсем плохо: пара дней, как стартовала *Первая европейская бизнес-конференция геев и лесбиянок*, а участники уже посматривали друг на друга: любовь против холода, жаркие объятия против стужи. Для того и существуют съезды и конференции, - это встречи людей, что является важной частью любого бизнеса. Именно так мужчины оправдывают себя, поскольку здесь в основном они. Лесби-участницы в меньшинстве, да и они разбредаются по всяким закрытым обсуждениям или присоединяются к шумным вечеринкам только для женщин, пока геи играют в разного рода ассоциативные игры и почти театральные персонификации.
Первое, что заметил Филипп, это уши, они торчат у него, как своего рода крылышки, такие, округлые розовые полумесяцы. Подобные уши Филипп всегда рассматривал как дополнительные половые органы. Барт высокий, наверное, наклоняет голову, входя в дверь, у него мальчишеская стрижка и

такая же улыбка, а еще типичный голос датчанина, раскатистый на низких тонах, подобно шуму сильного дождя на каменной мостовой. Барт кажется кем-то знакомым: комбинацией из череды любовников и подростковых друзей, - об этом Филипп мечтал, но никогда не рассказывал.
А теперь говорит:
- У тебя сексуальные уши, я должен тебе сказать. Другие части тоже, но уши...
Барт лишь смеется, смущенно смотрит в сторону. Он уже замутил с кем-то другим, чешским издателем с плохим английским, но очень улыбчивым. Но, когда они сидят вместе в баре, Барт, похоже, не в восторге от своей добычи.
Твой ход, так думает Филипп. Пробирается в толпу.
Барт — видная цель, школьный учитель из Амстердама, приехал сюда, чтобы сделать несколько заметок для своего парня, турагента из Сан-Франциско. В последнее время Филипп вообще увлекся школьными учителями, этими красивыми холостяками, способными воспитать молодые сердца и умы даже на более высоких уровнях зрелости. Кажется, им нравится то, что они делают, и в них есть в целом какая-то отзывчивость, доброта. Что, в свою очередь, вызывает у Филиппа сентиментальность.
Филипп, бывает, и влюбляется в *несвободных* мужчин, тех, у кого открытые отношения или некое «соглашение» с их постоянными партнерами.

Обнаруживается, что у них устойчивая сексуальная уверенность. Когда они флиртуют, неважно, что произойдет: они знают, что всегда есть кто-то, к кому можно всегда же вернуться. Плюс, Филипп боится отношений, нервничает, если думает, что все идет серьезно. Парни в отношениях внушают ему опасения, так как он считает, что ему не нужно рассматривать такого рода стратегии.

~

Пара дней флирта и он обводит языком линии века Барта. Они двигаются медленно, неспешно, словно в толще воды. Рука Барта медленно пробирается Филиппу под рубашку, чтобы ощутить обнаженную кожу. Филипп тянется, чтобы ухо Барта стало доступным его дыханию. Оно неотразимо, это ухо, подобно закрученной спиралью морской раковине, нашептывающей об океане и потаенных его местах. Рот уводит вниз к желудку, ноздри - к легким. Но ведь уши, они идут прямо внутрь головы, не так ли? Прямо к разуму, посредством которого думаем и чувствуем? Он нежно проводит языком от внешнего края к внутренним завиткам, а затем внезапно вонзается в центр, в том же ритме, что и движения его паха.
Внезапный и громкий стук в дверь. Глаза их встречаются, брови приподняты.
- Да?
- Барт?
- О, Милус, я в ванной.

- Хорошо. Увидимся внизу через пять минут.
- Милус? Я...

Но все, уже никого нет за дверью. Они же смотрят друг на друга.

- Тебе решать, Барт. Я не пытаюсь как-то форсировать события. Просто ты мне нравишься, и ты, кажется, готов для этого, - всегда возникают объяснения.
- Ты мне тоже нравишься, но я сам не знаю.

Тот лишь пожимает плечами в сомнении.

Они приводят в порядок одежду, волосы.

Уже новогодняя ночь, и Барт все еще флиртует. Они обсуждали вариант встречи в Амстердаме, но Филипп решает, что предоставит Барта и Милуса друг другу. Хотя он чувствует себя не в своей тарелке, вроде пляжной игрушки. Барт нравится ему все больше и больше, а тот все время держит интригу, используя кокетливые намеки. Филипп благосклонно принимает внимание, да и он не нашел никого, с кем можно было выстроить общение. Остается лишь вздохнуть. Интересно, что он вообще делает на этой конференции в канун Нового года?

Развлечения безвкусные, но шумные: местный артист воркует, не очень-то попадая в ноты, под задорный магнитофонный аккомпанемент, тут же еще и конкурс костюмов среди дюжины или около того, кто потрудился нарядиться. Победитель - местный парень в чем-то, похожем на гигантскую красную вульву. Раздается непременный обратный отсчет, разносящийся по залу. Громко звучит аббовская *Happy New Year*, все приходит в

движение, поцелуи застенчивые и настойчивые, дружелюбные и страстные, настоящий шквал чувственности.
- С Новым Годом, Барт, - Филипп лишь касается его. Осторожный, но влажный, только губы, без языка, поцелуй. Барт выглядит тронутым, но несколько отстраненным.
Десять минут спустя Филипп допил остатки своего сладкого шампанского, местного, он уверен, бренда. Поднимает глаза, и видит Барта, раскачивающегося в такт музыке в обнимку с незнакомым парнем: ярко-красная рубашка, коротко стриженные волосы.
Зал для вечеринки больше походит на пещеру: высокие советские потолки, балкон и лестница с одной стороны, столы, расставленные по краям, небольшая сцена в центре. Когда Филипп подходит к лестнице, коренастый венгр, которого он заметил раньше, хватает его за руку. Глаза венгра задорно блестят от выпитого.
В укромном месте на балконе, под музыку, поднимающуюся снизу и расходящуюся по всему объему помещения зала, они страстно целуются. В разгоряченном полумраке Филипп открывает глаза и осматривается. Его партнер замирает,смотрит на часы.
- Бойфренд. Внизу. Нужно идти, - он мило улыбается.
Филипп издает короткий, сдавленный смешок, и также посмеиваясь смотрит ему в глаза:
- Хорошо. Ты спускаешься первым.
- Не забудешь меня?

- Да.
Жест согласия, кивок.
Филипп еще на лестнице, когда появляется Милус, его очаровательная улыбка улетучилась, он несколько запыхался.
- А где Барт, где он? - простой вопрос, не подразумевающий ничего более. Но лишь движение плеч и сочувственная гримаса в ответ.
- Прости. С Новым Годом, - губы Филиппа у розовой щеки чеха.

~

На следующее утро Филипп похож на незамкнутый круг, умоляющий о завершении. Решительный шаги на пути к Барту. Необходима развязка, решение, ощущение завершенности. Хотя не понятно, что делать, если дверь откроет Милус или кто-то другой, а не Барт.
Постукивание, кто-там? Ответ, который предполагается нейтральным. Но Барт отвечает весело, взволнованно.
- Я спал еще, - он широко улыбается. На нем белая футболка. И.. эти чертовы уши. Заметная выпуклость на черных трусах. Воображаемая сцена: *улыбающийся Барт стремительно увлекается внутрь, трусы внизу, Филипп стоит на коленях, обхватив Барта за бедра, на грубом ворсе ковра*. Вместо того он позволяет отвести себя к видавшей виды кровати и ложится на столь же не представительное покрывало. Поднимает глаза, над ним высокий силуэт.

В отраженном от потолка свете уши Барта топорщатся первой подростковой эрекцией, просвечивая красным и розовым. Их губы нежно сливаются, но Филипп скован и угрюм. Барт останавливается.
- О чем ты там думаешь?
Филипп смотрит вверх. Его всегда удивляет, что люди замечают его настроение по глазам. Слова сбиваются, подобно лодке, неудачно пытающейся обойти отмели.
- Знаешь, я просто пытаюсь не упускать момент. Но чувствую себя немного вроде очередного случайного знакомого — твой парень в Сан-Франциско, Милус здесь, да еще тот эстонский парень, с которым ты танцевал. Понятно, что он тоже - случайный, но все-таки и на мой счет можно так сказать, поэтому что еще тут добавить?
- Кто?
- Ты целовался с каким-то парнем на танцполе.
- У меня не было с ним секса.
- А потом ты исчез, Милус искал тебя.
- О..
Пойман.
Четверо, — думает Филипп. - Мы для него так привлекательны или он для нас?
Так ли важно? Все сделано. Филипп закрывает глаза, протягивает руку, чтобы погладить Барта по спине. Можно начинать.
Но опять все как всегда, - Милус громко стучит в дверь, зовет, ждет, стучит снова, - уже неважно, вернется он или нет, даже после того, как они не произнесут ни слова,

не откроют дверь.
Только лишь одеваются по разные стороны кровати.
- Приезжай ко мне в Амстердам.
- Да.
Жест согласия, кивок.

~

Трогательное прощание в присутствии других. Филипп улетает чуть раньше, поэтому именно он прощается с Бартом, остающимся в затхлом офисе организаторов конференции, усыпанном бумагами и окурками.
Однако в воображении Филиппа все иначе: *залитый солнцем лес, редкий, но зеленый, здесь же небольшая речка, недостаточно глубокая, чтобы плавать. Большие камни, достаточной величины, чтобы растянуться на них и греться на солнце. Филипп находит место над водой. Барт, лишь в трусах, на корточках у воды, смотрит вверх, улыбается. Филипп пытается отыскать тропинку вниз, но нет. Камни, склон, скользкий мох: множество способов упасть.*
- Приезжай ко мне, - дружелюбный рык. На глазах у Филиппа уши Барта становятся все больше и больше. Словно розовые прозрачные веера, ракушки, фарфоровые блюдца, - становятся огромными, как оркестровые тарелки, затем литавры. Он взмахивает ими один раз, другой и исчезает в небе.

Иммиграция

Решение принято за меня, но я соглашаюсь с ним. Путь лежит в страну Золотой Горы* в поисках счастья. Что все это сулит мне, когда люди нуждаются и голодают, а повсеместно вспыхивают беспорядки? В любом случае, мы вообще авантюристы, к нам приходят новости со всего мира: Индии, Южной Америки, Африки. Я лишь следую нашему предопределению.
1905 год, провинция Кантон.

~

Когда я сообщил родителям, что я гей, мама закатила глаза, а отец сразу ушел.
- Как ты можешь решаться на такое? — кричала мать. - Это грязно, это же вразрез всему! - глаза ее шокировано блистали.
- Ну, это ведь не совсем образ жизни, ма. Я ничего не могу поделать с собой, - у меня было что сказать, поскольку я довольно долго думал относительно того, как и что буду говорить.

* историческое название Сан-Франциско, Калифорния, или в целом западных регионов Северной Америки, включая Британскую Колумбию, Канада. Так назвали эти районы китайцы, прибывавшие туда в середине 19 века в поисках недавно обнаруженного золота. Теперь Калифорния имеет прозвище - Старая Золотая гора.

- Ты говоришь, что родился таким. Хочешь сказать, что ты гей из-за нас?
- Может быть, это гены, ма. В последнее время проводилось достаточно много научных исследований, которые, похоже, сходятся во мнении о существовании какой-то биологической причины гомосексуальности.
- Так ты говоришь, что это что-то, что было в моих генах, — глаза ее закатываются вторично. - Ты не гомосексуал, Альберт!
Она тоже уходит, но слышатся сдавленные всхлипы. Но ничто из сказанного ею, не в состоянии изменить меня. Я уже в начале моего путешествия, и это не изменить. Возможно, где-то в истории моей семьи, в моих генах так заложено, что я буду странником, покину свой дом.

~

Путешествие заняло сорок дней и ночей. Плоть практически сроднилась с плотью, а ткань затвердела, пропитанная океанской солью. Смрад больных и умирающих. Призраки не переживших странствие. Никакого безмолвия. У волн собственный раскатисто-ритмичный язык, у корабля - низкое ворчание, смешанное с высокими высвистами и продолжительными вздохами. И повсюду снуют невысказанные мысли пассажиров, изливаясь в трюм, это замкнутое пространство, где они смешиваются, бурлят и формируют слова.

~

Я поворачиваюсь боком, чтобы пройти

скопление людей у двери, дезориентированный из-за такого их количества, такой энергии вокруг. Танцпол и бар переполнены. Звенят стекло и металл, заполняемые различными напитками, льется вода и выпивка, но все это заглушает настойчивая музыка, подобная чему-то материальному в воздухе, - она повсюду, она пульсирует. Я слышал, что именно здесь найду единомышленников, — странно, конечно, потому что никого здесь не знаю. Когда заходишь на ярмарку или в большой универмаг, никогда же не говорят, что все вокруг чем-то связаны, кроме как воплями с американских горок, или коридором в отделе обуви. В общем, говорят, что в этих людях есть что-то общее с вами.
Но я их не знаю. Они весьма отличаются от меня. Я слышал, что некоторые из них больны, даже смертельно. Я вижу взгляды, которые не понимаю. Но море людей немного расступается с краю. Я погружаюсь туда, поднимаясь и опускаясь соответственно их движению. Закрываю глаза, резко качнув головой в одну сторону, потом в другую, движения, от которых темнеет в глазах. Просто теряю себя. Когда же наконец покидаю это пространство, то вновь воссоединяюсь с собой. В ночном воздухе голоса вокруг меня едва различимы. Мы читаем по губам и понимаем друг друга.

~

Когда я ступил на эту землю, то знал, что язык будет чужим, но не знал, насколько

быстро овладею им. Здесь сразу же забрали у меня мое имя, его квадратичность, горизонтальные и вертикальные росчерки, длинные и короткие, и внезапно оно стало плоским, широко растянутым незнакомыми изгибами и впадинами.

Гван, такова была моя фамилия, с понижением в тоне при произношении, в честь одного из четырех всадников, которые спасли Китай. На языке белых призраков она стала Куан, долгий ровный тон, усиливающий начальную ноту.

Я понял, что языки этой новой страны не в состоянии воспроизводить звуки старой, и поначалу не узнал своего нового имени. Странствия меняют клетки в вашем теле, все внутри. Но когда не можешь вернуться, меняется сердце.

~

Сначала я был геем, может быть, гомосексуалом. Ничто из того я не в состоянии был даже произнести. Первое ассоциировалось с образами в моей голове, пугающими. Второе - скорее категория, чем термин. Поэтому я отказался от второго и начал изучать, почему боялся первого.

Я научился использовать эти слова во многих формах: признание, доверие, заявление, подтверждение. И когда появилось новое слово, я ухватился и за него. *Квир** звучало как *Куин*** и Куан, фамилия моей семьи.

* queer

** queen - сленговое обозначение гея.

Оно было более изящным, чем *гей*, более нейтральным, более широким и менее определенным. Да и в произношении оно было протяженнее. Возможно, показалось даже, что частая смена терминов будет держать людей в тонусе, так как больше всего возмущало тогда, что люди впервые узнавая обо мне, подменяли мое имя ярлыками. Я вдруг не был Альбертом или Альбертом Куаном. Я был геем в первую очередь, гомосексуалистом, педиком для некоторых. Я размахивал терминами, подобно флагам, но потом снова пытался использовать старые. Но получалось едва ли. Я знал, что больше никогда не буду тем человеком.
Сейчас в университетах молодые люди в квадратных очках, с причудливо выстриженной на лице растительностью, эти новые ученые, обсуждают полный отказ от какой-либо персональной терминологии. Зачем наделять себя атрибутами, которым сама история уделяла мало внимания столетие назад? Более того, говорят, что у геев в Африке и Азии часто вообще нет никакого определенного социального термина, они просто есть. Так зачем вообще называть их иностранными словами?
Я так скажу: дайте нам много всяких слов, по одному на каждый цвет кожи, на каждую мысль в голове в течение дня, на все четыре категории и каждую черту характера, которую мы разделяем. Возможно, есть люди, которые читают книгу с пустой обложкой, путешествуют по странам без названий,

стучатся в двери без надписей, но я не один из них. Может быть, мое воспитание научило меня быть педантичным.

~

Забавно, но иногда, особенно в последнее время, я в разговоре могу забыть какое-то слово. Оно всплывает вроде бы в виде образа или цвета, а я не могу его вспомнить, остается лишь шарообразная пустота в глубине моего сознания. Не то чтобы я хорошо говорю на языке белых призраков. Но достаточно, чтобы выжить. Выжить. Но меня сильно утомляют долгие разговоры. Изнуряет то, что я слушаю изо всех сил, чтобы убедиться, что понимаю.
Тогда как я мог пренебречь своим собственным языком? Здесь есть свет, который не исходит от пламени или угля. Электричество. Крошечная раскаленная нить, светящаяся настолько сильно, что нельзя разглядеть ее: полуденный свет изливается из маленькой стеклянной безделушки. Как я могу описать на китайском языке то, что в моей деревне не существует? Кто может сообщить название? Человек, который возвращается в свою деревню через четырнадцать лет? Коммивояжер из города? Попавший в шторм чужестранец, выброшенный на берег?
Если я забуду слова, как научить моих земляков?
Мне приснился сон, что я в богато украшенном халате, расшитом шелком,

с бессчетными кисточками и петельками, скрытыми поясами и подтяжками, которые можно затянуть для ходьбы и ослабить при отдыхе. В нем можно было выглядеть так, будто дневной свет пробивается изнутри, или звезды с луной так подсвечивают края, что создается впечатление, словно паришь на крыльях ночи.

Но ткань слишком сложная, и я чувствовал себя недостойным, не зная ее хитростей и тонкостей, а кроме того, она была более обременительной, чем можно было бы подумать. Ее нельзя было носить в пределах мили от океана, чтобы соленый ветер не коснулся ткани и не ослабил стежки. Нельзя носить и на слишком большой высоте, где ткань будет быстрее вытягиваться из-за слишком разреженного воздуха, быстрее изнашиваясь.

И вот я в этом халате, убегаю от своих врагов, лес густо зарос ежевикой, да и заросли бамбука с подлеском весьма цепкие. Невероятная ткань спадает, ноги начинают болеть и гореть, радужный журавль взлетает с моего левого плеча, нефритово-зеленая лягушка выпрыгивает из правого кармана, погружаясь в грязь, нитка, зацепившаяся за оторванную ветку, стряхивает с меня крапчато-серую саранчу.

И уже на небольшой поляне то, что осталось, распознать невозможно. Поэтому позже я сожгу рубище, просею пепел, чтобы извлечь слоновой кости пуговицы и золотые нити, которые пойдут в обмен на новую одежду.

Я рассказал гадальщику о своем сне; он наливал ароматный чай в миску для риса, изучал узоры крошечных черных стеблей и листьев.
- Твои дети разучатся писать на старом языке, а их дети разучатся и говорить на нем. Ты доживешь до того, чтобы увидеть их, но говорить с ними не сможешь.

~

Много лет назад я не знал ни одного человека, так же отмеченного любовью к человеку своего пола. Я придумывал собственные теории и объяснения, оставшиеся в моей голове фоновой болтовней, иногда всплывавшей на поверхность, но не озвучиваемой. Когда я наконец рассказал друзьям о своих влечениях, они не совсем поняли, что все это значит, но были достаточно тактичны. Я знал, что выбрал друзей правильно.
Тем не менее, я заметил, что меня довольно спокойно воспринимают в различных социальных кругах. Я тусовался со всевозможными компаниями в первые годы обучения в старшей школе, а затем наступило время, когда моими друзьями стали в основном добросердечные гетеросексуалы мужского пола. Мне хотелось, чтобы их обыденность передалась мне, а также их легкий, насыщенный тестостероном аромат, комфорт, с которым они держались друг с другом. В случае с подходящим человеком их искреннее удивление и разочарование

жестокостью мира выражались с очаровательной невинностью, которую я давно утратил. Я развил дикую влюбленность в них, которую , впрочем, никогда не показывал.
После этого у меня начался период подруг, тоже натуралок. Я ценил мелодичность их голоса, загадочность внутреннего мира. Проникся их гневом на скрытое и не очень женоненавистничество, периодически налетавшей усталостью от мира. Кроме того, мы могли вместе наблюдать за мужчинами и обмениваться мнениями о парнях.
Именно в те дни началось обращение к гей-словарю. Они *флиртовали*, геи *искали*. Они пялились на *ягодицы, скулы, бугорки*. Мы же на *отличную задницу*. Они называли друг друга *подружками*, а я был их *другом-геем*. Я называл их *подругами* (никогда не имея девушки) и называл себя *квиром*, а иногда для эффекта *педиком**, но они никогда не употребляли это слово, да мне бы самому не хотелось, чтобы кто-то из них вдруг произнес его. К тому времени, когда я приобрел гей-друзей (иногда среди них были и лесбиянки), разница в языке стала буквально разломом.
*Слово манеры*** было не признаком, а отношением, *дрэг**** больше прилагательным и существительным, чем глаголом.
Во время вылазок в мир натуралов я ловил себя на том, что говорю *сказочно* и называю людей вокруг, *дорогими* и *милыми*.

* faggot в оригинале
** camp в оригинале
*** drag - в сленговом значении обозначает трансвестита.

Были также другие слова и фразы, которые звучали странно и привлекали внимание за пределами моего круга: *пирсинг, кольцо для члена, римминг, секс на парковке, сауна, глори-хол. Гей-тусовка* не слишком похожа на мальчишник по случаю дня рождения. Существовали и более мрачные слова: *комботерапия, Т-клетки, ритонавир, АЗТ, саркома Капоши, пневмоцистная пневмония.* Я разучился разговаривать со старыми друзьями, мигрируя из одного круга общения в другой, и старый язык, на котором я был воспитан, не всегда подходил. Внезапно я понял, что не могу говорить о том, что видел. И хотя менять круг общения для меня было привычным, но здесь чувствовалось, что это тот, в котором я останусь.

~

С нами обходились грубо, и хотя я не понимал слов, которые они говорили, но чувствовал их презрение и жестокую спесивость. Я видел всего одного или двух белых дьяволов в своей жизни до прибытия сюда. И обнаружилось, что кожа у них пористая, мертвенно-бледного цвета, а темная масса волос на лицах постоянно пытается выбраться наружу. У некоторых из-под рукавов и маек торчали пучки вьющихся жестких волос. Волосы, волосы, волосы повсюду. Иногда мне трудно было различать их всех между собой. Через несколько дней мы узнавали их, подобно привыкшим к темноте глазам: одни злые, другие равнодушные,

кто-то с металлом в голосе, кто-то и с огнем.
Может быть, у них было то же самое, но я так не думаю. Нас было слишком много, чтобы разобрать, забитые в маленькие каморки, металлические и бетонные камеры, хотя называлось это формально «пунктами ожидания», где мы томились днями и неделями, прежде чем нам официально разрешали ступить на Золотую гору. Мы процарапывали стихи на стенах гвоздями и камнями, белые люди приносили нам загадочную безвкусную еду, говорили, куда идти, иногда сопровождали, прежде, чем нас останавливали, нумеровали и держали в соответствии с их правилами и предписаниями.

~

Именно центр города для меня был входным порталом: густая сеть электрических проводов в окружении стекла и бетона, перемигивающиеся огни, скрывающие целые миры и разные страны.
В огромном захудалом книжном магазине не слишком облагороженной части центра я выбрал и купил свой первый порнографический журнал. Искал я старые научно-фантастические книги в мягкой обложке, но вдруг мое внимание привлек тот угол магазина, где глаза мужчин на обложках журналов походили на сигналы светофора: КРАСНЫЙ (остановись, или тебя собьют), ЖЕЛТЫЙ (осторожно, притормози),

ЗЕЛЕНЫЙ (давай, давай вперед как можно быстрее, пока тебе снова не просигналят остановиться).
Я листал страницы, и кровь приливала к разным частям тела; в горле пересохло.
Я выбрал экземпляр с самыми яркими фото: безволосые мужчины, как и я, без униформы, так как мне никогда не нравились полицейские, и без усов, которые, по-моему, в то время выглядели нелепо на ком угодно.
Продавец за стойкой бросил на меня неприязненный взгляд, когда я подошел взять коричневый бумажный пакет для журнала.
Мужчины в журнале были великолепны, конечно, изящные и гладкие, внушительная и широкая грудь, рельефные мышцы живота.
Большие во всех отношениях, кожа всех оттенков розового, белого и бронзы, серые тона на черно-белых фото, красные и коричневые тени на цветных. Охваченный возбуждением, я все равно не переставал отмечать приемы и хитрости фотографа: скулы представали горными хребтами, зрачки глаз океанскими глубинами, мужчинам, ростом пять футов*, ничто не препятствовало выглядеть на все шесть и два дюйма**.
Образы были вне реальности и вне меня, недостижимые и далекие. Я не мог вообразить эти объекты желания в своем мире и не мог представить, если брать за основу этих отполированных белых богов, что сам когда-либо стану объектом желания.

* ок. 152см.
** ок. 187см.

В центре города гремели дискотеки, светились книжные магазины и разные многообещающие порталы, броские плакаты и объявления о событиях недели пестрели рядом с ними. Внутри порталов существовала еще одна граница, охраняемая своим Цербером, представленным лицом в окне или рослым здоровяком в футболке при дверях.
Вариантов было не так чтобы много: мне могли махнуть рукой, пропуская, или остановить. Еще могли спросить, наверное, знаю ли я, что это за клуб. Что интриговало, неужели я выглядел так, будто случайно зашел с улицы? Как можно было не разглядеть во мне бурлящую страсть и надежду? Почему во мне не видели посетителя именно этого клуба? Иногда дело доходило до моих водительских прав, - их долго рассматривали на свету, щурились, вычитывая год рождения. Это раздражало меня. Но возникала гримаса оправдания:
- Никогда не мог определить возраст азиатов.
Не то чтобы я тоже всегда мог, но этот дополнительный тест почти обязателен. И нет, я не выгляжу на девятнадцать.
У меня много историй об этих людях при дверях, даже о симпатии, когда их цвет кожи такой же матовый, как у меня. Однако бывают времена, — слишком часто, — когда плоть и кровь приобретают дополнительный смысл, становятся ненавязчиво более значимыми. Так что стража больше не требуется, а именно мы сами запираем ворота для других, надеющихся

иммигрировать в наши страны.

~

Не стоит пытаться представлять место, где мы собраны. Лучше попытаться услышать. Стая уток цвета слоновой кости, галдящих одновременно. День, наполненный ливнем деревянных щелчков. Усиливающимся до тех пор, пока каждый сантиметр комнаты не будет занят более чем одним таким звуком.
Это происходит, когда мы собираемся, чтобы играть в маджонг, фишки смешиваются, расходятся, перемещаются.*
Мы же курим табак, пьем виски, поддаемся азарту. Когда вечер подходит к концу, мы съедаем по тарелке жареной свинины и белой вареной курицы. Наделяем друг друга прозвищами, которые иногда известны получателям, иногда остаются скрытыми. Вот, например, - Лопата, - по форме его подбородка и плоской поверхности лица.
А тот - Жало, потому что выпячивает подбородок и одновременно кривит нос. Еще один - Тупица. Иногда я даже не могу вспомнить его настоящее имя.
Мы разговариваем о старой стране, о том, как все было на вкус, о том, как пахнет утром в деревне, когда сменяется сезон. Иногда о тех, кого оставили там, и о тех, кого надеемся перевезти в Канаду. Брат. Жена. Дочь. Сын.
Говорим о том, как впервые услышали об этих местах, за просторами океана.

* китайская настольная игра. Смесь домино, карточных игр и нард.

Друг или сосед первым заговорил о ней? Идея пришла спонтанно, как воробей, внезапно слетевший на ветку? Возникло решение отправиться тотчас или медленно вызревало, подобно красной фасоли, оставленной в собственном соку, чтобы она, забродившая, стала совсем мягкой?
Люди умирали здесь в тоске по дому: простой кашель или лихорадка усиливались, и внезапно выносливость со стойкостью сменяло отчаяние. Кто может хоть в чем-то винить их? А мы так ли счастливы в этой новой стране? Белые дьяволы обращаются с нами как с деревенскими собаками. Работать не легче, чем у себя в деревне, но не хватает привычной обстановки.
В маджонге собираешь сходные фишки, извлекая их из кучки в центре. Времена года, указатели направления и цветы можно сопоставлять друг с другом, чтобы сбрасывать лишние. Вот так и выглядит жизнь на Золотой горе, Гум Саан, как мы сами называем ее, в поисках земли, где ветер поднимает и носит золотую пыль. Времена года сменяются, исчезая, годы проходят, разлетаясь, подобно стайкам воробьев. Мы мечтаем о доме, не о том, каким он был, а о том, каким хотели бы его видеть. Планируем отправить туда свой прах, когда умрем.

~

Это могло быть любой молодежной группой, системой поддержки из пяти, десяти или пятнадцати человек в больших или

маленьких городах, возможно, не в городах, может быть, в общественном центре, по-спартански оснащенном офисе или даже чьей-то гостиной. Мы сидим и говорим о том, откуда мы родом, в какие школы ходили, о друзьях, которых потеряли, о первом сексуальном опыте. У нас определенная связь, потому что мы здесь вместе, потому что мы вытащили стулья из-под других столов, чтобы рассесться за этим, потому что все знаем друг друга по имени.

А также даем друг другу новые. Джеральд - Мать, потому что бегает, заботясь о других членах группы. Джон - Джейн, потому что похож на Барби, блондинистый и несколько манерный, изначально сам предложивший это имя. Монти - Мэри, но избегающий даже слышать это. Он сразу злится.

Ларри - Хохотунчик из-за подпрыгивающего мягкого животика, когда он смеется, что случается часто, потому что и разговаривает и смеется в равной степени постоянно.

Сегодня не слишком удачная встреча. У нас новый участник, которого никто из нас толком не знает, и мы не можем остановить его слез.

- Я не хочу, - говорит он, всхлипывая. - Я не такой, хочу домой.

Его зовут Кевин. Высокий и долговязый парень, а его тонкие, цвета соломы волосы ниспадают на лицо и руки, которыми он прикрыл его. Он из небольшой фермерской общины, где остались дом и семья; ему тяжело в городе. Старики в барах сразу же

захотели подружиться с ним, а один, который казался приятнее остальных, оказался хуже ожиданий.
Итак, мы обсуждаем трудности мира, причины слез, и как впервые услышали слово *гей*: в детском перешептывании, в родительских шутках, в осуждениях проповедников, в радио ток-шоу. Обмениваемся историями о том, как услышали о молодежной группе: объявление в автобусе, консультант службы поддержки, листок в гей-баре, телефонный справочник. Сразу ли пришли на первую встречу или вначале обошли квартал десять, может быть, и двадцать раз.
Плач Кевина прекратился, и он слушает, глаза, правда, еще не совсем просохли от слез. Мы, конечно, беспокоимся о нем, как, впрочем, и о себе. Люди умирали от горя в тоске по дому, попадали в сложную компанию, принимали слишком много наркотиков, были сексуально безрассудными.
Кевин смотрит на нас, и отблеск печальных ангелов в его еще влажных глазах.
- Я хочу жить в деревне. Вести простую жизнь. Есть ли вообще в деревне геи?
Улыбка, первый признак веселого комментария, но нужно сдерживаться, с одной стороны, надеясь, а с другой, вспоминая и печальные моменты.
- Ты можешь поступать так, как хочешь, - Джеральд, он же Мать, воркует, словно пух из подушки или одеяла получил способность к увещеванию, - но помни, никто тебя не принуждает. Это только твой выбор.

На секунду все мы, в этом кругу, вдруг видим себя и друг друга там, куда ведет выбор каждого из нас.

~

Я смотрю на небо, изогнувшееся дугой, сияющее, испещренное белыми крапинками. Подобно отражению восходящего солнца в глазу парящего ястреба. Есть границы, очерченные, словно контуры лежащего тела, они разбегаются паутиной, как трещины в яичной скорлупе, как отзвук начинающегося разлома. Эти границы образуют острова, и на всех этих островах есть люди. Некоторые из них заметны, но большинство нет, они вне поля зрения моих глаз, даже вне поля зрения ястреба.
В моей стране я думал только о ней. Теперь, когда я в этой новой земле, думаю не только о ней. А вижу перед собой все новые и новые земли, такие разные, которые существуют и не существуют, дрейфующие где-то за пределами даже всего того, что могу себе представить.

~

Это место, кемпинг, угнездившийся на острове, острове Солт-Спринг*, очень популярен. Теперь, когда мы снова здесь, после многих, прошедших лет, кажется, что он проступает чем-то новым из-под толщи окутывающих его облаков.

* **Salt-spring Island** - самый большой, густонаселенный и часто посещаемый остров архипелага Южного залива Британской Колумбии. Рядом о.Ванкувер.

Весьма патетическое заблуждение, думаю, так это называют, верить, что природа отражает настроение. Здесь из нового лишь только я сам. Тем не менее, если мы приписываем какие-то ложные качества себе и другим, то почему в отношении неба и моря может быть по-другому?
Что значит сказать, что я - стал новым? Однажды на уроке философии наш учитель Доминик, квебекец с прической семидесятых, певучим акцентом и очками в черепаховой оправе, излагал нам теорию о ложности убеждения, что мы являемся одним человеком на протяжении всей жизни, который меняется, растет и сбрасывает кожу; вместо этого мы просто сгустки эмоций, мыслей и кратковременной памяти, которые связывают нас с самими собой. Соглашаться или нет? Я расскажу свою версию: что было всегда, это предпочтение мужского и любовь к мужчинам, и что теперь все это похоже на мальчика, который знал, что умеет плавать, но никогда не видел воды, никогда не был в воде достаточно глубокой, чтобы даже держаться на плаву, чтобы забраться руками в мягкий водородно-кислородный живот и сразу подтянуть их к себе. И вот, - вода.
Я иду, подхожу к краю озера. Наклоняюсь, чувствуя изменения и напряжения в мышцах и костях. Поднимаю первый попавшийся камень размером с кулак. Бросаю в свое изображение на воде. Оно распадается на множество образов, вибрирует, как стая маленьких селедок, удирающих в ощущении опасности.

А я снимаю одежду, обувь, рубашку, брюки, все. Не забыть часы. Отражение передо мной - деревья на берегу, темнеющее небо, мазок оранжевым на горизонте, похожий на верхний лист стопки газет, оставленных на солнце и сменивший цвет. Я предвкушаю холод, активизацию чувств и, одновременно, полное погружение. Колени чуть сгибаются, я прыгаю вперед.

Когда ныряю, то перед этим вдохнул воздуха. Теперь этот голубой кислород поступает в ноздри и легкие, волосы подобны небольшой медузе, а я всплываю к небу, которое того же цвета. Я заново оживаю. Семикратно. Каждый оттенок лазури — новая страна, новая жизнь.

Почти лечу

Когда Аюми думает об Австралии, вспоминает в первую очередь свою собственную страну, Японию, - своего рода, маленький круглый камешек, твердый и древний. Неизменный. Она бросила этот камень в озеро, и вот, один из далеких кругов дошел до Австралии, в тысячу раз больше, с нечеткими, не до конца сформировавшимися краями, новой земли.
Ее первое появление: все другое здесь позволяло отвлечься. Никакого бесконечного круговорота вокруг себя, подобно собачке в погоне за собственным хвостом. Здесь есть куда смотреть: желтые цветки плюмерии, развертывающиеся спиралью из центра соцветий, как праздничный серпантин; ибис, совершенно незнакомая раньше птица, с длинным крючковатым клювом, похожим на саблю; летучие мыши над головой, рассекающие в небе, когда начинает смеркаться.
Она была всего лишь девятнадцатилетней девочкой, и побег длился год: ровно триста шестьдесят пять дней, которые начались с японской школьницы в гольфах и заколках для волос, а закончились молодой женщиной в элегантном черном платье, не очень-то

держащейся на каблуках, но стильно взмахивающей челкой, с уверенной осанкой и чем-то таким, чего раньше не было, в глазах.
Могла ли она оставить это? Именно здесь она впервые напилась, огни Бонди-бич* в Сиднее пульсировали вокруг, ночная толпа раскачивалась в новом ритме. Безрассудство: однажды пришлось спать на скамейке в парке, совершенно не было денег на пути автобусом до Золотого берега**. Кроме того, это был первый раз, когда Аюми путешествовала одна, не считая перелета из Токио в Сидней. Хотя на этот раз все было по-другому. В самолете она была скована изогнутыми пластиковыми стенами вокруг, пристегнута ремнями к розово-красным сиденьям. Снаружи лишь небо и облака, и только направление, в котором притяжение влекло ее. Но здесь, за окнами поскрипывающего автобуса, целый веер направлений, страна, растянутая подобно мягкой карамели, все дальше, дальше и дальше. Первый поцелуй: еще нет. Но она была близка к тому, и, да, она знала, что это непременно произойдет, когда-нибудь. Учеба в школе была менее успешной. Хотя она говорила по-английски размеренно и аккуратно, но ясно и четко, но все равно это уже было большим шагом по сравнению с курсами английской литературы.
И даже если придется вернуться в Японию,

* **Bondi Beach** - белопесчаный, очень популярный в Сиднее пляж.
** **Gold Coast** - крупный город в юго-восточной части австралийского штата Квинсленд. Основан в 1959г.

разговаривая по-английски лучше, чем большинство ее когда-то однокурсников, нет понимания, где возможно использовать новые достижения.
После бурного последнего месяца путешествий настолько далеко и настолько долго, сколько вообще в силах, чтобы увидеть как можно больше гигантского острова, она вернулась домой, размышляя, как объяснит родителям, что провалила половину тех курсов, но это не имеет большого значения. Действительно, не имеет.

~

***Надеяться* и *мечтать* — одно и то же слово в японском языке. Поэтому, когда Аюми хочется рассказать кому-то о своих тревогах, она сразу представляет, а не подумают ли они, что так можно накликать несчастье. Да и, в общем-то, поговорить обо всем этом не с кем. Так как по возвращению в Осаку стало понятно, насколько мал круг тех старых друзей, с которыми хотелось бы увидеться. За кофе с пирожными (она забыла, как все дорого здесь!) и одним из тех друзей они разговорились об учебе, городе, одноклассниках.**
- А ты видела кенгуру? Ездила к Айерс-Рок*? Пробовала серфинг? Как там погода?
И ничего о новой *погоде* внутри нее.
Родители, как и прежде, не разговаривали друг с другом;

* **Ayers Rock (Uluru/Улуру)** - большой монолит из песчаника недалеко от центра Австралии. С 2019г. подъем на гору запрещен.

когда ей было семь, резкие слова и крики внезапно прервались, повисая в воздухе, как выбитые стекла в череде окон. Ушам требуется время, чтобы читать в этом безмолвии, похожем на тишину самых древних храмов.
Итак, все те образы так и остаются в ее голове, преследуя днем: персонажи японской *манги*, пробираются через сюжеты австралийских и британских мыльных опер; крикливые серферы и спасатели, проносятся японскими садами камней и через храмы; суши-бары со стеклянными прилавками, заполненными пластиковыми копиями бургеров и чипсов; девушки-гейши в плохо сидящих бикини. Являются ей в ночи и также исчезают.
Ее матери хуже, чем раньше, она, кажется, разговаривает сама с собой в последнее время, и гнев преследует ее подобно птице, парящей где-то позади. Отца же нигде не видно, он приходит домой поздно, говорит мало. Брат уехал несколько месяцев назад в Сингапур, чтобы стать евангельским* священником. Что несколько удивляет, но выглядит завершением увлечений три года назад со внезапным появлением в доме аккуратных пачек религиозных брошюр и листовок, Библии рядом с его футоном**. Теперь здесь, с родителями, она уже понимает, что не сможет продолжать учебу в университете: организованный учебный

* ответвление протестантизма
** традиционный японский матрас, обычно размещаемый прямо на полу.

процесс, напряженные экзамены, масса студентов, - все это имеет конкретное направление. А что за направление у нее самой? Она приобрела устойчивую слабость, большое пространство ночной пустыни внутри, просыпающееся и засыпающее в собственном ритме. Расписание сформировалось: работа при возможности ее получить. Домашние заботы потом, помощь матери. Ночью - письма своим друзьям в Австралии, в которых она восхищается местными названиями.
Вуллонгонг, Канберра, Куджи. Письма короткие: две или три страницы, заполненные аккуратным квадратным почерком, тонкие листы рисовой бумаги или дурацкие женские листки в розовых и голубых тонах с глазастыми мультяшными персонажами. Все это осталось с тех пор, как она уехала, но совершенно очевидно, что если пойти покупать новые, дизайн будет почти таким же.
Начало всегда одно и то же:
- Как дела?
Затем несколько коротких абзацев: что происходит в городе, возможно, погода, несколько вопросов и несколько строчек о том, как она работает, или что читает, или о домашних делах.
Лишь через несколько месяцев содержание изменяется:
- Я слишком высокая и толстая, кожа лица не идеальна. Кто-то на улице назвал меня уродливой недавно. Люди смотрят на меня, и даже начальник попросил хотя бы попытаться

что-то с этим сделать.
Или так:
- Я ушла из книжного магазина. Мне показалось, что это пустая работа — кланяться покупателям, упаковывать покупки. Я не смогла найти общий язык с другими девушками, работавшими здесь, - они постоянно лишь хихикают и сплетничают.
За этот период пришлось сменить множество мест работы: диспетчер паркинга, продавщица в продуктовом магазине, продавец-консультант в универмаге. Но много времени Аюми проводила, разглядывая себя в зеркале. На самом деле, она совсем не толстая, но высокая, и по сравнению с достаточно хрупкими женщинами, которых можно наблюдать на улице, она чувствует себя чудовищной, нескладной.
К тому же, у нее индивидуальные особенности, - родинки. Ирония сквозит в том, как это звучит по-английски, так как японцы не считают их чем-то особенным, если только не лишними. А просто чем-то не очень удачным, вроде созвездий разбитых звезд.
- Я не знаю, что делать. Мне не очень-то нравится жизнь. Иногда я думаю, каково это — умереть.
Друзья быстро отвечают ей. Они предлагают консультантов (она никого не знает); психологов (которые только для действительно больных); действительно заняться учебой в университете (после того, как она уже ушла оттуда); и физическую активность (девушки не занимаются спортом).

А также найти хобби, попытаться расширить круг друзей, попробовать найти поддержку со стороны семьи.

~

Когда она просыпается, глаза медленно открываются, зрачки расширяются от яркого света, то первые слова всегда:
- Это еще не предел.
Но еще одна неудача, на самом деле. Но и она не из тех, кто просто пытается привлечь внимание. Шести раз должно было хватить.
Да и понятно, что она не очень хорошо разбирается в человеческом теле: сломанное бедро и нога, переломы запястья и руки. Что для этого нужно? Она ожидала, что прыжок будет чистым, быстрым и в конечном итоге безболезненным. Вместо этого месяцы лечения. Ограниченная больничной койкой, окруженная медсестрами, которые принуждают, своим фальшивым сочувствием, чувствовать себя ничтожной и жалкой. По крайней мере, теперь есть распорядок дня, что-то, чем можно заняться на протяжении долгих больничных часов: правильное и своевременное питание, регулярная физиотерапия. Да, в общем-то, она не возражает. Любимое время — поздняя ночь: редкие и приглушенные звуки каблуков по полированному полу, такой же редкий звук кроватей или кресел в коридоре, тихое жужжание машин и ламп, и дыхание.. везде: вдох - выдох, выдох - вдох.

~

В течение следующих семи лет работать приходилось периодически, но никогда больше четырех или пяти месяцев непрерывно. Что сменяется временами чтения, долгих прогулок по улицам днем, бесконечной уборки и наведения порядка в доме. Письма друзьям становятся реже, но возвращаются к первоначальной стилистике: информативной и сердечной. На другом конце этой бумажной связи в целом испытывают облегчение. Задаются вопросом, конечно, насколько продолжительным будет установившееся спокойствие, но довольны тем обстоятельством, что письма гораздо менее тревожные, чем раньше.
Однако, никаких новостей о матери Аюми. Фактически, ее друзья ничего не знают о ее семье: молчаливый отец-бизнесмен, который едва выглядит живым; брат, который приезжал, чтобы навестить семью после переезда в Сингапур, всего три раза за все эти годы; мать, чье состояние ухудшалось, иногда быстро, иногда не слишком.
Вот то, что занимает большую часть времени. Да и в этом много дел на кухне, не говоря об уборке, она ходит по магазинам и, вообще, полностью занята домом, даже не осознавая этого. У матери случаются нервные приступы, с бредом и уходами в себя. Иногда Аюми сопровождает ее в психиатрическое отделение местной больницы. Это странная рутина, но есть понимание, что не только

тело может приобрести выносливость, но и разум тоже. Она больше не беспокоится о том, как выглядит. У нее хватает того, чем заполнять дни.
Когда сбережений становится достаточно, чтобы оставаться в Австралии почти на год, она уже не просит разрешения у отца уехать, а объявляет об этом. Выражение его лица, как всегда, мало что выдает, но повод для внезапного удивления более чем весомый, когда он вручает ей сумму, которая вполне достаточна для шести месяцев. Он же советует поискать хороший обменный курс для иены. Она готовится к отъезду.

~

Теперь, вернувшись в Австралию почти на шесть месяцев: птицы, летучие мыши, пляжи, - все так же прекрасно, как и грандиозный мост Харбор-Бридж*, паруса Сиднейского оперного театра. Можно разгуливать часами, посещая все любимые места. Приятно удивляет и то, что почти все университетские друзья остались здесь, чтобы никогда не возвращаться туда, где родились. При встрече с ними, все отмечают, как хорошо она выглядит.
После месяца проживания в молодежном хостеле Кингс-Кросса**, она находит работу няни при молодой австралийско-японской паре с тихим двухлетним малышом Таро, все еще

* **Harbour Bridge** - самый большой мост в Сиднее, один из самых больших стальных арочных мостов в мире. Открыт для движения в 1932г.
** **King’s Cross** - восточный район Сиднея.

достаточно маленьким для добродушия и легкости ухода.

~

Его голос слышен даже прежде, чем покажется он сам, потому как вечно он с кем-то болтает в холле и комнатах. В хостеле оживленно, энергичные, деловитые туристы переговариваются и обмениваются полезными дорожными советами. Она в целом очень самостоятельна, поскольку придерживается старых маршрутов и заново постигает звуки города, но все-таки втягивается в разговор, проникшись *его* энергией. Это Мартин. Сначала она принимает его за американца, но сразу узнает эту легкую причудливость и округлые, канадские, гласные. Он простого и не слишком изысканного вида, который вызывает, все-таки, улыбку. Буквально, персонаж книжки-раскраски, но совершенно не желающий ограничиваться линиями контура. Можно лишь представить, какие взгляды он привлекал бы в Японии. Это быстрый роман. И завершение *его* странствий, а не начало. На машине-развалюхе с сумасшедшим датчанином, который остался в Перте*, и сдержанным англичанином, только недавно отправившимся по своим делам далее, они изъездили всю Австралию. Алис-Спрингс, Кэрнс***,**

* **Perth** - очень крупный город в Западной Австралии. Основан в 1829г. Население свыше 2 млн. человек.
** **Alice Springs** - небольшой город почти в центре континента. Основан в 1872г. Население ок. 33 тыс. человек.
*** **Cairns** - крупный город на северо-востоке Австралии. Основан в 1876г. Население ок. 160 тыс. человек.

и даже, воспользовавшись паромом, посетили Тасманию. После двух месяцев в Сиднее у Мартина образовалось немного денег, так как он работал в колл-центре, но ему надоело отвечать на вопросы о мобильных телефонах, поэтому он продолжил путешествия. Таити и Фиджи* — стали следующими остановками перед возвращением в Кингстон.**
Где он и вырос, на молочной ферме на окраине города, довольно далеко от Торонто. Где приобрел широко раскрытые глаза, как у типичного сельского жителя, и такой же типичный местный выговор.
- Как ваши дела?
Его длинные светлые волосы и щетина путешественника наводят на мысль, что он где-то похож на Курта Кобейна*. В шутку она говорит ему, что ее зовут Аюми Лав.**
Жарким и влажным полднем, он берет ее руку, широко и энергично раскачивая ее. Суставы и мышцы его рук подвижны, как вода; ее же рука неловко улетает вперед, напрягаясь в плечевом суставе. Даже когда другие школьницы вот так брались за руки и двигались по тротуару небольшой цепью темно-синей униформы, Аюми удавалось остаться в стороне.
Теперь они держатся за руки и она чувствует этот ритм. Заглядывает Мартину в задумчивые глаза, когда их руки прекращают движение.

* архипелаги недалеко от Австралии.
** **Kingston** - город на юге канадской провинции Онтарио. Основан в 1673г. Население ок. 135 тыс. человек.
*** вокалист культовой группы *Nirvana*. Его жена, Кортни Лав, не менее известна в мире шоу-бизнеса.

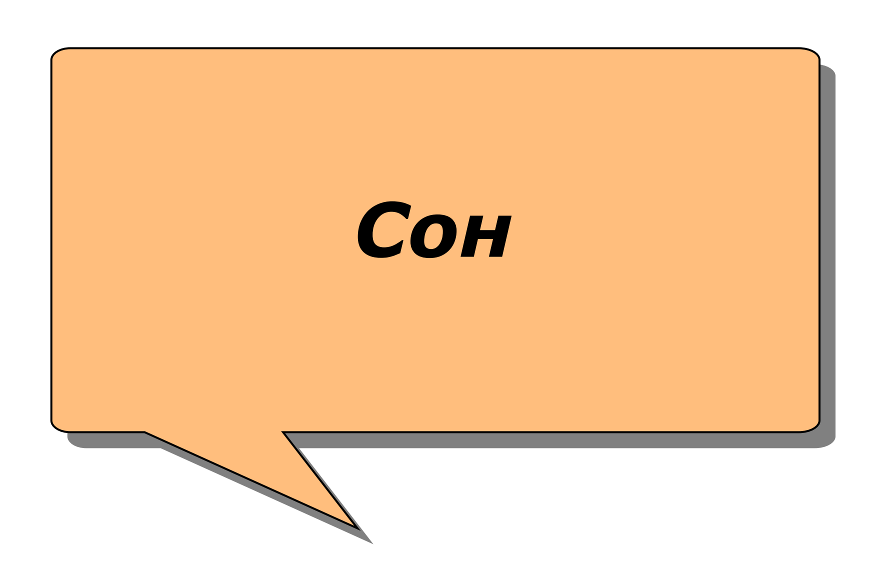
- На что похоже?
Ей требуется всего мгновение, чтобы понять, - так глаза привыкают к темноте.
Это слышится эхом, наконец, возвращающимся издалека. Потому что Мартин не мог и слова сказать, когда она впервые рассказала ему свой секрет, и еще долго молчал после этого. Теперь ее очередь молчать. Хотя она понимает, о чем он, но о чем именно из того? Взлет, падение, удар о землю? Внутреннее восприятие или стремительно кружащееся небо вокруг?

~

После двух месяцев вместе, Аюми, конечно, с ним в автобусе в аэропорт. Они молчат до последнего момента, прежде чем ему придется проходить пограничный контроль. Он обнимает ее за голову, положив руки на макушку. Когда она поднимает глаза, то с удивлением обнаруживает, что он плачет, веснушчатое лицо покраснело и стало мокрым от слез. Но она не плачет, а лишь смотрит на него с изумлением.
В телефонном разговоре через неделю, Мартин сообщает ей, что отправит билет на самолет, как только заработает достаточно. Он не знает, что она и сама может купить билет. Но будет ждать не этого, (хотя и воспользуется им, если так случится), а доказательств серьезности предложения.
И когда она играет с молодым Таро под австралийским солнцем, размышляет о том, как выглядит Канада. Мартин говорил, что

очень похожа на Австралию, но холоднее и пляжей там значительно меньше. Сразу возникает вопрос, а рассказал ли он о ней родителям, и мечты уносят туда, где они собираются всей семьей среди спокойствия и уюта канадской кухни. Его отец разговорчив и хочет знать о Японии. Мать Мартина хочет знать об Австралии. Они смеются, рассматривают путевую фотоколлекцию Мартина.
Вспоминается день, проведенный вместе с ним в зоопарке, животные, которых никогда раньше не видела, теплый трепет внутри, подобно крыльям ночной птицы. Мартин хватает ее за запястье, поднимая ее руку перед собой. Неловкий жест; но предвестие того, что он ей сейчас что-то расскажет. Западные люди иногда буквально выплескивают свои признания, сродни океанскому приливу, оставляющему после себя сокровища на песке.
- Я понял, что знаю тебя с того момента, как впервые увидел. Все, что ты говорила, лишь подтверждает это.
Она сдерживается, чтобы вдруг не кивнуть, потому что знает, это будет ложью. Где-то внутри она понимает. Остальная же ее часть не слишком уверена.
- Полюби меня, Аюми. Это возможно?
Тогда Мартин не получил ответа, и может пройти некоторое время, прежде чем эхо этих слов догонит ее в смысле понимания.
Пока остается надеяться, что Мартин никому не расскажет ее секрет и даже не помыслит об этом, особенно относительно своих

родителей.
Всей, присущей ей чужеродности, от жестов до угольно-черных ресниц, вероятно, уже для них достаточно. И однажды стоит ждать того, что она пробудет за пределами Японии настолько долго, что старая страна исчезнет, подобно шелковому кимоно, унесенному ветром. На ней будут новые одежды, может, она даже попробует прочувствовать себя североамериканкой, раскрываясь, подобно весеннему цветку. Быть может, настанет тот день, когда она расскажет, как близко к настоящему полету все это было.

Мне не спалось.
В комнате душно, будто пространство переполнено мыслями. Жарко, как в театральном зале перед началом представления. Хотя здесь всего лишь я, но нужно открыть балконную дверь, впустить воздуха. Третий этаж и жара нарастает. Сверчки стрекочут в своем обычном то стихающем то нарастающем ритме, и улица, куда выходят окна спальни, как огромная раковина улавливает эхо издалека и поблизости: грохот ревущего двигателя, лязганье автоматических гаражных ворот где-то спереди, вопли всегда чем-то недовольных пьяниц через дорогу, из квартала социальных домов, всякие посвистывания и гудки.
Я бы заткнул уши, было бы чем, но я забыл купить новую упаковку затычек для ушей. Эти шесть идеальных, маленьких толстеньких гибких цилиндриков, идеальная упаковка, словно полдюжины яиц. Чуть сжимаешь мягкий материал, засовываешь внутрь уха, и вместо ночного шума слышишь только звук сердца и дыхания. Но ночью они выпадали, закатываясь под подушку или под одеяло, может быть,

укатываясь под кровать, в кроличью нору из пыли в углу. Вот и потерялись по одному, все до единого. Так что, вариантов никаких. Сегодня я заснул пораньше в комнате на первом этаже, с высоким потолком, как в Европе, чистой, высокой, не загроможденной ничем, с приглушенным освещением, приятно освежаемой ветерком снаружи. Конечно, голоса соседей через открытую заднюю дверь время от времени будили меня. Интересно, слышали ли они наши стоны и сбивающееся дыхание?

У Патрика нет проблем со сном, его гибкая рука удобно, буквой С, устроилась на мне. Впрочем, именно его рост привлек меня, вынуждая поднять глаза, и уже взгляд его серых глаз устремился на меня. А я слегка сместился вниз на его рот, внезапно разошедшийся в дурацкой заразительной улыбке с хорошими, крепкими зубами. Чуть ниже, - немного щетины под губой и над подбородком. Я слышал, что такое называют *джаз-патч*, пока кто-то не сказал мне, что это *империал*. На вид, - очень даже.
Я мог бы спать там, просыпаться с утренним светом, проникающим через стекла задней двери, рассматривая тени, которым ничто не препятствует медленно перемещаться по стенам. Позевывая, думать о кофе, апельсиновом соке или утреннем ирландском* чае.

* **Irish Breakfast tea** - смесь нескольких сортов черного чая повышенной крепкости.

Простыня тоже была как раз подходящей текстуры и веса. Чувствовалось, что она дорогая. Хлопковые нити идеально выверенные ткацким станком, задуманы обеспечить такой же комфорт, с каким веко накрывает глаз. Или, может быть, это просто ощущение веса его руки, надежной, теплой, но сухой. Грудь у Патрика широкая, массивный торс, а вот ноги и руки — изящные и легкие. Настоящая колыбель для меня.
Одеяло (здесь говорят *дуна*) слишком тяжелое для такой погоды, но и простыня максимально легкая — она давно в пользовании, на ней есть очень тонкие места, вот интересно, сколько ей лет?
Кто-то, когда-нибудь задумывался, что ворсинки, собирающиеся в фильтре сушилки, — это одежда, медленно растворяющаяся с каждым циклом стирки и сушки? И простыня, конечно, стиралась множество раз. Пот и другие телесные жидкости регулярно впитываются и так же регулярно удаляются.
Мне нужно что-то надеть, чтобы спать. Открытый воздух раздражает кожу, поэтому я не могу спать голым. Но хотелось бы. Я помню пижамы: мягкой фланели зимой, тонкого, почти невесомого хлопка летом, хотя всегда мама решала, когда сменить сезон. Уже в старшей школе я отказался от них. Установив, что футболка и нижнее белье единственные вещи, в которых спят мальчики-подростки.
Включаю лампу на прикроватной тумбочке и небольшой вентилятор/обогреватель,

купленный здесь же, потому что в Сиднее зимой намного холоднее, чем утверждают туристические путеводители. Это первый раз, когда я использую его летом. Он сейчас в режиме вентилятора, - пусть крутится. Но он слишком шумный.
Только недавно я заметил, как много людей испытывают проблемы со сном. Коллеги, например, со слипающимися глазами, если поинтересоваться причиной, говорят, что у них была плохая ночь. Может, это из-за жаркой погоды, местные тоже не могут к ней привыкнуть.
Удивительно, но Эрик в последнее время хорошо спит, хотя написал мне по электронной почте, что немного возбудился после наших недавних разговоров и спать нормально не мог. У Эрика ужасный комплекс по поводу того, что он спит с кем-то, именно тогда у него действительно возникают проблемы. Он часто лежал без сна рядом с Крейгом. Четыре года пялился в потолок, беспокоился, что разбудит его. Иногда, выползая из кровати, пытался уснуть на полу. Ничего не помогало. Ромашковый чай, мед и молоко, травяные сборы, снотворное: перепробовал все. Хуже всего, что спираль раскручивалась: все больше и больше расстраиваешься из-за того, что не заснуть, нервное состояние повышается, сердцебиение учащенное и в дневном ритме, - вечером не уснуть опять.
Возможно, поэтому они в конце концов расстались. Когда Эрика все-таки стали

расспрашивать, он признался:
- Ну, вероятно, я никогда не доверял ему достаточно.
Возможно, поэтому он влюбился в меня, потому что ночью после того, как мы занялись любовью, что отличалось от тех первых встреч, когда был просто секс, мы оба решили, не признаваясь, что нравимся друг другу. И после идеального обоюдного оргазма мы одновременно погрузились в глубокий сон, проснувшись десять часов спустя.

~

Я, должно быть, сошел с ума, ввязываясь в отношения на расстоянии. Я всегда говорил, что никогда такого не сделаю. Огромные счета за телефон, прощания в аэропорту, время в разлуке. Хуже всего то, что ты только наполовину там, где сейчас, а наполовину далеко.
Однако, поскольку Эрик не жил в Сиднее, я даже не думал о возможности отношений, когда мы познакомились. Я ослабил бдительность, а когда попытался собраться, то понял, что уже очень давно не встречал никого, кто произвел бы на меня такое впечатление.
Его отношения с Крейгом закончились неудачно. Они отдалились друг от друга и полностью прекратили заниматься сексом, но Эрик все еще, как ожидалось, должен был хранить верность.
- Со мной, - говорит он, - посмотрим, как

оно будет: заниматься сексом с другими людьми, когда мы врозь, и пусть все идет как идет. Поразмысли над этим, - сказал он мне. Но я уже согласился.
В Окленде на два часа больше, чем в Сиднее, он, вероятно, заснул и в фазе *быстрого сна* — глаза мечутся под веками, как золотые рыбки в аквариуме, золотые рыбки на амфетаминах. В газете на прошлой неделе я читал о сне, последних теориях на этот счет. Одна из них, что мозгу нужно выводить отходы метаболизма. Это создает определенного рода галлюцинации, т. е. сны. Другая в том, что мозгу просто нужна тренировка, чтобы бодрствовать. Он выхватывает случайные мысли настоящего и прошлого, упорядочивает их по-своему, сочетая единым порядком. А сны..? По-видимому, вообще ничего не значат.
Патрик в нескольких кварталах отсюда, тоже, должно быть, спит. Завидую такому крепкому сну, - он тогда даже не проснулся, когда я поднял его руку и соскользнул с огромного матраса. Оделся, нашел блокнот, написал: *Спасибо Патрик, увидимся. М.* Хотя в темноте и при моей, все-таки, общей сонливости, буквы в слове *увидимся* вышли странным росчерком. Думаю, утром он разберет. И то, что вот так остаться на ночь на первом же свидании может означать слишком много обязательств, как и написать *прекрасный ужин* или *это был приятный вечер*.
Эрику хорошо известно, что иногда чем больше пытаешься уснуть, тем больше

думаешь. То же самое и с медитацией: пытаешься прочистить голову, но не можешь перестать думать, что ясности нет и следа. Поэтому цель, хотя она и не поможет на этот раз опять не вспомнить то же самое, — просто делать и все. Спи. Медитируй.
Я беспокоился, что при встрече с Патриком за ужином потрачу так много времени на размышления о том, как бы не особо болтать, что разговорами буду заниматься только я. Но нет. Я просто сделал это. Пришел. Завязал дружескую беседу. Поцеловал его, когда не смог удержаться. А еще был горд тем, что не поддался искушению словоизлияний, признаний.
Главное, конечно, что никто из нас не расспрашивал друг друга о парнях и отношениях. Предполагаю, что мужчина с его опытом не вряд ли ожидает, что я свободен, просто потому, что я сам позвонил и пригласил на ужин. Просто потому, что я отказался от десертов и заявил:
- Давай вернемся к тебе.
По крайней мере, не в Сидней. Я имею в виду, предполагается.
Но также я сдержался, чтобы рассказывать ему об обстоятельствах нашей встречи. Он лишь заметил:
- Мы уже встречались.
- На танцполе, - добавил я.
И мы разговорились относительно того, где это могло произойти. Но в чем я мог бы признаться и наговорить слишком много, так только относительно единственного

воспоминания, которое осталось от хотя и произошедшего много месяцев назад, но как я тогда лишь поднял глаза, увидел его и подумал «секс». Секс. И он улыбнулся. Может быть, прошло пять минут, может быть, двадцать — никогда не знаешь под *экстази*. Потом он растворился. Или я.

Только тогда я и видел его.

До этих выходных. Он зашел в бар, а я посмотрел на него, не отводя глаз. На ум приходят такие слова, как *нагло*, *отвязно*, *дерзко*, но он держался уверенно, кивал, разговаривал с другими, включая моих друзей, прежде чем я наконец подошел представляться.

- Мы уже встречались, - успел сказать я, прежде чем он извинился, что у него дела.

Когда он ушел, я сразу спросил у Табиш:

- Патрик свободен?

Желательным ответ, который хотелось бы услышать:

- Нет. У него длительные отношения. Но они договорились, что могут развлекаться и на стороне, а Патрику нравится заниматься сексом с парнями. Такими, как ты.

Но все оказалось так:

- Да, он свободен.

Широкая улыбка с весёлостью в голосе.

- И он в поиске. Он спрашивал о тебе.

Сердце встрепенулось.

- Я дам тебе его номер телефона.

Мой друг Адам из Лондона мог не спать ночами, его глаза лишь становились все шире и шире в этот период, иногда, когда я

разговаривал с ним, будто свет мигнет, и безо всякого перехода казалось, он засыпает и просыпается в той же секундой. Если не знаешь, что у него бессонница, просто подумаешь, что у него немного кружится голова. Я не мог себе представить, каково это — вот так не спать. Что влияло на отношения. Его бойфренд Бен был ощутимо разочарован, и вдобавок ко всему они обсуждали моногамию.
- Ганана-банана, - сказал бы я шутку. Прыгай ко мне на коленки. Или если бы сложилось трио, где все верны друг другу, получилась бы тригонометрия, да?
Но правда в том, что мне не приходилось сталкиваться с подобным. Одинокий, свободный парень, вечно не состоящий в отношениях, - это я, и я никогда не мог найти то, что искал. Рассуждая, что когда найду, меня завалит интересными мужчинами. Потому что таково правило: когда моешь машину, идет дождь; когда ты в отношениях, появляются и другие, интересующиеся тобой, помимо твоего парня; когда ты свободен, ты свободен.
Поэтому вполне логично, что как раз тогда, когда нашелся кто-то, кто действительно очень и очень понравился, а еще, надо сказать, не жил и не живет в том же городе, сразу появился другой, кто мне интересен. Как Патрик.
Иногда я задумываюсь о людях, которые работают в ночную смену. Вразрез общему потоку, в противоположность внутренним

часам, но они открывают для себя небольшую нацию людей со схожими взглядами или положением. Сейчас они бодрствуют в ночных кафе, магазинах, на заправках и в больницах. Я присоединился к их статусу. Возможно, я попробую вздремнуть сегодня позже. Хотя никогда не спал хорошо. Засыпаю слишком глубоко и, проснувшись, чувствую себя более уставшим, чем ранее. И брожу в шатком оцепенении, пока логика и социальные нормы не скажут, что пришло время лечь спать. К некоторым из этих норм прислушиваешься, к некоторым нет. Стандартные гласят, что я должен быть с женщинами, а не с мужчинами.
Гетеросексуальные правила таковы: держись того, что имеешь, не стоит увлекаться. Представители всех сексуальных ориентаций нарушают эти правила.
Интересно, какие правила нарушает Патрик. А также, были ли у него долгие или краткие отношения, было ли их много вообще, оставался ли он в друзьях после того, как расставались, всегда ли так хорошо спит, какую сторону кровати предпочитает, любит ли спать один.
Наконец, интересно, станет ли Патрик хорошим другом, если веселая возня в постели трансформируется во что-то более спокойное. Что, если с Эриком ничего не получится, а я откажусь встречаться с Патриком, и к тому времени, как мы с Эриком расстанемся, Патрик будет с кем-то другим? Или, если все это обернется безумным

романом, и я просто окажусь в одной из тех ситуаций, когда нужно будет сделать выбор? Я уверен, если Эрик жил бы в том же городе, я развлекался бы с ним дома и регулярно виделся бы с ним. Сказал бы ему, если собрался заниматься сексом с кем-то другим, и мы договорились бы заниматься сексом только с теми другими, кто сексуальны, но неинтересны в привычном смысле, кого подцепили в саунах и барах. Я часто задавался вопросом, смогу ли когда-нибудь спать всю ночь с кем-то рядом. Обычно я слишком беспокоен, чтобы хорошо спать после секса. Неудивительно. Я вступил в такой контакт обнаженными в те первые годы после, как почти прошли мои подростковые годы, безо всякого даже глубокого и влажного поцелуя. Как мое сердце могло не трепетать, когда лежу в чьей-то чужой кровати, в чьем-то чужом доме, может быть, в чьем-то чужом городе? Все эти первые романы были не просто сексом, они были началом нового мира, показывали, как много еще предстоит исследовать. В последнее время, если я с кем-то, постоянно просыпаюсь ночью. Может быть, я действительно привык спать один. Что поражает, так это пары, которые я встречал, настолько привыкшие спать вместе, что уже не могут спать порознь. Вот это сродство, так сродство.
Поэтому меня удивляло, как хорошо мы с Эриком спим вместе.
Большинство ночей первой недели нашего знакомства. И каждую ночь из тех пяти дней,

когда я навещал его пару недель назад. Даже если у Эрика и были проблемы со сном одну или две из тех ночей, он сказал мне, что я не замечал, как он вставал с кровати и возвращался обратно. Спал всю ночь.
Сколько времени нужно, чтобы привыкнуть к кому-то настолько, чтобы можно было спать с ним рядом? Мне никогда не нравились связи на одну ночь, потому что где-то глубоко внутри я беспокоился о безопасности. Убийцы с топором и психи. Когда незнакомец в твоей постели до утра или вы в чужой квартире. Хотя некоторые предпочитают такое быстрым встречам в парках или саунах. Возможно, есть смысл такого рода, что некоторым людям нет необходимости привыкать к другим. Или к ним не нужно привыкать. Вы уже такие.
- Если любишь кого-то, — гласит поговорка, - не неволь его.
- Если он не вернется, — гласит пародия на нее, - выследи их и убей.
Над *этим* стоит поразмыслить.
Я бы выбрал первую мысль. Мне хотелось бы верить, что если вам действительно суждено быть вместе, и если другому нужно это проверить, то необходимо не препятствовать ему в этом. Если не вернется, будет больно, но это правильный выбор. Знаю, что идея романтичная и, возможно, не связана с тем, как устроена реальная жизнь.
С другой стороны, по крайней мере, я знаю, чего хочу. Нечасто встречаешь кого-то с пониманием, что чего-то достигнешь. Я каждый день встречаю мужчин, с которыми

хочу переспать, что не говорит о многом. Сидней переполнен ими. Каждый понимает, - это чрезмерно. И время от времени встречается кто-нибудь, разделяющий мое желание переспать с ним.
Периодически. Но это реже, чем действительно. Может, два раза в год или даже реже, хотя это лишь предположения. Временами, когда ты действительно думаешь, что существует что-то большее.
Я считаю такие случаи путешествиями по самым диким землям своих фантазий: пустыням и равнинам, джунглям и заливным лугам. Вдруг, неожиданно, мелькнет очень необычная птица или самое странное животное, дарующие возможность ощутить, насколько заповедным может быть мир. Это следует буквально впитать.
Я не знаю сейчас, конечно, никаких предчувствий в эту бессонную ночь, но Эрик уйдет от меня через пару месяцев к кому-то другому. А я не буду разговаривать с ним несколько месяцев после того.
Патрик? Иногда все та же заразительная улыбка и теплые приветствия, но мы никогда не общаемся больше нескольких минут, и все же не стали друзьями.
Но сейчас? Лежа на животе, а не на спине, перебираю всякие мысли. Эрик далеко, спит в другом часовом поясе. Патрик спит в этом. Я полностью проснулся, раздумывая, что слишком привык получать то, что хочу, или то, что, как мне кажется, хочу.
И задаюсь вопросом, что если я бы этой

ночью был в постели Патрика?
Я бы сейчас крепко спал и видел сны,
которые вообще ничего не значат.

Знаки

Нил увидел мое объявление. Гей-знакомства *фин-де-сикль: вы регистрируетесь в Интернете, кликаете на страницу, размещаете свое объявление, и вам отвечают. Потом можете обмениваться электронными письмами, а для более технологически продвинутых — фото, электронными, распадающимися на пиксели и собирающимися вновь на чьем-то экране.**

Я отметил: "Ищу того самого неуловимого *единственного*, но открыт для встреч с потенциальными друзьями, любовниками и просто знакомств для секса, как получится. Хочу встретить кого-то с правильным настроем и энергией, хорошего собеседника. Кого-то заинтересованного и погруженного в мир со здоровым вниманием к себе и отношениям, будь-то случайным или серьезным. Физически, я предпочитаю скорее симпатичных милым и смазливым.

И он ответил: симпатичный, одинокий, здравомыслящий и занятой профессионал, который любит путешествовать и часто позволяет себе это. Нравится широкий спектр музыки, фильмов, театра и вечеринок, -

* fin-de-siécle (франц.) - в конце века

все в меру. Помешан на воде и люблю гонки под парусом, лыжные спуски и еще более быстрые машины. Не откажусь от долгих неспешных трапез, интимного исследования партнера и пробуждения в сплетении друг с другом. Изучения искусства, исследований полупостроенного дома, продолжительных посиделок в послеполуденной дымке над гаванью с бокалом коктейля. В поиске искренности, веселья, интереса познавать.
Я ответил, что мне интересно.
Он прислал фото.
Я отправил ему своё и номер телефона.
Он позвонил.
Мы договорились о встрече.
На первом свидании мне понравилось в Ниле его скромность, будто он больше пытался произвести впечатление на меня, чем я на него. Мне нравится, когда кто-то прилагает немного усилий. Думаю, это хороший знак. Он говорил быстро, но с выдерживаемыми паузами, - своего рода азбука Морзе, полностью меня устраивающая. Потом говорил я. Снова он. Разговор получился.
Я консервативен, сообщил он, и я не знал, что это значит. Политически консервативен? У меня могли быть проблемы в плане понимания, что противоположности могут притягиваться. Финансово? Ну, кого волнует? Я сделал вывод, что он социально консервативен, вполне самодостаточный. Как часы, внутренняя часть — упорядоченная сложность, тогда как внешне - достаточная для понимания простота. Когда я уточнил, он

объяснил, что уравновешен и не слишком дикий.
Мы выпили кофе с пирожными в кафе, разделили счет, затем прохаживались под сенью густой листвы деревьев, мимо домов с террасами, некоторые из которых светились изнутри, другие — были темны. Мы оба устали с работы. И не собирались задерживаться допоздна.
Иногда неловко спрашивать людей, чем они занимаются. Это может показаться поиском чего-то конкретного. Я не такой. Но хочется знать людей, которым нравится их работа, а если же нет, они могут рассказать мне, что им действительно нравится.
Я познакомился с одним французом, который жаловался:
- Американцы. Всегда сразу спрашиваете о работе. Это так грубо.
- Хорошо, - подумал я. - Давай. Задай мне вопрос.
Он так этого и не делал.
Что касается меня, я работаю в организациях по борьбе со СПИДом. Обычно, они много себе позволить не могут. Выплачивают весьма умеренную зарплату. Работа же в странах по всему миру. Сэкономленные деньги уходят у меня на авиабилеты, чтобы навестить семью, поддерживают меня в те периоды, когда не работаю. Хотя и занимаюсь сферой политики и образования в области СПИДа, а у меня есть ВИЧ-инфицированные друзья, я забываю, каково это — жить с этой болезнью.
Люди говорят мне:

- Это здорово, что ты делаешь. Ух ты. Ты молодец. Это, должно быть, очень тяжело.
На самом деле, я сижу перед компьютером и телефоном большую часть времени. Думаю о концепциях больше, чем об отдельных лицах.
Нил же занимается исследованиями СПИДа. Раньше все сводилось к лечению пациентов в общей практике. Сейчас это исследования и клинические испытания. Его институт пытается найти способы улучшить действие лекарств. Скоро они перейдут к участию в проекте по разработке вакцины, о чем все говорят.
Но он работает даже слишком много. Иногда говорит о том, что хочет оставить работу по найму и мечтает устроиться где-то еще в мире, может быть, в Америке. Может быть. Иногда желания людей, которые они озвучивают, не совпадают с реальными.
Он работал с гей-пациентами с самого начала, с тех дней, когда о ВИЧ и СПИДе мало что было известно, в тот долгий период, когда исчезали целые мужские сообщества, до сегодняшней робкой надежды на передовые методы лечения. Разговор с ним об этом заставил мою работу казаться более востребованной.
Бывшие. То, о чем мне следует научиться лгать. Моим самым длительным отношениям на данный момент пять месяцев. Иногда говорю шесть, типа, более круглое число, полгода или полдюжины яиц, аккуратно упакованных.
Остальное, что следует упомянуть: первый парень, к которому я так до конца и не

проникся сильным чувством; и тот, кто похитил мое сердце, когда я уже собрался уезжать из Брюсселя. Обычное оправдание, что я много путешествую и никогда не нахожусь долго в одном месте. Или что разборчив. Или что мне нужно найти кого-то подходящего. Не знаю, насколько убедительно это звучит.

У Нила, с другой стороны, солидный список. По крайней мере, три раза попыток выстроить отношения на протяжении четырех лет. Еще несколько чуть менее. Часто в виде совместного проживания. Все это было моногамным, что я нахожу необычным в это время, или, может быть, необычным в этом городе. И он остался в друзьях и регулярно общается со всеми, кроме недавнего. Я воспринял это как хороший знак.

Некоторые свидания даже не заходят настолько далеко. Сразу понимаешь, что говорить не о чем. Если же они достаточно необычны, чтобы однажды оказаться в одной из моих историй, то, да, я уделю немного времени, задам вопросы, вежливо послушаю. В противном случае, поспешно извиняясь, я ухожу.

Знаю, что не должен ему рассказывать, но так получилось. Не столько с той части, что касается историй, а с той, как люди по своей природе эгоцентричны.

Он рассмеялся, согласился добавляя:

- Я не часто хожу на свидания. И ты — первый, с кем я договорился через Интернет.

Я пригласил его к себе.

Мы сидели на диване, соприкасаясь коленями. Он сказал мне, что у меня красивая шея.
Я сказал, что мне нравятся его рыжие волосы.
- Это хорошо, - весело заметил он, - поскольку это единственный доступный в данном случае цвет.
Это прозвучит еще не раз, но в других вариациях: уважительно и без намека на комплименты и с детским ликованием в удовлетворении от того, что мир таков и ему это нравится.
Мы пили чай на балконе, и он сказал, что пора идти. Завтра - презентация для студентов-медиков и хотелось бы подготовиться.
- О чем она?
Он коснулся моей руки:
- Кожа, самый большой и видимый орган тела. Почти у всех, у кого есть ВИЧ, появляется какая-то сыпь или инфекция. Если знать, как правильно интерпретировать признаки, возможно определить не только потенциальный симптом ВИЧ, но и то, насколько далеко зашла болезнь. Или, — произнес он, проводя рукой по моему плечу, — это может быть просто обычные проблемы с кожей.
Чай остался остывать. Мы неторопливо поцеловались, договорились увидеться через два дня. Поскольку я обычно сплю с мужчинами на первом свидании или сплю с ними даже и до того, как назначаю первое свидание, я подумал, что начало - хорошее.

~

На втором свидании я действовал напористо. Он пригласил меня на ночь к себе, в просторный, светлый дом недалеко от пляжа Куджи* с видом на Океан.
Поскольку я знал, что меня ждет, то решил, что долгая прелюдия не повредит.
Я чувствовал себя довольно свободно в театре на заднем ряду, гей-пары в зале, кто-то прямо за нами слева, и гей-исполнитель, произносящий длинный монолог на фоне слайд-шоу из фотографий его семейных связей со всего света. Семья и кровные узы имеют большое значение. Я схватил руку Нила, поднес ее к губам, поцеловал.
Позже в ресторане я попытался внимательнее рассмотреть его руки. Я иногда проделываю это на свидании, как способ больше рассказать о себе. Кроме того, думаю, что в хиромантии есть доля правды, хотя никогда не мог как следует запомнить варианты прочтения линий на руке, рассматриваемые в дешевом карманном издании.
Проблема была в том, что у большинства парней, с которыми я встречаюсь, на руках, казалось, похожие линии, поэтому трудно придумывать что-то новое.
Протяженная, четкая линия жизни, изгибающаяся вниз к запястью.
Линия ума посередине, проходящая через всю ладонь, указывающая на множество интересов

* **Coogee Beach** - побережье одноименного пригородного района Сиднея.

и способность к различным видам деятельности.
Линия сердца, выше всех из трех, - самая важная. Если она изогнута, человек лучше выражает свои эмоции вовне. Если прямая, эмоциональная жизнь может быть скрытнее. Чем длиннее, тем человек романтичнее, менее ревнив, более восприимчив к своему партнеру и великодушен. Однако, если слишком длинная, то и требования будут соразмерными. Это человек, который умрет за любовь. Однако Нил каким-то образом умудрился держать свои ладони при себе все то время, пока я размышлял о хиромантии.
Почти все в Сиднее откуда-то из других мест, и Нил не стал исключением. Но его семья переехала из Мельбурна, когда ему было десять, поэтому он считает себя местным. Заявляя в качестве доказательства, что *все знают Нила;* а он *знает всех*. Это достаточно большой город, чтобы гей-жизнь здесь была очень развита, но недостаточно большой для сохранения анонимности. Сразу стало ясно, что он знает моего друга Росса, а также множество других людей, с которыми я познакомился с того времени, когда приехал. Признаюсь, мне не слишком нравилось понимать, что если мы начнем встречаться, многие друзья уже будут знать его. Вместо того, чтобы создавать что-то новое, придется вписываться, приспосабливаться. К тому же меня станут замечать. *Кто это новый парень Нила?*
Странно, что после стольких лет борьбы за

открытость в любви, сама идея публичных отношений пугала меня.
Я хотел спросить его, верит ли он в настоящую любовь. Есть ли на свете один Ромео или много? Сколько аспектов любви в данной астрологической карте? Какое сочетание физического, интеллектуального, духовного и эмоционального присутствует в его делах и отношениях? Выверяет он или угадывает правильное количество каждого компонента?
Вместо того я спросил, какой у него знак зодиака. И удивился ответу. Думал, что Рыбы должны быть мечтательными, непрактичными, озабоченными своим духовным развитием. Это знак, наиболее близкий к просветлению. Конечно, ему нравятся океан и море, поэтому водный знак кажется соответствующим, но он также любит быстрые машины, имеет солидную, респектабельную профессию и настойчивость в характере. Я предполагал его знаком что-то из Земли.
- Ну, - объяснил он, - я непрактичен с деньгами и слишком быстро покупаю новые машины. Может, это во мне от Рыб.
Нил — путешественник. Я не могу вспомнить, какие знаки зодиака отличаются любовью к этому. Чтобы выдержать тяжелый рабочий график и все сопутствующие нагрузки, он обязательно берет полных пять недель ежегодного отпуска. В этом году маршрут был обширным: поездка на Файр-Айленд* в Нью-

* **Fire Island** - протяженный, курортный остров на южном побережье, недалеко от Нью-Йорка.

Йорке; еще одна в Лондон, потом в Париж. В следующем году хотелось бы чего-то экзотического, может быть, Португалия и Марокко.
Я пытаюсь вспомнить название красивейшего пляжа в мире. Он на самой юго-восточной оконечности Португалии, сразу за туристической южной полосой Алгарви*. Достаточно далеко, чтобы никто и не вспомнил о существовании этого места, за исключением горстки туристов с рюкзаками за спиной и с таким же путеводителем, как у меня. Сонное утро, завтрак из хрустящих булочек с соленым маслом и бодрящим кофе с молоком, на обед жареные сардины и *Виньо Верде* на ужин.**
Пляж раскинулся под скалами, которые обступили его вокруг, контурами напоминая элементы гигантской мозаики. Прорастая прямо из песка, высокие и прямые, будто пальцы ног великана. Океан, набегая, уносил все. Сформировав нетронутую поверхность мягкого, словно тихий шепот, песка, такого же чистого, как мысли идеальной медитации. *Сагреш**. Я не помнил название до последней встречи.**
От театра до ресторана, Нил за рулем заставил меня нервничать, его бронзовый Mercedes-Benz вытанцовывал в потоке машин,

* **Algarve** - второй, после Лиссабона, туристический регион Португалии.
** **Vinho Verde** (португ.) - *зеленое вино* или молодое вино, как правило, из провинции Миньо на самом севере Португалии. Виноградники этой местности упоминаются еще древнеримскими авторами.
*** **Sagres** - крохотный городок в Португалии у мыса Сан-Винсенте. Основан в 1519г. Население ок. 2000 человек.

кренился на поворотах, будто мы играли в салки.

Могу представить, как он берет похожую машину, может быть, ярко-красную, чтобы следовать из Сагреша на север вдоль побережья. Высматривая знаки, информирующие о направлении к Лиссабону.

Дорожные знаки - настоящее чудо. Если чуть прикрыть глаза, они могут показаться одинаковыми в любой точке мира, белые светоотражающие буквы, вариации зеленого в фоне, предупреждающие желтые тона, информация в синих. Но вблизи заметно что-то другое, форма стрелки, которую никогда не видел, непонятная до конца пиктограмма.

Люди совершают ошибку, высказываясь в том смысле, что мир везде одинаков, куда бы ни пойти, кого бы ни встретить, - люди в основном одинаковы. Места и ситуации тоже. Однако есть разница между чем-то похожим и чем-то схожим.

Возьмем, к примеру, силуэты животных. Контур зверя в золотом пятигранникe может иметь несколько значений: будьте внимательны, чтобы не пропустить появление животных (для фото, если вы турист), то же самое, но если они внезапно появятся в свете ваших фар, постарайтесь не сбить их, опять же, будьте внимательны, поскольку вы сейчас за городом, и может случиться все, что угодно. Так что, основная истина: дикая природа во всем мире наводнена зверями. Смотрите под ноги. В то же время лось не похож на оленя, так не похожего на кенгуру.

Нил сразу схватил счет, что мне совсем не нравится на первых свиданиях, но я позволил. Мой кошелек был скуден в то время, а предложенный ресторан, оказался дороже, чем я ожидал. Казалось, он сделал это из щедрости и великодушия, а не из снисходительности. И на следующее утро позволил мне угостить его гораздо менее дорогим завтраком.

~

Третье свидание было катанием на роликах в парке Сентенниал*. Канадцы, предполагается, должны уметь кататься на коньках и лыжах. Поэтому, когда Нил сказал, что это как коньки, ты же умеешь на коньках, не так ли? Мне пришлось признаться:
- Нет.
Он метался из стороны в сторону на дорожке, переходя от терпения к нетерпеливости. А мои ноги слишком часто проваливались, и я был слишком осторожен и застенчив. Думаю, мне нравится скорость, только когда ее контролирует кто-то другой: например, на американских горках. Когда все зависит от меня, все идет как идет.
- Давай, ну же, - уговаривал он, и мы пробовали, я держась за его талию, а затем за руки, что лишь еще больше смутило меня. Я заметил, что его стремление к скорости взяло верх над природной осмотрительностью. Что позабавило, поэтому я попробовал и действительно поехал быстрее,

* **Centennial Park -** пейзажный, городской парк Сиднея. Открыт в 1888г.

но не намного.
Вскоре перед ним неожиданно и резко затормозил велосипедист. Нил выругался и ушел вправо, развернувшись в мою сторону. В глазах его не было и тени прощения. Он некоторое время молча кружил вокруг, а затем оживленно поведал мне, что несколько недель назад пробежал марафон на таких же роликовых коньках. Ему потребовалось на это пару часов менее, чем без них. Некоторые могут посчитать такое жульничеством, но я думаю, чтобы пробежать марафон в любом варианте, требуется определенная доля решимости.

~

Всего через три недели у нас состоялся последний день вместе. Мы виделись каждые несколько дней с момента первых встреч. Не слишком интенсивно, но лучше, чем от случая к случаю. Мы провели день на пляже Шелли*, более тихом, чем близлежащий Мэнли, затем поехали к нему домой помыться. На следующий день должна была прийти горничная, и Нил провел все время, пока я был в душе, прибираясь. Я пошутил на эту тему. Это был хороший, расслабленный день. День, располагающий к легкому юмору и некоторому сарказму.
- Ну, иногда я даже прохожу за ней, - вытираю пыль в тех местах, которые она пропустила, - он смущенно посмотрел на меня. Его рыжие волосы странно топорщились

* **Shelly Beach** - расположен в пригороде Сиднея Мэнли.

после дня на улице. Я не был уверен, шутит он или нет.
Я играю в бридж. Знаю, звучит старомодно, но каждое воскресенье - это время для этой игры. Мне нравится думать на этот счет, как о чем-то старомодно-крутом. Мы вчетвером идем в местный бар, где пьем больше, чем играем в карты, и разбираем случившееся за день. В тот день мы с партнером проиграли игру, и бар был переполнен. Дым и запах пота в резком смешении отвлекали меня, делали нервным.
Нил появился, чтобы увидеть меня. Я заметил его, оставил друзей вокруг маленького столика, подошел к нему и спросил, не хочет ли он присоединиться.
- Я пришел поговорить с тобой.
Я оживился, развернулся к нему, польщенный, и тут же увидел серьезность на его лице.
Ну, клише, которые он использовал были стандартны: *Я не готов к отношениям. Мы не хотим одного и того же. Ты реально отличный вариант, но.. Надеюсь, я нигде не обманывал тебя. Но, что называется, "не щелкнуло".*
А вот что должно превалировать, но нет: *я должен был быть честным*.
Это было его *фу па: Объявление выглядело хорошо.**
- Ты отметил, когда мы занимались любовью?
Да, но я-то думал, что мы не особо частили в том в виду лучшего на будущее. Предоставить ожиданию нарастать. Прелюдия перед более поздней симфонией.

* faux pas (франц.) - оплошность

Не нужно спешить сейчас, потому что завтра будет пир.
Вместо того - все это.
Я остался в баре, он ушел. Мрачное выражение лица скрывать было невозможно.
- С тобой все в порядке? — спросил Дин, мой высокий дружелюбный знакомый, похожий на персонажа комиксов. — Три недели, приятель, это ни о чем. Здесь полно рыбы каждый год. Неужели возможно отдать свое сердце так быстро? Это просто смехотворно.
Следующим был Росс.
- Ну, раз ты сейчас с ним не встречаешься, я могу рассказать тебе о нем все плохое.
Когда я узнал, что Росс знаком с Нилом, сразу сказал:
- Рассказывай только хорошее.
Но Росс лишь кивает и наклоняется вперед:
- Физическое насилие. История в прошлом, с кем-то, кто меньше его. Таким, как ты. Так что, без него всяко лучше.
Мне представился Нил в лабораторном халате, в попытках отыскать комбинацию лекарств, более безопасную и эффективную для человека с ВИЧ. Я представляю его в те дни, когда он только начинал заниматься медициной, ежедневный процедурный график, зеленые глаза, с постоянным выражением озабоченности , розовый румянец на щеках, акцентирующий рыжий цвет его волос...
Как он мог это сделать? Ударить кого-то. Причинить кому-то боль. И вспоминается, как он поднял меня во время секса, когда мы были вместе в первый раз, та легкость, с

которой мой вес взмывал в воздух под его руками. Я видел его силу.
Меня били только один раз в жизни. Мне было четырнадцать лет, это был прибрежный парк в Ванкувере, бледная девочка с широко раскрытыми глазами в рваной джинсовой куртке подбежала, двое старших, но сильных парней встали между мной и двумя моими друзьями.
- Что ты сказал? — заявила она и начала размахивать руками, и хотя была меньше и тщедушнее меня, мои руки оставались внизу, без движения.
Я не мог ударить девочку. Даже когда она наставила мне синяк под глазом. Мальчики не бьют девочек, был убежден я. С другой стороны, также думал: и девочки не бьют. Мальчики лупят друг друга все время. Так же как и мужчины. Но в боксерских перчатках или в барах и пропитанных алкоголем переулках, в бедных кварталах, защищая честь возлюбленных. Но не бьют их самих. В красивом доме у пляжа с видом на воду. И уж тем более так не поступают врачи.
Нил рассказывал мне, что в тяжелые времена СПИДа он потерял десятки, если не сотни пациентов. Не было лекарства, не было комбинации лекарств, продлевающих жизнь, даже лекарств от сопутствующих инфекций. В первые годы они даже не знали всех типов болезней, которые могли поразить больного, и что их вызывало. Вот почему он обратился к исследованиям. Чувствовал, что у него нет выбора. Кто-то должен был выяснить,

как правильно помочь.
Я представляю себе эти заботы. И самоотдачу. В то же время отключение своих чувств и эмоций. Дистанцирование для выживания.
Может быть, хорошие признаки были знаком плохого в конце концов.
Я не знаю, сколько раз он ударил своего партнера, во время скольких инцидентов и как долго это длилось. Я не совсем верю, что это произошло, но верю, что произошло. По крайней мере, его партнер мог получить медицинскую помощь, если бы она ему была нужна.
Росс был прав, решая рассказать мне. Иногда, чтобы отстраниться от чего-то или кого-то, нужна веская причина.
И сейчас я дистанцируюсь. Задвину свое физическое влечение к Нилу в дальний угол. Тепло, исходящее от его кожи, его мощный торс, блеск в глазах, который я отметил еще когда мы сидели на моем балконе. Интеллектуальное влечение к нему тоже пусть займет свое место: причудливая коллекция ваз в стиле ар-деко; музыкальные предпочтения: женщины джаз-вокалистки и пластинки Motown* шестидесятых; наши общие любимые фильмы: *Танцы без правил*** и европейский артхаус.

* **Motown Records** - студия звукозаписи, где в 1960-е годы было разработано особое направление ритм-энд-блюза — так называемое *мотаунское звучание* (Motown Sound).
** Strictly Ballroom (1992) - австралийская романтическая комедия. Первый фильм из трилогии Red Curtain/Красный занавес (2002). Режиссер Баз Лурманн.

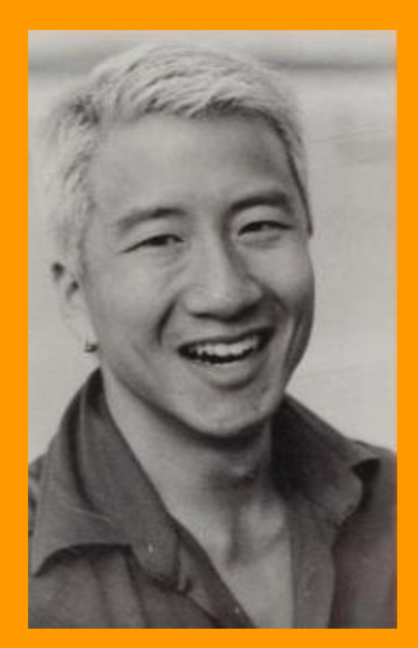
А влечение к идее отношений отойдет куда-нибудь еще: фантазии о пробуждении в чьих-то объятиях, неспешное утро выходных, сотворение новой композиции с кем-то посредством звучания привычных голосов. Я структурирую, упакую свои эмоции и продолжу путь.
Я жалею себя так же, наверное, как и его. Годами я думал, что в итоге идеального романа лежит гетеросексуальный, в общем-то, сюжет, чтобы заполучить меня. Меня искренне возмущало, когда мне говорили, что я неполноценен без любви. Я же провозглашал ценность дружбы, а не быстро вспыхивающее желание. Но сколько бы раз я ни полагал, что у меня это есть: душевное спокойствие, развязность в стиле Нэнси Синатры, самообладание, как у корабля в бутылке(как он все-таки туда попадает?), я возвращался к дореформенной дофеминистской поп-культурной покорной фантазии. Возвращался к сердцу, красному, как светофор, вознесенный над потоком машин в этом городе в попытке привлечь нужного водителя настолько, чтобы он остановился. Это плохой знак, знаю.
Иногда я молюсь. Помню, как ребенком я подражал образам из телевизора, детям американских семей из ситкомов семидесятых, не по годам развитым детям-актерам, которые в реальной жизни вырастут с наркотической и алкогольной зависимостью. Я становился на колени на коврике рядом с кроватью и складывал руки вместе, поднятыми вверх. Мои родители, атеисты и агностики, лишились бы

дара речи при виде этого. О чем я молился? Думаю, просто о безопасности моей семьи, что и было удовлетворено до сих пор. Я никогда не был религиозен, за исключением легкого, своего рода, заигрывания в этом отношении. Я бы назвал себя духовным человеком. Но должен признать: молитва есть молитва, два гласных звука, сливающихся вместе, открывают твои уста миру. Вылетит ли твоя душа или ворвется любовь? И как я узнаю, что это произошло? Что это не просто какая-то история, которую я сочинил, какая-то сложная фантазия, которую собрал по кусочкам. Что кто-то, будь то бог или ангел-хранитель, друг, которого я еще не встретил, или услужливый незнакомец, услышит мой зов.
Соедините мою руку с чьей-то еще. Дайте мне знак!

На пороге взрослой жизни, самопознания, каминг-аута; в университетских городках, Европе, Ванкувере, Торонто, Сиднее главные герои *Мальчика из календаря* постигают культурное наследие, сообщество, идентичность на пути, — как они надеются, — к любви, счастью и самопринятию. Шестнадцать приключенческих историй, действие которых происходит по всему миру, переплетаются с вымыслом, в основе которого смекалка, смелость и обаяние.
Куан безо всяких усилий переключается с повседневного непринужденного общения на скорострельный монолог и восторженные, воодушевленные впечатления иммигрантов, недавно прибывших в Канаду или соприкоснувшихся с гей-культурой.

Наполовину в городской жизни Канады, наполовину — в глобальной деревне, *Мальчик из календаря* придется вам по душе, даже если заставит вас взглянуть на мир по-новому.

«Истории в Мальчике из Календаря остроумны и сексуальны... ясно и проницательно акцентируя моменты страсти, удовольствий, боли и самопостижения». — Керри Сакамото [1]

Энди Куан - один из редакторов Swallowing Clouds [2], первой в Канаде антологии китайско-канадской поэзии. Его рассказы появлялись в одиннадцати антологиях, включая Queeries [3], Quickies [4], Carnal Nation [5] и Circa 2000: Gay Fiction at the Millennium [6]. А первый сборник стихов Slant [7] был опубликован издательством Nightwood Editions [8].
Родился в Ванкувере, Канада. Живет в Сиднее, Австралия.

[1] **Kerri Sakamoto** - *канадская писательница-романист, автор The Electrical Field/Поле под высоковольтной линией (1998).*
[2] *Swallowing Clouds: An Anthology of Chinese-Canadian Poetry/Доверяя облакам: Антология Китайско-канадской Поэзии (1999)*, другой редактор Джим-Вонг Чу.
[3] *Queeries: An Antology of Gay Male Prose/Квиры: Антология мужской гей-прозы* (Arsenal Pulp Press, Ванкувер, 1993), редактор Дэннис Денисофф
[4] *Quickies: Short Short Fiction on Gay Male Desire/Без промедлений: коротенькие рассказы на тему мужских гей-желаний (1998)*, редактор Джеймс Джонстон; *Quickies 2: Short Short Fiction on Gay Male Desire (1999)*, редактор тот же.
[5] *Carnal Nation: Brave New Sex Fictions/Нация чувственности: Смелые новые секс-фантазии (2000)*, редакторы: Кареллин Брукс и Брент Дж. Грубисич
[6] *Рядом с двухтысячными: Художественная гей-проза на пороге Миллениума* (Alyson Publcations Los Angeles/New York, 2000), редакторы Роберт Дрейк и Терри Вольвертон
[7] *Под уклон (2001)*
[8] входит в состав изд-ва **Harbor Publishing** (1974), Канада.